

18+

ПРЯДЬ

Владимир Масленников

Владимир Масленников

Прядь

«Издательские решения»

Масленников В.

Прядь / В. Масленников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601836-5

Закавказье, X век. Побережье Каспийского моря подверглось набегу северян-русов. Ингвар, юноша славяно-скандинавского происхождения, оказывается вовлечён в войну армянских царей из династии Багратидов за независимость от слабеющего Арабского халифата. И если на поле боя у Ингвара нет сомнений, им найдётся место в его душе. Сможет ли юный язычник постичь чуждое для него христианство? Смягчит ли его сердце любовь к армянской девушке? История каждого — прядь, что вплетается в единое полотно судьбы.

ISBN 978-5-00-601836-5

© Масленников В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	31
Глава III	55
Глава IV	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Прядь

Владимир Масленников

Корректор Юлия Килимчук

Дизайнер обложки Нина Воронина

© Владимир Масленников, 2023

© Нина Воронина, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-1836-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей жене, Наирянке.

Глава I

Небо на востоке темнело. Сливового цвета тучи тяжело вызревали над морем, казалось, коснись они воды – мигом пойдут на дно.

– Душно, – сказал себе под нос старый Кубад и зашёлся сухим кашлем.

Душно, хотя знакомый с малых лет ветер порывами бился о прибрежные скалы и качал жёсткие пучки блёклой травы. Кубад сидел на прогретом солнцем камне, приятное тепло которого смешивалось с душным теплом предгрозового воздуха; море к чему-то готовилось, не иначе. Без малого пять десятков лет Кубад ходил в эти волны закидывать сети, сперва с дедом и отцом, а потом с сыновьями и внуками; и вот уже восьмой год, как сыновья и внуки ходят закидывать сети без Кубада. Всевышний даровал ему долгую жизнь, но как рыбаку доживать её, когда мышцы стали слабыми, кости ломкими, грудь впалой? Море теперь призывно шумело для других, а над ним лишь насмехалось, но старик всё равно приходил к нему, садился на камень и слушал.

– Деда! – окликнул его звонкий голосишко Саллара, босоногого сорванца десяти лет, которого в море тоже пока не брали.

– Дедушка! – Саллар пристроился на камне и подёргал Кубада за рукав халата.

– Да? – отозвался наконец Кубад.

– Там мубашир... из Аш-Шабурана приехал, скверные вести привёз, – запинаясь проговорил мальчик.

– Мубашир призван налоги собирать, ему добрых вестей приносить и не положено, – улыбнулся Кубад.

– Не, сегодня другое совсем, хуже... – замотал головой Саллар.

С моря налетел сильный и неожиданно холодный порыв ветра. Воздух так ударил в лицо, что Кубад снова закашлялся.

– Скажи мне лучше... – старика прервал кашель, – скажи мне лучше: Йазид и Ахмад вернулись?

– Да, дедушка, я видел, как они сети развешивают!

– Передай им, чтобы сегодня сети в дом забрали.

– Передам, деда, но ты ж и меня послушай, наконец! – мальчик нетерпеливо ёрзал на остывающем камне.

– Говори, торопыга, – Кубад потрепал внука по голове. Других нежностей он не признавал.

– Мубашир сказал, что разбойники опять вернулись! – единым духом выпалил Саллар. – С моря, как ты рассказывал!

Кубад не шелохнулся, только пристальнее сощурил выцветшие глаза в морскую даль. Да, он знал, о ком сказал внук. Хазарское море – обитель торговцев и рыболовов, никто, кроме язычников-чужаков, не приводил сюда кораблей, чтобы грабить и убивать.

– Что ещё сказал мубашир? – спокойно спросил старик.

– Сказал, что шах в Аш-Шабуран воинов послал для защиты и всех с берега зовёт за стенами укрыться, а убийц он поклялся покарать.

– Спасибо, Саллар. Ну а теперь беги домой, скажи, что и я скоро буду.

– Так мы пойдём в город, деда?

– Беги домой, после всё узнаешь.

Саллар соорудил недовольную рожицу, но старшему перечить не стал.

Кубад вновь сидел на камне один. Пенные прочерки венчали гребни волн всё чаще, солнце скрылось за тучами, и небо теперь нераздельно сливалось с водой. Кубад ходил в море

пять десятков лет и всей душой тосковал по тем временам, но сегодня, даже будь он на жизнь моложе, всё равно остался бы на берегу.

Ветер принёс первые тяжёлые капли дождя. Природа изменилась, и чуть тёплый камень оставался вестником из другого, солнечного мира. Кубад со вздохом поднялся и поковылял по тропинке к дому. Блеснула молния. Нет, не стены Аш-Шабурана спасут их от жестоких разбойничьих клинков. И не воинам шаха суждено покарать убийц.

Сегодня этим займётся сам Всевышний.

* * *

Волны, огромные, как ладони йотунов-великанов, то вздымали ладью к небу, то бросали вниз, обрушивая на обессилившую дружину потоки бурлящей воды. Шторм бушевал вторые сутки, драккар Хельга унесло далеко от остальных кораблей русов; его воины – их осталось всего два с половиной десятка – все эти дни не смыкая глаз попеременно работали вёслами и вычерпывали заливавшую борта воду. Кормчий Ислейв лежал скрюченный на дне ладьи. Вчера удар волны вырвал у него из рук рулевое весло, точно пёрышко, а сам Ислейв сломал о скамью три ребра. Теперь Хельг правил ладьёй лично, взяв в помощники дюжего Лидуля.

– Гребите! Гребите! Гребите! Гребите! – хрипло орал Хельг, когда кораблю грозила очередная волна, и дружинники всякий раз скрипели зубами, впивались окоченевшими пальцами в вёсла и не подводили, не давали сверзиться в тёмную сырую пасть моря.

Минувшей ночью боги дали им передышку – буря поутихла, некоторым даже удалось поспать, но к утру небо снова затянуло, и рассвет оказался таким мрачным, словно прожорливый Сколь наконец догнал и проглотил Солнце. И снова приходилось рвать вёслами рыхлую плоть чужого моря. Снова отстаивать от воды каждый клочок своего плавучего дома. Снова потери и снова никакой надежды. Хельг не знал этих мест, не знал дна, не знал берегового узора и, главное, не знал, где они теперь, – лишь предполагал.

Ингвар, молодой сын Хельга, сидел на своей скамье, ближе к носу драккара. Когда приказывали грести – он грёб, когда приходил черёд черпать воду – черпал; если выдавалась возможность лечь и закрыть глаза – падал прямо у скамьи и лежал без движения. Впереди он видел сутулые спины товарищей и застывшую на корме фигуру отца, оборачиваясь через плечо – хищно скалящую морду рогатого морского змея, украшавшую нос ладьи. И отец, и змей вселяли в Ингвара надежду, первый – потому что не раз выводил людей из передрыг и похуже, второй – потому что служил отцу верным оберегом во всех походах.

– Светлеет небо, – донёсся до Ингвара чей-то сдавленный голос.

Небо и правда стало светлее. Даже дождь как будто бы ослабел. Впрочем, в бесконечных брызгах этого было не понять. Но при таких волнах и сшибающем ветре, даже если на небе не будет ни облачка – проку мало.

– Гребите! Гребите! Гребите! Гребите! – слышался голос Хельга.

Ингвар усердно работал веслом; чтобы не думать о содранных до крови ладонях, он представлял, что этот потемневший от воды кусок дерева рос когда-то на родных берегах...

– Гребите! Гребите! Гребите! Гребите! – так в детстве Хельг учил его плавать...

Передышка.

– Да чтоб мне сегодня ко дну пойти, если это не земля! – вскричал Лидуль, вскакивая на ноги и тыча пальцем в серую хмарь впереди.

Все как один повернули головы. Вдали проступило мутное блёкло-синее пятно, в котором опытный глаз и правда мог распознать очертания суши. «Больше похоже на чью-то злую шутку, чем на берег», – подумал Ингвар.

– Встреча с богами откладывается, парни! – весело крикнул кто-то.

Но тут раздался голос Хельга:

– Гребите! Гребите! Гребите! Гребите!

До земли ещё надо было доплыть. С остервенением уже отчаявшихся и вдруг снова обретших надежду людей воины навалились на вёсла. Но могучему Ньёрду сегодня было не до людей Хельга: новая волна подхватила судно и с размаху ударила его о каменистую отмель. Ингвар услышал хруст дерева и мгновенно понял, что это значит. «Топор!» – пронеслось в голове; юноша сломя голову бросился к мачте, у которой лежало оружие; по пути запнулся о злополучную лавку и, упав, разбил нос о другую. Боли он не почувствовал, а хлынувшей крови не заметил – только удивился, что бушующая всюду солёная вода у него на руках обретает розовый цвет. До цели Ингвар добрался на карачках, да так быстро – ни один четырёхногий зверь не угнал бы; схватив топор и соорудив из пояса ляжку, он закрепил оружие за спиной. Брось Ингвар его, и выжить в волнах стало б куда как проще, но Ингвар предпочел бы отправиться ко дну сам, чем расстаться с этим топором – родовой реликвией, подаренной ему дядей Эндуром, старшим братом отца. Собственные сыновья Эндурра полегли в далеких походах, и тот, состарившись и потеряв силу руки, из своих семерых племянников выбрал именно Ингвара. Это случилось как раз перед их походом на побережье Хазарского моря. «Береги его, – напутствовал Эрик, – подыскивай подходящий череп в каждом бою, и этот топор сделает из тебя доброго воина. Да и отец порадует».

Ладья разваливалась. Хельг с кормы что-то кричал дружине, но шум бури не давал разобрать слов. Когда рухнула мачта, Ингвар кинулся на неё ничком и обхватил изо всех сил. Кажется, кто-то ещё последовал его примеру, прежде чем новый грозный вал увлёл поверженный корабельный столп за собой. «Гребите! Гребите! Гребите! Гребите!» – точно морок, бился в висках голос отца, но грести было нечем – Ингвар и разжать-то онемевших рук не мог. Освободившись от кожаных башмаков и отплевавшись от забившей глотку воды, юноша обратился с истовой мольбой ко всем известным ему богам. Он мешал в одно и отцовских богов, суровых северных воителей, и богов славянки-матери, и распятого ромейского Бога, и даже чудных божков, которым кланялись степные коневоды. Но со всех сторон по-прежнему бушевали неумолимые пенящиеся волны. До чего же тяжело дышать, не заполняя водой лёгкие! В ушах отвратительно шумело, всё вокруг дергалось и вращалось. И вот мир, и без того тускло-серый, канул в гудящую тьму.

* * *

Славно очнуться, когда ты на это уже и не рассчитывал. Тянуло шею, а к затылку точно привязали тяжёлый морской якорь, но об этом ли горевать, когда небосвод снова чист и четверка быстроногих скакунов возносит в голубые дали огненную колесницу солнца. Стало быть, мир ещё жив; стало быть, впереди новый день, а волки-оборотни вновь посрамлены. Ингвар с трудом оторвал тело от песка и огляделся.

Шагах в пяти от него сложили нехитрые пожитки, которые удалось спасти от гнева морского владыки: оружие, щиты, одежду, пищу. Кругом знакомые лица, жалкие остатки некогда крепкой отцовской дружины.

Ислейв – старый кормчий, которого буря сломала первым.

Лидуль – не отличавшийся ничем, кроме силы, но желавший стать учеником Ислейва.

Сверр – похожий на кабана, но прозванный кунницей.

Бор – живучий старик.

Фрелав – предпочитавший лук мечу и топору.

Волх – родич Фрелава по матери.

Рулав – не сумевший сохранить зубов, но любимый богами.

Эйнар – десять лет служивший ромеям.

Первуша – имевший пятерых старших сестёр, но бывший единственным сыном своих родителей.

Борг – которого боги прокляли бездетностью.

Сдеслав – боящийся собственной жены.

Рори – этот всегда выплывет.

Хельг – отец.

Ингвар был рад каждому; тринадцать человек, включая его самого. Остальные на дне, о них вспоминать не след. Что ж, боги сделали свой выбор, каким бы странным он ни казался.

– Ну, выспался? – Хельг, усмехаясь, присел рядом. – Из тех, кого вместе с тобой смыло, только Рулав тёплый да дышит. Остальные рыб кормят. Так что если есть силы – празднуй.

– Отпразднуем, когда Рулав раздобудет пива, – нашёл в себе силы улыбнуться Ингвар.

Послышалось несколько усталых смешков.

– Да ты на него-то не смотри, – поморщился Хельг. – Ему на роду написано на суше помереть. Пятнадцать лет походов – почитай за полсотни штормов, и раз пять его за борт смывало. Да только каждый раз пучина его обратно выплёвывала.

Растянувшийся на песке Рулав беспечно подёргал босыми ступнями.

– Заведи себе такую же отвратительную рожу, как у меня, и ни за что не потонешь, – пришепётывая отозвался он. – Владыка Ньёрд нипочём не согласится видеть мою беззубую пасть в своём чертоге! И меня оно устраивает – смерть воина, с мечом в руке и с твёрдой землей под ногами куда милее!

– А Всеотца твоя рожа не смутит, значит? – усмехнулся Борг.

– А Всеотец и сам кривой! – ответил Рулав и расхохотался.

– Тише! – прикрикнул на него Хельг.

Он выглядел постаревшим и осунувшимся, хотя от Ингвара и не укрылось облегчение во взгляде отца. Несмотря на внешнюю суровость и крутость характера, старый ярл любил сына, а раз тот уцелел, значит, боги не прокляли Хельга и все беды можно ещё поправить... Но тяжесть ноши, что легла ему на сердце после потери дружины, это не облегчало. Ведь каждый из воинов был дорог Хельгу не менее собственных сыновей.

Внимание к очнувшемуся Ингвару быстро пошло на убыль, воинам было чем заняться и без него: они приводили в порядок уцелевшее оружие, сушили одежду, готовились к длинному опасному переходу. Рядом остался только Рори, друг-сверстник, которого Хельг взял в свою дружину по горячей мольбе сына. Их большую компанию одногодок, выросших вместе на берегах Волхова, разбросало по разным ладьям, и со многими, вероятно, им уже не суждено встретиться. Но Рори с Ингваром в этот раз уцелели, для них – смерть промахнулась. Это ли не повод для радости?

– На воде, конечно, жуть была! – в полголоса, но с запалом проговорил Рори, придвинувшись ближе. – Я видел, как ты за топором пополз, а потом всё... подумал, помер ты, но честно, даже взгрустнуть не успел...

– Слова истинного друга, – вздохнул Ингвар, пряча улыбку.

– Ай, да хватит! Как будто ты там по мне слёзы лил.

Ингвар, к своему стыду, понял, что в тот миг топор волновал его куда сильнее, чем друг.

– Рори, дружисе, я за твоё спасение рад едва ли не больше, чем за своё, так что хватит об этом.

– Да уж, – протянул Рори. – Вообще, Инги, я не знаю, кто там мог хоть о ком-то, помимо себя, думать... Кроме твоего старика, разве что. Когда Лидуля за борт смыло, Хельг успел ему конец бросить и вытащил, а потом они вдвоём на пару Ислейву хворому утонуть не дали. И на берегу тоже метался, всех вытаскивал. Вот даром что старый, а сил у него... да и плавает, что твой окунь.

Рассказ не удивил Ингвара, всякий, кто ходил с отцом в море и в битву, старого ярла ценил. Хельг владел землями в окрестностях Ладоги, и, когда он собирался в поход, от желающих идти в его дружине отбоя не было. Часть отцовского уважения распространялась и на Ингвара, впрочем, не слишком большая – настоящее уважение у русов иначе как собственными делами не заслужишь; так что мечтам юноши стать одним из отцовских хэрсиров ещё долго суждено было оставаться мечтами.

– А как берег? Смотрели уже его? Ведь нас и местные заметить могли... – меняя тему, обратился он к Рори. Ингвар всегда чувствовал некоторую неловкость, говоря о подвигах отца.

– Хельг послал Первушу с Эйнармом, они прочесали округу чуть ли не до горизонта – ни одного поселения.

– Но за горизонтом-то они наверняка есть... Не думаю, что нам так же повезёт, когда потащимся вдоль берега на юг.

Рори усмехнулся:

– Ну да, твой отец именно так и сказал. Только вдоль берега мы не пойдём; вдоль – слишком опасно, надо вглубь уйти немного... Потом, неожиданно весело протянул: – Э-э-э-х что будет! – и замолк, как будто сказал чего лишнего.

Молодые люди переглянулись и поняли, что думают об одном и том же. Ужас вчерашнего дня отступал, и впереди им предстояло пешее путешествие через неизведанные земли. Да, оно вряд ли будет похоже на развлекательную прогулку, но зато никому из их родичей и друзей не выпадало совершить подобного. Если они вернуться, то именно их истории будут пересказывать у походных костров молодняку и именно им будут завидовать дружинники других ярлов. Ну а что до опасностей – молодые люди склонны их недооценивать, ведь именно в опасностях по-настоящему познается мир и чувствуется жизнь.

Глаза Ингвара меж тем вновь начали слипаться – он был слишком утомлен для долгих разговоров. Темнело. Остатки Хельговой дружины ютились под рёбрами жёлтых прибрежных скал, костра на ночь разводить не стали, и морской холод всё наглее залезал под лохмотья, заставляя северян теснее жаться друг к другу. Ингвар натянул до подбородка отданный ему кем-то плащ, который успел высохнуть, но от соли теперь хрустел и почти не гнулся. Сквозь наваливающийся сон он слышал, как отец говорит, мол, к утру надо выступить, ибо края эти от северян успели хлебнуть всякого, и встретиться им отряд арабов или хазар – дружелюбия и гостеприимства ждать нечего. «Ну а местные – отцовский голос звучал тихо и убаюкивающе, – хотя арабов с хазарами не жалуют, так и нас им любить не за что».

Наутро костерок всё-таки разожгли и сварили из остатков спасённых припасов скучную полупустую похлёбку. Подкрепившись, выступили. Решили пробираться на Север, к Атши-Багуану, острова близ которого русы превратили в свой лагерь. Хельг вновь вёл людей наугад, и на сердце у него было темно. Чутьё уже подвело его среди волн, а в море ему всегда везло больше, чем на суше.

* * *

Последние следы бури, принёсшей северянам столько бед, наконец рассеялись. Теперь молодым казалось, что всё плохое уже позади. Несколько дней пути, и горячо запыхают для них костры у шатров братьев, жир будет течь на руки с кусков жаренного мяса, а чужие небеса дрогнут от родных северных песен.

«Покойники на дне, а живым и прогуляться пора» – беспечно сказал Первуша, бросив последний взгляд на оставшееся позади море.

Однако опытные воины знали: за каждой кряжистой бурой скалой и изумрудным кустом, сколь бы ни тешили они глаз, может скрываться враг. Враг, превосходящий числом, полный сил и готовый к бою.

Этот край, раскинувшийся от скалистых берегов Каспия до самого Понта, сотни лет был полем для множества кровавых битв. Могучие империи Запада и Востока сталкивались именно здесь. Белеющие вдали вершины гор ещё помнят блеск наконечников копий, что держали в руках закованные в латы парфянские всадники, а зелёные долины хранят в себе отзвуки тяжёлых шагов римских легионеров. Здесь, на стыке эллинского мира и дикой Скифии, иногда мечом, а иногда хитростью и набитым золотом кошельком византийские басилевсы стремились одолеть властителей Сасанидской Персии. Здесь высекали кресты из камня и поднимали к небу остроконечные купола церквей армянские христиане и принявшие новую веру вслед за ними обитатели Картли, Абхазии и Албании.

Эпоха сменяла эпоху, и вот уже и могучая держава иранских шахов канула в лету под ударами новых завоевателей – арабов. Мусульмане пришли, когда ослабленные непрерывной борьбой друг с другом персы и греки не смогли оказать им достойного сопротивления. Когда пали великие, армянам и другим народам, живущим у подножий Кавказского хребта, также пришлось покориться пришельцам. Многие тогда были убиты, многие взяты в плен, а прочих обложили данью.

Нет, жизнь осталась сносной, да и привыкнуть можно ко всему – это лишь вопрос времени и цены. В обмен на покорность мусульмане обещали защиту от внешних врагов и поддержание порядка внутри страны. Поначалу так оно и было, однако порядок этот на поверку оказался чужим. Налоги становились всё тяжелее, а наместники халифа всё бесцеремоннее. Христиане, от владетельного князя до последнего рудокопа, во всей полноте познали, какова она – участь проигравших. Во все годы арабского владычества восстания и освободительные движения, возглавляемые князьями знатных армянских родов, вспыхивали повсеместно. Обходились они дорого: халиф посылал войска, которые оставляли после себя разрушенные города, сожжённые деревни и пустые амбары.

Но никакая сила не может господствовать вечно; к середине IX столетия от Рождества Христова Арабский халифат уже раздирали внутренние противоречия. На востоке державы эмиры из мощной династии Саджидов, признавая на словах власть Багдада, основали своё государство со столицей в Мараге. Местных христианских князей, подвластных арабам, новые владыки продолжали считать своими вассалами, однако достаточных сил для постоянного поддержания своей власти над ними уже не имели.

Тогда князья из древнего армянского рода Багратуни сплотили вокруг себя представителей других знатных домов и в жестокой борьбе завоевали независимость для своей земли, а вместе с ней и право на царскую корону. Впрочем, долгое время их свобода всё же не была полной – корону цари получали от халифа и вынуждены были платить ему дань, приходилось им считаться и с саджидскими эмирами. Борьба продолжалась – то затухая, то вспыхивая вновь ярко и кроваво.

Тем жарким летом, когда остатки дружины Хельга спасли свои жизни от гнева Каспия, спокойствия во всём краю не было. Царь Ашот II, прозванный Еркат, что на армянском означает «Железный», вёл войну с Саджирским эмиром Юсуфом, желая окончательно избавиться от посторонних вмешательств во внутренние дела армянского царства и сделаться суверенным правителем на подвластных ему землях. Были у него и личные причины ненавидеть арабов – они убили его отца, царя Смбата. Убили страшно, обманом захватив в плен, обезглавили и распяли тело над крепостной стеной Двина – древней армянской столицы.

Северянам войны и устоицы земель, в которых они оказались, были неведомы. Да и забросило их во владения шахов Ширвана, далеко от основных мест событий. Тем не менее, русы справедливо полагали: кто бы ни встретился им на пути, дружеской помощи от него ждать не стоит.

Поэтому двигались быстро, избегая лишнего шума. Короткие привалы делали через каждую восьмую часть солнечного круга, а немногочисленную поклажу несли по очереди, осво-

бодили от этой повинности только наиболее пострадавших во время шторма, вроде Ислейва, который хотя и мог идти на своих двоих, оставался смертельно бледен и глухо постанывал, когда приходилось карабкаться по камням вверх.

– Как доберёмся – живо отлежишься, – попытался обнадёжить кормчего Лидуль.

– Не забивай мне голову всякой чушью, мальчик, – огрызнулся Ислейв. – Это будет долгий и унылый путь, который для нас, вероятно, кончится смертью. Тогда и отлежусь.

Ингвар мрачного настроения не разделял, отоспавшись за ночь, он чувствовал, что, помимо лёгкого шума в голове и стертых ног, здоровье его налаживается. Ясная погода, морской воздух и необъяснимое предчувствие нового, от которого дух захватывает, – всё это вовсе не располагало к продолжению болезни и унынию. «Но я вряд ли был бы веселее Ислейва, сломай себе, как он, всё нутро» – подумал Ингвар.

Уже сгущались сумерки, когда путь отряда перерезал озорной ручеёк, весело бежавший в сторону моря, как будто насмехаясь над суровыми оборванцами. Вид пресной воды – ведь в запасах её почти не было – поднял настроение и усталым северянам; все напились вдоволь, и Хельг объявил привал. Общим советом решили отдохнуть до полной темноты, после чего вновь выдвинуться в путь. Идти ночью безопаснее, поэтому длительный отдых отложили до рассвета нового дня. Сейчас главное – уйти подальше от первой стоянки – следы крушения могли привлечь непрошенных гостей.

Утолив жажду и умывшись, Ингвар повалился на слепленный вместо ложа ком тряпья. Стоило прекратить движение и лечь, как усталость накатила со всей силой.

«Спать! – пронеслось у него в голове, – Хотя бы немного, пока есть такая возможность».

Но Рори, на которого, казалось, усталость не действовала вовсе, водрузился рядом и мечтательно произнес:

– Занятный край, а? Ни одной живой души, но занятный...

Желающих поддержать беседу не нашлось, но Рори это не расстроило.

– Оно, конечно, нам и лучше, что ни души, но хотелось бы хоть одним глазом взглянуть, как тут люди живут... – продолжал он, словно не замечая усталых лиц товарищей и всеобщего нежелания обсуждать пустяки.

– Ты бы жить здесь хотел? – повернулся он к другу. – А, Инги? Ты бы уж наверняка хотел! Как думаешь, чем можно заняться, если родился в такой дыре? Твоя ставка, чем бы занялся я?

– Думаю, что ты бы продолжал доставать всех дурацкими вопросами, – буркнул ему в ответ расположившийся рядом Эйнар, раздражённо взлохматив свою густую копну седеющих волос.

– Ты старый и скучный, и обращался я не к тебе, а к Ингвару. – Рори закинул ноги на подернутый мхом валун. – А, так что ты скажешь, Инги?

– Рори, у меня в башмаках месиво из морской соли и стертых мозолей. Кажется, что пока мы тут шли и тащили поклажу, асы тебя на руках несли... Так что будь добр, заткнись и спи.

– Да ладно тебе, я вот уже представил старика Хельга в цветастом тюрбане и тебя такого, бьющего башкой в пол по пять раз в день, как делают смуглолицые южане Серкланда, когда молятся своему Богу. Хотя, может, местные делают это и по-другому... Тебя, Эйнар, я тоже представил, но с тобой так скучно, что родись ты хоть в самом Асгарде, собеседником останешься так себе.

Рори рассмеялся и чересчур громко, чем заработал тяжёлый взгляд Хельга. Ингвар же разразился отповедью:

– Послушай, тут все до смерти спать хотят, а ты никак решил составить прядь о нашей судьбе и причудливых сплетениях нитей трёх норн, не иначе! Даже не знаю, существуют ли под солнцем вещи, о которых я бы сейчас желал говорить; но уж точно не существует ничего, что занимало бы меня меньше твоего проклятого любопытства!

Отвечая так, Ингвар однако немного лукавил, потому что вопрос Рори не показался ему таким уж неуместным. Ингвар с юных лет ходил в походы с отцом, и повсюду, где ему встречалось нечто новое, отличное от обыденности его ладожского детства – везде ему хотелось остаться дольше. Погрузиться в неизведанные материи, разобрать их до нитки и понять, почему люди в тех краях живут именно так, а не иначе. Его интересовали языки, обычаи, боги, легенды; во всей дружине Хельга не было слушателя благодарнее, чем юный сын ярла. Как-то Сдеслав стал подтрунивать, мол, Ингвар только и живёт тем, что донимает иноземцев расспросами, но быстро перестал, когда в ответ услышал: «Лучше много расспрашивать иноземцев, чем отпрашиваться в поход у жены». Тогда в дружине Ингвар едва не обрёл славу острошлова, но подтвердить её после так и не сумел.

Одним из самых удивительных событий своей жизни Ингвар считал путешествие в Константинополь. Будучи частыми гостями в греческих городах Тавриды, русы охотно водили дела с ромеями – причём как торговые, так и военные. Несколько лет назад Хельг увёл свои ладьи вниз по Днепру с большим грузом добытой у чуди пушнины. Разменять меч на купеческие весы – обычное дело для варягов, если предприятие сулило выгоду. В тот год им удалось заключить в Корсуні славную сделку с одним из греческих торговцев, а после тот предложил северянам за хорошую плату сопроводить его по пути на родину. Конечно же, ромей рисковал, сделав такое предложение, – нередко случалось, что русы из охранников во время длинного пути превращались в грабителей, но Понт и без того небезопасен, а Хельг пользовался в Корсуні репутацией хорошего воина и честного купца. Поэтому Ставрос – так звали грека – решил рискнуть, хотя и попросил, чтобы для вящего спокойствия сын Хельга, Ингвар, плыл в одной ладье с ним в качестве гаранта верности русов.

Оказалось, обе стороны остались в выигрыше от этого союза, а более всех – Ингвар. За дни плавания он сдружился с купцом; тот не отличался тонкостью ума, но рассказывал всякие интересные истории. В основном забавные или страшные небылицы о путешествиях, но иногда и вещи правдивые: о жизни на родине, о вере и о прошлом своего народа. Купец обучил смышленного северянина объясняться по-гречески, рассказал ему про распятого на кресте, а потом ожившего Бога, в которого все верят в Царьграде, и в придачу множество невероятных сказов о святых, которых ромеи тоже почитали и которых оказалось куда больше, чем богов в Асгарде. Рассказывал Ставрос живо, но путано и несвязно, а ответы на всё новые вопросы Ингвара подчас просто придумывал. Поэтому Ингвар решил для себя, что греки верят в какую-то околесицу, сами не могут определиться, один у них бог или трое и чем все эти сотни святых отличаются от презираемых ими северных богов (кроме странной христианской любви к страданиям). Да и сам по себе Бог ромеев (если предположить, что он всё-таки один) не вызвал у него расположения – мрачный, с множеством запретов и правил. Один только рассказ Ставроса о них уже утомил юношу, страшно было и представить, каково всё это соблюдать. Словом, христиане – любители многократно усложнять себе жизнь – к такому выводу в итоге пришёл Ингвар. Эту же мысль он озвучил и греческому другу, на что тот рассмеялся и в шуточку обозвал его грубым дикарем. Ингвар же вознес хвалу богам матери и отца (он чтит и тех и других), что ему повезло с рождения носить на шее молот Тора и избежать этого обилия нудных правил, мешающих просто радоваться жизни.

Впрочем, религиозные разногласия не слишком затрудняли его общения с попутчиками. Вскоре он завёл множество друзей среди членов команды, и всех по очереди донимал расспросами о цели их путешествия – Константинополе. Недостатка в рассказчиках не было, и ближе к концу пути голова Ингвара ломилась от историй о великолепии города, былых днях могучей ромейской державы, а также от баек попроще: о красивых женщинах, хмельных кабаках и шумных базарах. Чувствовалось, что истории второго рода вдохновляют людей Ставроса куда сильнее, нежели первые, не говоря уже о рассказах про святых.

Но когда их корабли наконец вошли в бухту Золотой Рог, и Ингвар ступил на берег, сокрушительно прекрасный вид знаменитого Миклагарда превзошёл все его ожидания. Юноша понял, что описывать этот город словами – всё равно что пытаться обстоятельно рассказать слепому, как выглядит солнце или море – несколько мгновений настоящего созерцания сотрут всё рассказанное в порошок.

Плодотворное сотрудничество варягов со Ставросом продолжилось и по прибытии. Купец всегда брал с собой на сделки нескольких воинов – для пушей убедительности – в число которых всякий раз входил Ингвар. В те дни юноша увидел много нового, торговые переговоры – вещь и так интересная, но крайне любопытно оказалось и взглянуть на тех, с кем Ставрос их вел. Именно тогда молодой северянин научился легко отличать плавную и немного рычащую арабскую речь от лёгкой, словно чуть-чуть вздыхающей, персидской; именно там впервые увидел упитанные маслами бороды иудейских купцов, перстни светловолосых, похожих на самого Ингвара франкских воинов, чёрные лица рослых и губастых выходцев из Серк-ланда.

Дыхание огромного города никогда не оставит молодого человека равнодушным, оно либо повергает его в ужас, либо пленяет навсегда. Бывает, что эти впечатления дают о себе знать не сразу, но для Ингвара всё решилось, как только он увидел очертания ромейской столицы с борта ставросова корабля. Константинополь захватил его без остатка, юноше нравилось тут всё: шум городских площадей, заинтересованные взгляды необычных местных женщин, крики уличных торговцев. Он видел подобное и ранее, ведь города уже встречались в его жизни, однако размах и восточная яркость, увиденные в Константинополе, просто вскружили ему голову. Вечерами, возвращаясь с торговых сделок на постоялый двор, целиком занятый дружиной Хельга, юноша порой нарочно петлял по улочкам и даже разговаривал с людьми, применяя в деле полученные от купца языковые знания. Из любопытства он заходил то в увеселительные заведения, то в церкви, причём делал это с такой регулярностью, что и там и там его вскоре стали признавать за постоянного гостя. В кабаках его привлекали люди и их истории, в церквях же – таинственные службы и лежавшие на деревянных аналоях книги.

Недавно выучившись понимать и говорить по-гречески, постигнув таким образом впервые в своей жизни тайну человеческого языка, Ингвар испытывал чувство священного благоговения перед книгами и умеющими читать людьми. Беседы с купцом, его прислугой и уличными незнакомцами утроили в голове юноши число вопросов о прошлом и о настоящем, на которые каждый норовил выразить отвлечённое мнение и никто не мог дать точных ответов. Ингвар чувствовал неполноту этого обрывочного знания и ему казалось, что научись он распознавать загадочные знаки на страницах виденных им книг и свитков, всё сразу же станет на свои места и образ мира чудесным образом приобретет полноту. Но, увы, на это он не имел ни времени, ни, как ему казалось, достаточного таланта – ведь задача была поистине не из лёгких.

Но как-то раз молодому северянину представилась возможность приблизиться к разрешению тяготевших над ним вопросов. Пристыженный собственным незнанием Ставрос решил устроить ему встречу со своим старшим братом Николаем. Николай как нельзя лучше подходил на роль открывателя вечных истин: на жизнь он зарабатывал преподаванием истории и философии в одной из константинопольских школ средней ступени – в них учились дети чиновников.

Разговор с этим спокойным, в меру полноватым и в меру морщинистым человеком оказался плодотворным и интересным, но ожиданий Ингвара не оправдал. Длинную речь о могуществе греков и великом наследии Рима он в целом понял (как и то, что сам он, со слов Николая, проявляет странную любознательность, несвойственную таким варварам, как его земляки). Но вот религиозная сторона беседы только укрепила его во мнении, что христианский Бог и все его последователи – существа более чем странные. Закончил беседу юноша тем, что вновь вынес ромеям (в лице Николая и Ставроса) предложение для начала опреде-

литься сколько у них в конце концов богов. Ставрос на это расхохотался, а его брат многозначительно покачал головой, как бы говоря: «Ну а чего вы ещё ожидали от северного дикаря». Тогда же, вняв горячим просьбам гостя, хозяева позволили полистать несколько книг и свитков из обширной библиотеки Николая. Ингвар с трепетом переворачивал страницы и вглядывался в неведомые знаки и символы. То, какие смыслы за ними скрывались, оставалось для него тайной, ну а многообещающий разговор с Николаем дал ничтожно мало ответов по сравнению с количеством вопросов, волновавших северянина.

Однажды, почувствовав острую необходимость с кем-то поделиться, он обратился со своими мыслями к отцу. Хельг слушал внимательно, а когда Ингвар закончил, ответил ему так: «В нас с тобой немало общего, и всё-таки мы друг от друга сильно отличаемся... ответов на твои вопросы у меня нет. Найдется совет, хоть ты, по обыкновению, и сочтёшь его бесполезным. Глядя на чужих богов, помни, кто даёт в бою силу нам. Может быть, христианский Бог и хорош чем-то... для христиан, но для защиты они ищут наших мечей, а это многое значит. Христианский Бог в нашем деле без надобности, это Бог книжников, но не Бог воинов. Посему мы следуем завету предков и не ищем помощи у богов, которые позволяют себя распять».

Эти слова действительно не стали для Ингвара откровением, но глубоко врезались в память. Старый Хельг боялся, что иноверцы запутают сына и уведут от почитания богов предков, не зная, что Ингвар и так уже достаточно запутался. С детства он жил окружённый богами матери и отца, очень похожими, но всё же разными. Славянское в сердце юноши смешивалось с варяжским, что делало невозможным полное обращение ни к тому, ни к другому. Отсюда и происходили корни увлечения всем неизвестным и чужестранным. Смешение двух миров стало для Ингвара живым примером, сколь по-разному можно смотреть вокруг, сколько причин тому есть и сколь многое надо понять и почувствовать, чтобы объять мироздание целиком.

И вот, товар был распродан, непосредственного основания дел Ставроса с северянами не стало, и купец щедро расплатился с Хельгом. Ставрос знал, что удержать варягов на большой срок ему не под силу, но надеялся, что ярл выполнит одну его просьбу.

Просьба эта была об Ингваре, купец просил Хельга оставить ему сына в качестве телохранителя, хотя бы на время. Ставроса развлекали разговоры со смышлёным юношей, а его любознательность вкупе с суровой северной наружностью обещали превратить варяга в незаменимого помощника в торговле. Хельг от этого предложения наотрез отказался, сославшись на излишнюю молодость своего отпрыска, а Ингвар узнал об этом, лишь когда попутный ветер погнал их драккар в сторону устья Днепра. Новость эта повергла его в замешательство. С одной стороны, он почувствовал жгучее желание вернуться к шуму и тайнам ромейского города, а с другой, он понимал, что не готов оставить родителей, братьев, дружину. Да и правду сказать, сквозь восхищение древней столицей уже начала пробиваться тоска по дому: по крутым волховским берегам, по родным лицам, которых он уже больше года не видел, по багровым закатам на Нево-озере.

Поэтому он смиренно согласился с решением отца, лелея в душе надежду, что извилистые варяжские пути однажды вновь приведут их в этот удивительный город. С собой помимо многочисленных подарков Ставроса он увозил ещё один, который он подарил себе сам – украдкой вырванную страницу книги из библиотеки Николая. Он не удержался и сделал этот не вполне приличный жест, как бы подтверждая слова собеседников о собственной дикости. Однако, делая это, Ингвар твёрдо верил, что наступит день, когда он сможет самостоятельно понять значение написанного.

* * *

Теперь же этот листок, бережно сложенный вчетверо и упрятанный в непроницаемый кожаный мешок с железными спайками, висел у него на груди. До Константинополя – многие

месяцы пути, они от него так же далеки, как и от дома, а вокруг совершенно неведомый край. Но в неведомом и прелесть, пусть иная, но в чём-то даже более притягательная, чем в уже известных ромейских землях.

Воспоминания смешались со снами, хотя гудящие ноги и не позволили в полной мере насладиться ни тем, ни другим. Ингвару показалось, что за время отдыха он и до двадцати-то не успел бы сосчитать, но на деле времени прошло куда больше – на небо уже влезла полная луна. Северяне сочли это за удачу: в совершенной темноте пробираться стало бы совсем невозможно.

Перекусили сырой рыбой – её успели запасти за время стоянки у берега, пусть и немного. Рори рядом недовольно рассуждал, что в краю, где яблоки наверняка вырастут даже на воткнутой в землю палке, они вынуждены есть такую гадость. Остальные ели молча. Покончив с трапезой, варяги как смогли замели следы своего присутствия, благо их осталось немного, – разжигать костёр дураков не нашлось.

Вскоре пришёл черёд Ингвара нести поклажу. Вес её оказался удручающе мал: пара мешков рыбы, чаячых яиц, спасённых от морской воды лепёшек, шерстяные плащи и утратившее хозяев оружие. И всё же идти с ней оказалось гораздо тяжелее – день пути оставил от утренней бодрости лишь воспоминания, горели стёртые ноги и противно поднывали полученные в бурю ушибы. Ингвар держался крепко; постанывание Ислейва, стариковское кряхтение Бора и недовольный бубнёж Рори – всё это придавало ему сил, их слабости заставляли юношу забыть о своих. Вместе с усталостью накатывали и воспоминания о тех, кто не пережил плавания: Искро, Гудни, Злоб, Снеульв, Кётви, Мер, Ярунд, Орлик, Умил, Кнут, Ярви, Оффи... – их тени словно поджидали на лунных бликах чужого ночного мира. «Их здесь быть не может, толстая Ран уже утащила их на остров к своему дикому отцу...». Ингвар не знал, верит ли он в это по-настоящему, но пусть уж лучше будет так. Встряхнувшись, юноша напоминал себе, что лучшее из посильного ему сейчас – убедить себя радоваться походу. Свежий запах моря, ещё доносившийся до его ноздрей, смешиваясь с тонким ароматом пряных трав, идущих с материка, придавал ему сил. Ингвар находил радость и в клетоте не слышанных ранее птиц; в ночной темноте его слух и обоняние обострились, поэтому звуки и запахи теперь кружили голову, словно плотно сваренное пиво. Далекие зелёные холмы были в этот час абсолютно невидны, но для Ингвара они не потеряли ни капли своей притягательности. Просто манящее чувство перешло из зримого мира во владение слуха, обоняния и воображения.

Под утро западнее их пути показались очертания небольшой деревушки – не больше пары десятков дворов. Место, где ютились хижины, с двух сторон обрамляли скалы; к юго-востоку темнел лес с густым кустарником, дорога же проходила через юго-западный край и исчезала в предрассветных сумерках. Дома не отличались особым богатством, однако крытые загоны для скота и обилие садовых деревьев свидетельствовали – там есть чем пополнить запасы. Глаз выхватывал и небольшие пахотные участки, зерно на которых уже заколосилось... Ингвар подумал, что для него с товарищами это как будто мучения того грека, который мучился от жажды, стоя по горло в воде, а глотнуть не мог... как бедолагу звали, он забыл. В шаге от них лежало всё, чем так славно набить желудок и что так нужно им для дальнейшего пути, но сделать этот шаг нельзя. Желанный грабёж мог привлечь к «путникам» внимание и других обитателей этих мест, предпочитающих плугу и пастушеской дудке мечи и копыя.

Отряд замер в ожидании решения Хельга.

– Устраивать привал здесь нельзя, – тихо, но отчётливо произнес старый ярл. – Нас легко заметить, и ежели кто торопится в чертог владыки Одина – оставайтесь, прочих же я поведу дальше.

Волх и Фрелав недовольно переглянулись, Хельг, перехватив их взгляды, добавил:

– Мы легко одолеем пару дюжин увальней-крестьян, но, кажется, в ваши зелёные головы не вмещается, что даже самая малая схватка может выдать наш след какому-нибудь жалкому

местному князьку с сотней воинов. Боюсь, знакомство с ними окончит наше путешествие раньше времени, и вряд ли это будет славный конец...

– Но Хельг, – вскричал Волх, крутя пальцем в широких прорехах своей изодранной рубахи. – Нам хоть бы припасы пополнить ночью, у нас хватит сноровки сделать это незаметно...

– Да, ведь нам ещё идти невесть сколько, а с нынешними харчами такой путь поди одолей! – подхватил стоящий рядом Рори.

Тут закивали и некоторые из опытных. Ингвар решил пока остаться в стороне и подождать, что ответит отец.

– У меня в брюхе так урчит, что в самом Миклагарде слышать, – проворчал негромко Борг.

– Да, нам и правда предстоит идти с пустыми животами. – снова отчётливо, почти по слогам произнёс Хельг, – Да, вам известно, что легко нам не будет. – Хельг медленно обводил взглядом своих людей. – И всё же с пустым брюхом пройти наш путь легче, чем с пропоротым... Мы не станем рисковать и сегодня уйдём от деревни как можно дальше. Припасы пополним дичью.

Оранжевое зарево сначала робко тронуло вершины скал, а потом яростно заплясало в дрожащих под ветром кронах деревьев. В поселении пели петухи и жители уже начинали свой тяжёлый ежедневный труд. Русы, придя с востока, смотрели на деревню с невысокого холма, оставаться на котором было нельзя, потому как, чем больше светлело небо, тем виднее для жителей становились их силуэты.

Решили вернуться назад, попробовать при свете дня отыскать подходящую тропу в скалах и добраться до леса, минуя открытую местность. Лес казался тяжёлым для переходов, что красноречиво подтверждала колючая копна кустарника, выползающая от подножия деревьев и тянущаяся редющей полосой к хижинам селян. Тем не менее это самый безопасный путь: продираясь через кустарник, северяне могли быть уверены, что по их следу не отправится погоня.

Нужная тропа отыскалась, пусть и не сразу, но довольно быстро. После нескольких неудачных изматывающих подъёмов по ложным путям Рори заметил, что если вскарабкаться по камням на высоту в рост человека чуть дальше их последнего поворота, то открывается относительно пологий подъём. Тропу было не проследить до самых вершин, поэтому Рори сам слезал на несколько локтей вверх, дабы убедиться в своей правоте. Эйнар, Сдеслав и Фрелав, не без основания считавшие Рори ненадёжным болтуном, выразили сомнения: разумно ли идти по тропе, обнаруженной абы кем (Рори тогда обиженно скривился), мало ли, она вовсе не такая длинная, как кажется.

Сомневались и другие, но временем на споры они не располагали. Окончательно убедил всех прислушаться к другу Ингвар; пока другие препирались, он присел на землю, пользуясь возможностью перевести дух перед неминуемым подъёмом. Сын Хельга облокотился на скалу, и что-то насторожило его, как будто едва заметный шум отдавался в камне. Ингвар приложил ухо к земле, и слова Рори мигом обрели весу.

– По дороге скачут лошади, – выпалил он, – несколько десятков, не меньше!

Хельг тут же припал ухом к земле, следом за сыном.

– В нашу сторону скачут.

Помолчав пару мгновений и окинув взглядом тревожные лица дружинников, он приказал:

– Наверх!

Повторять несколько раз не пришлось, один за другим все тринадцать воинов, подсаживая друг друга и подтягивая сверху следующих за собой, взобрались к началу тропы. Труднее всех пришлось Ислейву, но дюжий Лилуль бережно поднял поломанного кормчего и взле-

тел с ним наверх с ловкостью рыси. «Глянь, какова валькирия», – ядовито шепнул Ингвару на ухо Рори. Тропа не отличалась шириной, двигаться приходилось гуськом, и всё же она оказалась достаточно пологой, чтобы не опасаться случайного падения вниз. Вскоре тропа свернула и маленький отряд скрылся за камнями; тогда напряжение, царившее с момента выхода к деревне, немного убыло. Хельг объявил короткий привал.

В этот раз отдыхали молча. От скалы тянуло утренней сыростью, пробивающиеся из трещин пучки травы набухли росой; жалея запасы воды, воины смачивали росой губы и растирали капли по лицу. Ингвар растерянно оглядывал товарищей, в голове крутилась бесполезная мысль: «А змеи тут есть?» Такие мысли не требуют ответа... Юноша тоже запустил пальцы в зелёный клочок травы у себя над головой; ладони горели, чувство влаги приятно холодило. Хельг велел выступать. Размазывая по щекам воду пополам с пылью, Ингвар встал на ноги.

После отдыха подъём перестал казаться таким мучительным, а уход от основных троп добавил приятное чувство какой-никакой, но безопасности: на узкой скалистой тропке да в такую рань встреча с врагом казалась сомнительной. Готовились, впрочем, ко всему – край чудной, расслабляться нельзя.

Путь до вершины занял довольно времени, чтобы запыхаться, ободрать пальцы и поразбивать колени, наградой за его преодоление стал удивительной красоты вид на окрестности. Лес пестрел всеми оттенками зелёного с лёгкими вкраплениями синевы. Судя по тому, что варягам не удавалось даже примерно различить, где он кончается, переход через него будет делом посложнее, чем показалось изначально. Северные леса, в которых каждый из них с детства охотился на пушного зверя, тоже погубили не одного путника, однако узор земель, куда русов теперь забросили боги, многократно усложнял задачу. Покрытые деревьями холмы, как пузыри в кипящем котле, возникали один за другим, насколько хватало глаз – этим зрелищем сложно не залюбоваться, но идти этим путём не хотелось никому. Ингвар с Рори невесело переглянулись.

Лес, будучи воплощением их грядущих страданий, приковал к себе всё внимание. Из-за этого варяги не сразу увидели движение в деревне, невзрачные строения которой лежали теперь у подножия скал подобно игрушечным фигуркам, что отцы вырезают своим детям из дерева во всех концах света.

– Гляньте-ка, а вон ведь и наши друзья с дороги, – присвистнул Первуша. – В село въезжают. Пожалуй, хорошо, что мы их не встретили...

Все обернулись. В село въезжали несколько десятков воинов, расстояние не позволяло хорошо рассмотреть их вооружения, но сталь кольчуг и лат, виднеющихся из-под плащей, помогло распознать яркое утреннее солнце. В деревне был переполох, но гости явно пришли с миром: всадники держали оружие в ножнах, а их предводители говорили с группой селян, по-видимому деревенских старейшин.

– Тут точно что-то будет, Инги! – прошептал Рори.

Ингвар кивнул. Юноши придвинулись ближе к камням на краю скалы.

– Они ехали всю ночь и решили остановиться на отдых утром, да ещё в этом забытом богами месте, я не силён в местных обычаях, но выглядит это странно, – вновь шёпотом заметил Рори.

Ингвар устало пожал плечами:

– Возможно, они и сами чужаки здесь или же просто рассчитывают, что не встретят лишних глаз, забравшись так далеко.

– В любом случае нас это не касается. – вступил в разговор Хельг, который, несмотря на старания юношей говорить тихо, всё слышал. – Всем отойти от края; снизу нас заметит проще, чем вам кажется.

Северяне расположились за камнями – перед спуском решили снова сделать короткий отдых. Лежали молча. Кто-то думал о воинах в деревне, кто-то о предстоящем пути, а кто-

то просто прикидывал, велика ль удача – в целости вернуться домой, гнев ли богов все эти невзгоды или же напротив – испытание, свидетельство вышнего благоволения и внимания...

Ингвар думал о том, что в такие отрезки вся жизнь выстраивается вокруг коротких возможностей перевести дух. Остальное время просто не замечаешь, оно целиком уходит на преодоление внешних преград. Ещё недавно, в первую ночь пути, у него были силы думать о приключениях и новых землях, сегодня же он чувствовал в теле и в уме один большой комок усталости, которая уже не перебивалась никакими привалами. Головой он понимал, что этот ожидаемый упадок духа пройдёт – так бывало и в прошлых походах, но в данный миг он ничего не мог поделать с острым чувством накатившей грусти.

Очередная передышка закончилась, Ингвар, встав, подошёл к расщелине в скале и окинул долину прощальным взглядом. Внизу воины ставили шатры, некоторых принимали в домах, но жизнь, казалось, шла своим чередом. Вдруг Ингвар заметил новое движение: с запада в деревню въезжал ещё один отряд. Юноша немедля сообщил об этом отцу, на что тот ответил: «Не будь мы соборим из полутора десятков оборванцев, то б узнали об этом побольше. Не сомневаюсь, есть люди, готовые дорого заплатить за знания об увиденном нами, но сейчас мы слишком слабы для подобных сделок». Ингвар тогда подавил лёгкое раздражение на отца; с одной стороны, он понимал: у них и правда нет выбора, влезать в эти таинственные переговоры – самоубийство, не иначе. А с другой, то, как легко люди, умудрённые опытом, могут предпочесть безопасное интересному, у молодых всегда вызывает досаду.

Тем не менее спорить было не о чем, и Рори с Ингваром понуро потопали вниз, вслед за остальными. Когда скалистый склон остался позади, от леса северян отделяла лишь небольшая полоска открытой земли, её отряд тоже миновал без происшествий. На подступах к лесу их наконец встретил кустарник, к счастью, оказавшийся неколючим, и чем глубже они забирались, тем чище становился лес. Вскоре кустарника стало так мало, что их путь грозил превратиться едва ли не в прогулку. На всех это подействовало ободряюще; Волх отпустил какую-то шутку, на что Сдеслав гоготнул громче, чем следовало, а Фрелав и вовсе прыснул со смеху. Даже угрюмый Эйнар стал насвистывать какую-то песенку, привезённую им из краёв к западу от ромейской державы. Рори тоже хотел было о чём-то потрепать Ингвару, но тот спугнул его суровым взглядом – сын ярла чувствовал: отец не доволен. Хельг вскоре и правда резко оборвал развеселившихся, напомнив, что пусть они и потратили немало времени на переход через скалы, деревня всё ещё близко, а в ней, на их удачу, – под сотню скупающих без дела бойцов.

Чтобы остудить опасное веселье людей, Хельг приказал ускорить шаг. Вместе с нагрузкой к северянам вернулось и досадное понимание: отдохнуть по-настоящему они смогут, только когда деревня останется далеко позади.

Трава под ногами вся искрилась каплями росы, башмаки стали влажными. Хотя обувную кожу пропитывали рыбьим жиром и льняным маслом, слишком долгое пребывание в морской воде вновь сделало её проницаемой. Ингвар снял эти башмаки с распухших ног Кётви, тело которого вынесло на берег прибоем, ведь свои юноша успел скинуть во время шторма. А Кётви вот не успел. Хорошая обувь, хотя и не совсем по размеру, из-за чего до ключев натирала ступни. Кётви теперь лежал закопанным под скалой на безымянном берегу, а башмакам его выпало целое приключение. Опять насмешка богов.

Путь становился всё свободнее, Хельгу удалось даже отыскать тропу, почти полностью заросшую травой и нехоженую, но ведущую на юг, как им и надо. Приятной неожиданностью стало обилие в этом лесу птицы – вот и надежда на добрый ужин. Толстый фазан рванулся вверх прямо из-под ног Хельга, старый воин по привычке схватился за меч, но тренькнула тетива, и птица рухнула наземь. Фрелав, первый лучник Хельговой дружины и худший её мечник, опустил своё оружие и самодовольно ухмыльнулся. Многие считали его трусоватым, но Ингвар знал, что это не так – отец нипочём не взял бы такого к себе. Фрелав просто любил

делать вещи, которые ему хорошо удавались, и не любил делать вещей, которые удавались ему плохо. Все люди таковы.

Тетива тренькнула ещё трижды, и всякий раз наземь с глухим стуком, роняя перья, падала птица. Их первый за много дней вкусный ужин теперь обещал стать ещё и чрезвычайно сытным.

– Их выпотрошить надо, – прошепелявил Рулав, – а то не дотянут до завтра.

– Д-до завтра? – разочарованно протянул Рори и посмотрел на стоящего рядом Хельга.

– Именно, – кивнул ярл, – сегодня разводить костёр нельзя.

– Жары нет, значит, до вечера протянут без свежевания, – заметил старый Бор, облизываясь.

– Да я такой голодный, что хоть с дерьмом их сожрать готов, – оскалился Первуша.

Дальше двигались почти бегом, каждый шаг приближал их к еде и отдыху, а потому не жалко было и последних сил. Хельг приказал Ингвару, Рори и Лидулю стать замыкающими, на случай если кто-то из воинов постарше начнёт отставать, да и за всё ещё слабым Ислейвом требовался пригляд. Ингвар повиновался, как часто бывает, бег разогнал остатки хандры и дурных мыслей – остался только стук висящего за спиной топора.

Ветки хлестали бегущих по лицу, цеплялись за оружие, а сучья и колючки окончательно превращали в лохмотья остатки одежды, отмечая обнажающиеся участки тела ссадинами и царапинами. Но встретить русы здесь, как ожидали, стену колючего кустарника – всё обернулось и того тяжелее. Впрочем, и вероятность погони за ними теперь сильно возростала.

Первым упавшим стал Сверр – не самый старый, но самый грузный из дружины Хельга. Рори с Ингваром втихую посмеивались, каким образом он сумел не пойти ко дну ещё во время крушения. Толстяк зацепился ногой за древесный корень, а в падении в добавок ударился головой о ствол дерева.

– Сверр, боров! – выругался Хельг, – Ты так пробьёшь своей башкой дверь в Утгард!

Сверр, наморщив лицо, одной рукой потирал ушибленное место, а другой вытаскивал из русой бороды колючки. В дружине его звали Куницей, что тоже очень веселило молодняк, но те, кто знал Сверра с десятков лет, не смеялись. Своё прозвище тот получил за невиданную ловкость: он чрезвычайно хорошо лазал по деревьям, мог одолеть прыжком шагов пять и бежать без продыху целую вечность, всё это он мог, покуда «боги не прокляли», как говорил сам. Проклятие Сверра сводилось к его неожиданно нагрянувшей полноте – лет десять назад он стал всё больше округляться, хотя ел, казалось, не обильней прежнего; вместе с грузностью пришла и вечная усталость, и перед каждым походом Сверр теперь говорил, мол, в последний раз идёт.

Хельг хорошо знал ещё Сверра-Куницу, умел разглядеть его и в Сверре-Кабане, тем паче, что толстяк всё равно оставался надёжным человеком и за веслом драккара, и в стене щитов. Поэтому, отпустив досаду, ярл потрепал воина по плечу и молча присел рядом. Остальным он устало махнул рукой, предлагая перевести дух, покуда Сверр в себя придёт. Ингвар отошёл в сторону и облокотился на ветвь раскидистого бука; остальные – кто остался стоять, кто повалился меж корней на мох и листву, тяжело дыша, кто возбуждённо прохаживался взад-вперёд. Передышка оказалась кстати не для всех. Ноги юноши гудели, сердце постепенно стало биться спокойнее; он понял: теперь снова заставить себя бежать будет куда труднее...

Внезапно Ингвар почувствовал чей-то взгляд. Юноша порывисто обернулся и понял, что не ошибся. В паре десятков шагов, в зелени опутанной вьюном ольхи стояла девушка. Она застыла на месте, точно не зная, кричать ей, или бежать, или пытаться спрятаться, или же заговорить первой; в её взгляде одновременно читалось и смятение, и любопытство. Тёмные кудрявые волосы незнакомки туго сплетались в длинную косу, простое полотняное платье, ладно сидевшее на по-женски статных плечах, у пояса перехватывала тонкая тесьма, крупные черты придавали её лицу выразительности – всё это делало её настоящей красавицей. Ингвар рас-

терялся. Он бывал в бою, хорошо владел топором, мечом и копьём, да и в трусости уличён не был, однако молодые годы и внезапность сделали своё дело. Оборачиваясь, Ингвар готовился увидеть кого угодно, но только не её, взгляд этой простой девушки здесь, в лесу, застал его врасплох. Он потянулся было за топором, но быстро отбросил эту мысль. Подойти ближе? Она кинется бежать. Позвать остальных? Нет, только не сейчас... Он неловко качнулся, словно пьяный, тщетно перебирая в голове действия и стремясь выбрать подходящее, но в конце концов не придумал ничего лучше, чем мягко махнуть ей рукой, давая понять: вреда не причинит.

«Что она тут делает? Глупый вопрос, у нас деревня за спиной. Дура! Именно сюда пошла! – Путанные мысли мелькали в голове Ингвара острыми клинками искусных бойцов – не уследить и не остановить. – Бежать ей нельзя уже... ну да и не отпустит отец... А красивая ведь. Ну и дураком же я смотрюсь, с какой стороны ни глянь. Это совсем как дома, когда к сестре Нега приходила... а у ромеев... надо сказать ей...»

Девушка попятилась назад, миролюбивый жест Ингвара её не расположил. Да и кто поверит в лесу грязному чужаку в лохмотьях и с оружием... Покуда её заметил лишь он один, ещё можно бежать. Но одних страх словно бы окрыляет, помогает лететь быстрее ветра, других же напротив – приковывает к месту. Ингвар заметил, как подрагивает в руках у незнакомки плетёная корзинка...

«...кто она? А отец её? Жаль её будет мёртвой видеть... Ну да зачем же мёртвой, так ведь хуже ещё... И чего она здесь? Не бежит даже! Пусть бы побежала хоть. Красивая...»

Раздался знакомый свистящий звук, и девушка, неестественно вскинув руки вверх, упала. У неё из груди торчала стрела.

Обернувшись, Ингвар увидел Фрелава, в этот раз, опуская лук, тот не ухмылялся. Быстрым шагом лучник направился к Ингвару, хлопнул его по плечу и проронил:

– Пойдем, осмотрим её.

Ингвар встряхнул головой и пошёл к телу. Фрелав тем временем говорил как ни в чём не бывало:

– А ты чего стоял, смотрел? Промახнись я, и всё – ушла бы девка и не догнали б, хлопот-то было б!

– Да... – рассеяно протянул Ингвар. – А мёртвой, думаешь, не доставит хлопот? Куда мы её денем теперь?

– Глянулась тебе, что ли? – сально ухмыльнулся Фрелав, – Не горюй, раз виноват, десяток таких тебе притащу. Живыми! До ладей бы дойти...

Ингвар прервал его:

– Ты хмельной, нет? Здесь её деревня в двух шагах! Бросим её – найдут до заката ещё, а с ней и следы наши... – он почувствовал, что в нём закипает злость. – Во невидаль – девку застрелил, заячья душа! Чего довольный-то такой? Нам всё равно её теперь по лесу тащить, только мёртвую...

Лицо Фрелава под бесцветной бородёнкой покрылось красными пятнами. Ингвар понял, что сумел задеть парня.

– А тебя? Может, и для тебя стрелу найти? И папка помочь не успеет, а? – Первуша выпалил это порывисто, на одном дыхании и также резко замолчал. – Ты хотел, чтобы она с визгами металась тут по холмам, а мы её ловили? То-то потеха была бы тем ребятам в броне из деревни!

Ингвар отмахнулся, он знал, что зря надавил Фрелаву на больное, не говоря уж, что почестному в словах лучника звучало немало правды. Но Ингвара точила странная досада на случившееся. Оставлять девушку в живых – глупость, но отчего-то ему хотелось эту глупость совершить. Всё равно ведь, тело так близко к деревне не оставишь, теперь придётся прятать его, или дальше уносить... Так почему не сохранить ей жизнь, хоть ради того, чтобы она этот путь на своих ногах проделала. Да и пользу она могла принести... Ингвар знал, что гнев его

пустой – жизнь девчонки ничего не стоила, а со смертью он знаком уж не первый день. Но сейчас он бы очень желал ещё раз увидеть её живой.

Ингвар с Фрелавом склонились над телом; следом их обступили и остальные, мигом забыв про сверрову неудачу. Глаза девушки ещё выражали удивление и страх, но теперь всё это в них затмевало мёртвое безразличие. Корзина, которую она держала в руках, лежала рядом, голубые, доселе неизвестные северянам ягоды рассыпались меж стеблей кустарника, как галька на морском берегу. Хельг протянул руку, вырвал из груди покойницы стрелу и отдал Фрелаву. Тот молча обтёр её краем рубахи и спрятал в колчан – пригодится.

– Дурная баба, – хмуро сказал Хельг. – Что живой, что мёртвой, всё одно – неприятности нам.

– А как иначе, – хмыкнул Рори, – баба без неприятностей разве бывает?

Шутка одобрения не получила, и Рори смущённо замолчал.

– Надо решать с телом быстрее, – подытожил очевидное Хельг.

Решили, что Фрелав и Лидуль вернутся немного назад, спрячут тело, а потом соединятся с отрядом, сделав небольшой круг в сторону деревни. Отряд тем временем отправлялся по выбранному пути, просто медленнее. Так недолго заблудиться или отстать, но зато появлялась возможность запутать преследователей, если такие появятся. В конце концов в деревне полно воинов, мало ли кто пристрелил девчонку; главное, натоптать как следует на опушке, где и других следов много.

Решение казалось отчаянным, но других отыскать не удалось, да и не привыкать всем уже по краю ходить. Один Лидуль радовался: в поручении он увидел случай проявить свои дарования кормчего – отыскать верную дорогу и достаточно сноровки, чтобы ей пройти. «Да хранят боги ладью, в которой этот олух однажды сядет у руля», – пробормотал себе в бороду Ислейв.

Ингвар вновь шёл последним, смерть девушки – не то приключение, которого он ждал. В голове вновь кружил целый рой мыслей. Как много в мире больших случайностей! Для несчастной темноволосой красавицы поход в лес за ягодами сегодня стал последним, а русам он теперь может угрожать крушением всех их и без того зыбких надежд. Останься она сегодня дома или пойдя в другую часть леса, всё могло бы повернуться и по-иному. «Вышла бы замуж, родила бы таких же мальцов, с кудряшками, наверное...». В походах, несмотря на возраст, ему довелось повидать всякое; страдания местных от рук его братьев – совсем не редкость. Но сегодня что-то было не так. Незнакомка остро напоминала ему и сестер, оставшихся на берегу Волхова, и веселых греческих служанок, виденных им в доме Ставрора, и девушек, существующих лишь в его мечтах, о которых он никому не рассказывал. Это одинокое и внезапное окончание жизни в лесу стало для него чрезвычайно личным. Смерть в нём как будто выступила из пелены мутного тумана и глянула змеиным зрачком прямо в сердце. Ингвар понял: когда встречаешься со смертью один на один, глаза в глаза – веришь в неё куда больше, чем когда мрут кругом десятки и даже тысячи.

Продвижение отряда замедлилось. Солнце уже начало клониться к закату, и редкие спицы-лучики, протыкая листву, упирались под ногами северян в мох. Небольшую, но резвую речушку встретили сдержанной радостью, которую усилили ждавшие на том берегу Фрелав и Лидуль – эти двое умудрились их даже обогнать. Добрая половина страхов теперь ушла. Тело спрятали без потерь, а проточная вода собьёт со следа любого, пусть хоть псов гончих за ними пустят. Для верности варяги прошли не меньше тысячи шагов вниз по течению, после чего, хлюпая набрякшими башмаками, вылезли на берег.

В первую ночевку разводить огонь побоялись – слишком беспокойный выдался день. Доели остатки еды, заготовленной на побережье, прибавив к ней лесные ягоды, и легли спать. Ингвар так устал, что даже голода не чувствовал, пожевав высушенную лепешку и заев её пригоршней ежевики, он повернулся на бок и проспал всю ночь сном без сновидений.

В ту ночь нести дозор ему не пришлось, а утром, только показалось солнце, они вновь двинулись в путь. Новый день прошёл спокойно и уныло. Путники продирались через кустарник, поднимали падающих, стирали кровь с исцарапанных лиц и упорно шли вперёд. Природа вокруг не менялась: деревья, колючие ветви, мхи и травы. Идти приходилось то вверх, то вниз, то снова вверх – это выматывало ещё сильнее. Мысли о погоне развеялись – только безумец мог предположить, что кто-нибудь отправится в подобный изнурительный путь, только чтоб узнать, кто убил крестьянскую девчонку. Хельг всё равно выглядел хмурым, но, когда солнце вновь стало из золотого закатно-медным, объявил долгий привал и разрешил развести костер.

С этим справились быстро, вчерашнюю дичь из-за страха погони выпотрошить не успели – слишком явный остался бы след, и мясо пропало. К счастью, Фрелав настрелял ещё, птицы в глубине леса меньше не стало. Освежёванную и разделанную дичь стали не торопясь жарить сперва на огне, а потом на углях, несколько лишних тушек прикопали на ночь с можжевельными ветками. Ужин получился восхитительным, мясо приготовили без изысков, но изголодавшиеся за много дней люди Хельга впервые почувствовали себя сытыми.

После ужина костёр затушили, Ингвар снял обувь, расстелил между корней изодранный плащ и растянулся на нем, положив голову на покрытый мхом древесный корень. Рори устроился рядом – он ковырял в зубах заостренной веточкой и ругал мясо за чрезмерную жесткость (хотя остальным оно показалось отменным). Отряд отдыхал, затушенный костёр превратился в границу меж опытом и юностью. Молодые воины расположились по одну сторону, а кто постарше – по другую. Ингвар слышал, как рядом Борг рассказывает истории про девок с каких-то там берегов, ведь только берега в его рассказах и менялись – девки и нравы их везде оставались одинаковы. Байки, конечно же, по большей части Боргом выдумывались, и все, включая его бездетную жену, об этом знали. Молодёжь борговым историям смеялась, хотя некоторые и находили это жалким.

Старики на привалах обычно играли в тафл, но и доска, и фигурки, которых из года в год всюду возил с собой Хельг, пошли ко дну вместе с драккаром. Без объединяющей доски многие заядлые игроки уже задремали, а Эйнар и вовсе уже храпел так, что деревья гнулись. «...левой рукой он дырку в черепе зажимал, а правой – рубил почём зря, пока замертво не рухнул...» – слышал Ингвар пришепётывающий голос Рулава, тот предался воспоминаниям о былых днях.

Ярл лежал в стороне от всех, и если бы маленький лагерь северян увидел посторонний человек, то родство Хельга с сыном распознал бы мгновенно. Одинаково хмурые мины на лице, одинаково застывшие серо-голубые глаза. У каждого имелись свои причины для тяжёлых раздумий, Хельг попросту выбился из сил – завтра ему вновь вести людей, опираясь лишь на ход небесных светил, да мох на деревьях и камнях. Ингвар в выборе пути полностью полагался на отца, но события последних дней не давали ему покоя. И отцу, и сыну не хотелось ни с кем говорить, но если прерывать размышления Хельга никто не дерзал, то Ингвара раз за разом отвлекали, силясь привлечь к общей беседе. Он боролся с этими бесцеремонными вторжениями молчаливым спокойствием, мерно перекручивая пальцами тот самый кожаный мешок с железными спайками, в котором спрятанным хранился неизвестный ему кусочек ромейских писаний.

Рори, не зная, как разговорить друга, решил прибегнуть к вернейшему способу. Напустив на лицо выражение полной непринужденности, он спросил:

– Ну что, Инги, ты ещё не оставил своей мечты выучиться читать по-ромейски?

Хотя расчёт был верным, Ингвар всё же продолжал молчать.

– Знаешь, если не оставил, то, наверное, тебе стоит поторопиться. Нам не шибко везёт в последнее время, и даже если мы, на удивление людям и богам, выберемся отсюда, та убогая харатья, что ты носишь на груди, после всех этих купаний и переходов скоро превратится в труху.

Ингвар хотел отшутиться и тем закончить разговор не начав его, но вместо этого ответил с неожиданной для себя серьёзностью:

– Я успею.

– А, так, значит, всё-таки не оставил! – Рори понял, что замысел работает и что теперь главное, не дать Ингвару снова уйти в себя. – Поражаюсь твоей целеустремленности, дружище, хотя напрочь не понимаю, зачем тебе это всё нужно... Впрочем... Всеотец ради подобного предпочёл лишиться глаза...

– Мы уже обсуждали это, Рори, – не поддавался Ингвар.

– Просто я видел грамотных мудрецов не меньше твоего, и зрелище это не из лучших, чаще всего они и мечают удержать не могут, ищут защиты у подобных нам, а уважают их лишь в каменных тюрьмах, что они сами себе выстроили. В Царьграде...

– Видимо, в Царьграде мы с тобой смотрели в разные стороны.

– Но согласись, все они как один склонны к занудству! Я ромеев понял достаточно. Да, те, что из простых, мало отличаются от нас, особенно если речь о воинах, пусть они и слабее на порядок, но вот книжные дураки воистину самые невыносимые и необъяснимые дураки в мире...

– О, да! Ты успел понять ромеев, даже не выучившись говорить на их языке. – Ингвар попытался съязвить, но Рори уже слышал это от него добрую сотню раз.

– Я выучил «налей мне выпить» и «плачу серебром», знание этих колдовских слов отлично помогало мне чувствовать, что жизнь не проходит мимо!

Рори подвинулся ближе Ингвару; остальная молодёжь давно потеряла к ним интерес, многие уже начали устраиваться на ночь. Солнце закатилось, и на лес, словно капюшон синего плаща Одина-странника, опустилась ночь.

Ингвар взбодрился и уже не избегал разговора с Рори:

– По-моему, самый необъяснимый дурак в нашем мире – это ты. Нужно постараться, чтобы среди всего, что мы видели в городе, разглядеть только выпивку да продажных девок!

– Просто я не такой впечатлительный, как ты, да и меня не таскал всюду с собой толстый ромейский купец. Так или иначе, даже если представить, что копание в этих знаках не свернёт окончательно твой беспокойный разум и ты не станешь таким, как те миклагардские мудрецы, я не уверен, стоит ли этот навык таких стараний.

Ночной воздух постепенно остывал, Ингвар поёжился и закрыл ноги плащом.

– Ну, ты не хуже моего знаешь, что это может пригодиться в ведении дел с ромеями, да и в прочей торговле... и если...

– Слушай, я тебя знаю, – Рори оперся спиной на ствол дерева. – И знаю, что ты учишься не для базарных дел, разве не так? Ты любишь многозначительно вздыхать про свои *вопросы* и убеждён, что ответы отыщутся именно в этих пыльных свитках. Ты, конечно, как хочешь, но у меня от них только кашель и глаза слезятся...

– Мы всё время ищем ответы на какие-то вопросы, так чего плохого, если поискать их и там?

Рори полагал, что он не из числа тех, кто легко распаляется в споре, но раззадорить своего более серьёзного друга было его излюбленным развлечением, поэтому он продолжал:

– А почему ты считаешь, что те тощие старцы, что просиживают свои задницы в каменных башнях, знают об этом мире больше нас с тобой? Ведь мы видим волны, что стелются под борта наших драккаров или падают сверху на наши головы. Мы вдыхаем запахи трав и цветов, которые никогда не будут сохнуть в их душных комнатах, едим дичь, сочную или сухую – неважно, зато в краях, которые даже не снились ни им, ни их таким же скучным учителям и ученикам... Пока они плятятся в книги, мы по-настоящему пробуем жизнь, хотя её стряпня и не всегда приятна на вкус. Чему нам у них учиться-то?

– Взгляните-ка на него! Хорошо сказано! Жаль, что ты не умеешь писать, возможно, те самые тощие мудрецы в башнях разбирали бы и твои закорючки в свитках! – со смехом сказал Ингвар.

– А что толку, если ты-то всё равно не сумеешь прочесть!

Ингвар оставил колкость без внимания и сказал уже серьёзно:

– Знаешь, Рори, путь, который ты предлагаешь, представляется мне путём слепого или безногого по слишком длинной дороге. Глядя на моего отца и самых седых стариков нашей дружины, я понимаю: чем дальше идёшь по нему, тем меньше желания увидеть его конец и тем меньше страсть найти ответы, что важны для нас сейчас...

Рори раздражённо вздохнул:

– Для тебя важны, не для нас. Не говори за всех, друг мой.

– Ты любишь перебивать меня в самый важный момент, – Ингвар замолчал под выжидающим взглядом друга. – Словом, можно наесться жизнью хоть до колик в животе, но ничего в ней не понять, как большинство из нас и делает. Вот это и кажется мне самым обидным.

Ингвар смотрел мимо собеседника, на еле тлеющие под толстым слоем пепла угли костра. Ещё немного, и они погаснут окончательно – это будет негласным знаком, что пора отойти ко сну.

– Ну что, навестить-то в свою каменную башнюпустишь меня? Духоту разогнать. – спросил Рори.

– Нет уж! Жизнь с топором в руках я на такое не променяю! – Ингвар метнул горячий взгляд в сторону друга. – Я просто... хочу знать немного больше, чем всего лишь Ингвар, сын Хельга.

– Ну хотя бы это радует, иначе на привале и поговорить будет не с кем.

– Не думаю, что всё так плохо. Ты бы стал славным собеседником Боргу, а то его истории о великих победах над продажными девками изрядно растеряли остроту, ему нужен вдохновитель.

– Нет, он не возьмёт меня в свои – там место любителям поговорить, я же предпочитаю действовать, – хохотнул Рори. – Так что даже ты туда вступишь лучше, ты же любишь чужие словеса, а то и сочинишь что-нибудь великое об этом!

– Пока что я не умею даже читать, – отмахнулся Ингвар.

– Так вот тем более странны твои нежные чувства к этой пыльной рухляди.

– Любовь к этой пыльной рухляди поможет не ходить в моих поисках нахоженной тропой – ведь на ней редко попадают новые ответы.

– О! Ну тогда наша нынешняя дорога должна тебе нравиться – ей явно не ходил еще никто...

Ингвар не ответил на эти слова, и Рори, слегка ткнув друга кулаком, добавил:

– Любишь ты высокопарные словечки.

– Как будто ты ждёшь от меня чего-то другого! – воскликнул Ингвар. – Так не жалуйся, что я тебя развлекаю.

Ответив так, Ингвар повернулся на бок, давая понять, что развлечение окончено.

Рори вздохнул и тоже начал готовиться ко сну. Все остальные, за исключением дозорных, уже затихли, а кое-кто и крепко спал. Ингвар, отвернувшись, ещё долго лежал с открытыми глазами. Он знал: Рори использует его склонность к новому всякий раз, как пытается его разговорить, однако эти беседы ему нравились. Рори умен и хитёр, хотя в нём и нет той горячей жажды всегда добираться до сути. Жажда эта всегда мешала Ингвару наслаждаться простыми радостями жизни воина. Да, Ингвар искренне любил эту жизнь: и солёный морской ветер в парусах ладей, и звон оружия в схватках, и вид новых берегов – всё то, о чём они только что говорили. Но его, однако, жгла изнутри мысль, что это не вся жизнь – что можно чувствовать острее, познавать больше и смотреть глубже. Тягучее чувство внутренней пустоты усугуб-

лялось и тем, что в речах и глазах стариков-соплеменников он не находил ответов на вопросы, то и дело возникавшие в его голове.

В конце концов он уснул, и на этот раз сны, яркие и беспокойные, донимали его всю ночь, чего не случалось с начала той злополучной бури. Во сне Ингвар видел убитую накануне девушку и читал с ней диковинную книгу на пороге дома Ставроса в Царьграде, рядом был и насмехающийся Рори, и угрюмый Хельг; в какой-то момент Рори выхватил лук и выстрелил в раскрытую книгу, но стрела, проделав странный и неправдоподобный путь, вонзилась в горло Хельгу. Ингвар бросился к отцу, а безымянная красавица вдруг залилась весёлым смехом. Ингвар долго нёс куда-то истекающего кровью отца, пока в утреннем тумане не показался большой Хельгов дом в ладожских владениях, в котором прошло детство Ингвара. Потом он видел свою мать, изрядно постаревшую с их последней встречи, вместе с ней молился Мокуше и Хорсу и прыгал через костёр с сестрами. Следом шла черед неясных видений, которую прервал Хельг, на этот раз вполне живой:

– Вставай парень, выступаем.

Ингвар протёр глаза, отогнать сон не составило большого труда – хорошо выспаться ему не помешали и тревожные сны. Сквозь кроны деревьев пробивались робкие солнечные лучи: их было слишком мало, чтобы согреть озябших после сна на сырой земле русов, но достаточно, чтобы немного поднять настроение.

– Как спалось, мальчик? – бросил перевязывающий рядом пояс Рулав.

– Неплохо! Приснилось, что Рори застрелил моего отца, – в тон ему ответил Ингвар.

– О, славный сон! За прошедшие двадцать лет мне раза четыре снилось, как я снёс твоему отцу голову, то во время дележа добычи, то на тинге, то и вовсе просто так, но он, видишь, живучим оказался, не меньше моего...

Старики посмеялись в бороды, а Хельг с улыбкой толкнул в плечо Рулава и потрепал по голове сына – со времени выхода последнего из нежного возраста ярл делал так не часто. Видно, думы прошедшего вечера принесли свои плоды, хотя Хельг и не счёл нужным с кем-либо ими делиться.

Дорога не стала легче, но сытость и славный отдых повлияли на всех благотворно: сил прибавилось, шли весело, добрый настрой предводителя передан и остальным членам отряда. Утро сменилось жарким летним днём, и преграждающие путь палящему свету деревья теперь, напротив, сослужили хорошую службу. Затем настал вечер с отдыхом у костра и свежей дичью, а следующий день северяне вновь посвятили борьбе с этим как будто бескрайним лесом. Так продолжалось и в течение следующих двух суток; на третьи ветер со стороны моря пригнал чернильные, разбухшие точно от злости тучи, и полил дождь. Он начался утром, продолжался весь день и половину ночи, вымочив людей Хельга насквозь. Поначалу те пытались идти вперед – время по-прежнему стоило дорого, но ноги вязли в образовавшейся жиже, а мокрая обувь стирала ступни до крови. Местами вода доходила путникам до колен, настолько силен был этот ливень.

– Кажется, море скучает – наша разлука длилась совсем недолго, а оно уже идёт за нами следом, – проронил старый Бор, обычно молчаливый.

В конце концов северяне на самой вершине одного из холмов, где не скапливалась вода, соорудили несколько шалашей из веток и решили ждать, пока дождь не станет меньше. Самодельные укрытия ещё могли противостоять бьющим сверху ливневым струям, но против общей сырости оставались бессильны. Воины жались друг к другу, надеясь согреться. «Если кто устал идти – боги вновь посылают вам возможность утонуть», – сказал Хельг. Ингвар почувствовал, как трясутся спины остальных, но не понимал, то ли те смеются отцовской шутке, то ли не могут унять дрожь.

Когда непогода отступила, Сдеслав, за ним Эйнар и Хельг попытались развести костер, но в окрестностях стоянки не обнаружилось ни одного сухого листика для растопки. Остаток

ночи провели в темноте и сырости, а на утро выступили в путь. Вскоре после полудня на привале Сдеславу удалось добыть огонь; пока сварили пустоватую мясную похлебку и просушили одежду с обувью – завечерело, и Хельг приказал устраиваться на ночлег.

После этого сырого приключения отряд продолжил двигаться прежним путём, вернее путём, который они таковым предполагали. После нескольких суток ходу через покрытые лесом холмы достоверно сказать, насколько они отклонились от изначального направления, не мог никто. Солнце вставало и садилось ещё дважды, и вот, деревьев вокруг них становилось всё меньше, а ветер, не ощутимый в чаще, посвежел и трепал порывами путникам грязные волосы. Вскоре северяне вышли на открытую местность с редкими разбросанными кустами. Солнце теперь немилосердно жгло их безо всяких преград, но зато с чувством открытого неба над головой даже дышать стало легче. Вдали блестели горы, по расчётам Хельга отряду предстояло обойти их с восточной стороны. Оглядев людей, ярл сказал:

– Сегодня долгого отдыха не будет до глубокой ночи. Мы должны пройти как можно больше, ну а дух переведём завтра, если отыщем подходящее место. Ходить при свете солнца снова опасно.

До заката оставалось всего несколько лучей, но прежде наступления полной темноты им удалось одолеть не менее десяти тысяч шагов, а после – вдвое больше. За всё это время они не встретили ни души, да и вообще какого-либо намёка на хозяев земли. Однако под утро перед едва держащимися на ногах русами вдруг возникли стоящие рядами деревья. Ряды стояли слишком ровно, чтобы предположить, что природа сама насадила их здесь – это был явно итог человеческого труда. Ветви деревьев гнулись к земле от тяжести поспевающих плодов, приковавших к себе внимание северян, снова порядком изголодавшихся. Охраны не было, но Хельг приказал урожай не трогать; казалось, только в нём вид этих сочных, слегка приплюснутых огненного цвета комков не усыпил природной бдительности. В конце концов он разрешил Волху с Фрелавом сорвать с десяток – но быстро и осторожно, чтобы пропажу не смогли обнаружить. Сделав дело, варяги двинулись прочь. Направление пришлось изменить, чтобы не встретиться с хозяевами рощи, если она всё же кому-то принадлежала. Когда солнце достигло полуденной высоты, пришло время искать обитель для привала. Вид вокруг снова стал меняться, сперва начали попадаться большие валуны, и чем дальше, тем более скалистый облик приобретала местность.

После долгих поисков место для дневки нашлось. Его выбрал лично Хельг: укромную поляну посреди невысоких щербатых скал, в стороне от троп, которых стало попадаться на пути всё больше. Она была защищена от вражеских стрел и достаточно неприметна, чтобы случайные прохожие не могли северян заметить. Расщелина с северной стороны позволяла людям Хельга скрыться при неожиданном нападении. Устроившись на отдых, они подкрепились остатками мяса, приготовленного накануне, и разделили добычу из заброшенного сада. Плоды оказались ещё недостаточно спелыми, однако приятными на вкус; сладковатые и слегка вяжущие рот, они сделали отдых немного красочнее, хотя и быстро закончились.

Заступать в дозор первым выпало Ингвару и Первуше. Молодые люди уселись меж южных камней – так они не упускали из виду спящих товарищей и в то же время сохраняли обзор на окрестности.

– До гор рукой подать, – мечтательно произнес Первуша, поигрывая засапожным ножом. – Как думаешь, долго нам ещё идти?

– Думаю, ещё прилично, но отец говорит: самое трудное прошли уже.

Ингвар посмотрел на серые верхушки гор. Он слышал, что верхушки должны быть белыми, но, видимо, летняя жара растопила снег даже там.

Первуша тем временем продолжал:

– Да уж, хотя почём нам знать, что он не ошибается – он тут вроде впервые, как и все...

– Тогда, может, ты нам дорогу покажешь? – Ингвар раздражённо вздохнул. «Хорошо, что не мне принимать все эти решения, а то пришлось бы спорить с каждым подобным дураком», – мелькнуло у него в голове.

– Да ты не злишься, я ж не к тому, что не прав твой старик, – суетливо пробормотал Первуша. – Просто в такой-то переделке любой ошибиться может, и тогда топать нам так до самого Великого Океана... Но если Хельг скажет – я пойду, не думай...

– Упорный же ты человек, Первуша! – Ингвар не сдержал улыбку.

– А то! Но с твоим отцом кто не пошёл бы? Его боги любят, а это дорогого стоит. Его сам Энунд уважал.

– Да не скажу я отцу, не переживай! Сомневаться всем свойственно, – вполголоса проговорил Ингвар. – А боги... боги создали нас себе на потеху, поэтому их милость – штука не менее опасная, чем гнев.

Первуша смешался, и разговор сам собой заглох. Юноши смотрели на горы, каменистую равнину, подавляя желание спать и то и дело вскидывая головы. Солнце уже становилось обжигающим, но утренняя свежесть ещё не прошла, всё в этой картине дышало бодростью, кроме двух измученных дозорных. Но вот их смена кончилась, и на камни уселись Сдеслав и выпавший ему в помощь толстяк Сверр.

Едва сменившись, Ингвар свалился без чувств. Когда уже на закате его начали будить резкими толчками, юноше показалось, будто спал он всего несколько мгновений. Протрав глаза, Ингвар увидел тревожные лица товарищей; отец с видом пасмурным, чернее тучи, стоял к нему вполборота неподвижно. Ингвар спросил, в чём дело, у стоящего ближе всех к нему Фрелава. В ответ тот бросил коротко:

– Рори пропал.

«Побери его леший», – мысленно воскликнул Ингвар.

– Когда вы это узнали? – спросил он уже вслух.

– Ему выпало нести дозор вместе с Бором, старик, будь не ладен, задремал в самом конце, а когда мы его растолкали, Рори уже не было.

«Будто и вправду леший побрал», – вновь подумал Ингвар.

Меж тем Хельг обратился к дружине:

– Рори славный парень, хотя и болван большой. Времени на поиски у нас, почитай, нет. Рулав сказал, след на запад уводит – проследим его, и, если к полуночи дурака не отыщем, пойдём дальше без него.

Сердце Ингвара упало: Рори единственный из старых друзей, оставшийся рядом. Смерти и потери для варягов – дело привычное, но лишиться лучшего друга, да ещё теперь... самое отвратительное событие с начала похода, даже шторм по сравнению с этим чем-то более светлым казался. «Но оставить дозор... уйти – даже для него такое слишком. Отец ни слова об этом не сказал, не хочет людей злить, неужто Рори жалеет...»

В конце концов Ингвар отбросил плохие мысли, решив, что грустить рано – «От Рори можно чего угодно ожидать, глядишь, найдётся быстрее, чем думаем».

Тем временем все приготовились выступать. Перед этим Хельг отчитал Бора, устраивать разбирательство и выносить приговоры не стали – не ко времени; но ярл, не считаясь с давней дружбой, пригрозил Бору смертью, повторись подобное ещё раз. Никто не возражал, а некоторые даже сочли решение Хельга чересчур мягким. Однако тратить силы на споры никто не хотел, и северяне двинулись в направлении, обратном тому, по которому шли вчера.

Теперь шли ещё осторожнее, наготове держали луки, мечи и топоры – за дни пути оружие залежалось без дела, даром что из бури спасено. Так, от валуна к валуну – благо здесь их будто кучно разбросали могучие великаны руки – варяги приближались к плодovитому саду. По следам Рори, ещё совсем свежим, отчетливо читалось – юноша бежал. Неровная камени-

стая местность ограничивала обзор, северяне прошли не меньше четырех тысяч шагов, когда вечернюю тишину вдруг разрезал звон тетивы и свист летящих стрел.

Старого Бора убило наповал, Лидуль получил стрелу в плечо, а Фрелав в ногу, остальных спасли сгущающиеся сумерки. Стрелки прятались за камнями вокруг места, куда уходил след Рори.

Северяне рассредоточились, укрывшись за двумя лежащими рядом валунами, – так заранее условились на случай опасности. Всё происходило быстро, точно с обрыва падало. Хельг отдал единственный возможный теперь приказ – отступить к месту стоянки, ведь оттуда ещё оставалась возможность уйти в горы.

Стрелу из фрелавовой ноги извлекли, ногу наскоро перевязали, то же самое проделали и с плечом Лидуля. Двое воинов выразили желание нести Фрелаву на руках, но тот криво усмехнулся и покачал головой.

– Боги выбор сделали. Дальше вы сами. С такой ношей, как я, вам далеко не уйти.

Хельг хмуро кивнул и достал меч, но Фрелав остановил его:

– На ваше счастье, руки мои целы, и уж с луком управлюсь. Вам же нужно, чтоб кто-то вас прикрывал.

Вместе с Фрелавом вызвался остаться его родич Волх. Лидуль из-за ранения стрелять не мог, поэтому шёл на прорыв с остальными. Прощаться не стали – готовность к смерти не упраздняла стремления выйти из боя живыми. Каждый вознёс молитву богам, в которых верил, после, не говоря ни слова, воины выдвинулись к цели.

Их осталось слишком мало для плотного строя, стена щитов только облегчила бы задачу лучникам противника. Поэтому люди Хельга шли по одиночке и не по прямой – петляли, что хоть и замедляло скорость, но зато и предохраняло от прицельных выстрелов.

Вскоре их вновь начали осыпать стрелами. Однако ночная тьма и те простые уловки сделали своё дело: ни одна стрела не достигла цели, хотя из щитов Хельга и Эйнара торчали серые хвосты оперений.

Надежда на удачный исход становилась всё крепче. Судя по всему, стрелков насчитывалось человек двадцать и задача перед ними стояла чересчур сложная... Если впереди варягов не ждала засада, то враг мог добиться своего, только выйдя из укрытия и нанеся удар в открытую.

Понимал это и вражеский военачальник, поэтому после долгих неудачных попыток поразить беглецов стрелами из-за холма, шагах в пятистах от отряда, вынеслись десятка три всадников с факелами в руках. Тогда в дело вступили оставшиеся за камнями Волх с Фрелавом. Всадники наступали кучно, и стрелкам-русам дюжиной выстрелов удалось уложить не менее пятерых.

Но выбить из игры всех – дело непосильное, всадники приближались, топот копыт их коней отдавался в земле всё гуще. Обернувшись, Ингвар понял, что уже может различить тюрбаны на их головах, смуглые лица и кривые клинки в отсветах огня. Глупо тягаться в беге с лошадьми. Сын Хельга остановился и сжал топор, Он к врагу ближе всех, значит, это его судьба. Время как будто замедлилось; кинув последний взгляд на удаляющихся друзей, Ингвар метнулся навстречу противнику. Уйдя в сторону от первого коня и клинка всадника, Ингвар обрушил свой топор на круп взбудораженного животного. Брызнула кровь, всадник вылетел из седла и растянулся на земле, там его нашел меч Рулава – старый воин тоже решил, что его поход окончен и теперь наносил жестокие удары пытавшимся окружить его конникам. Этот бросок двоих северян растянул и замедлил удар врага.

Ингвар больше не думал ни об отце, ни о товарищах, в голове было только пьянящее чувство боя: ожесточение и возбуждение. Вокруг он видел конных и пеших врагов, увернувшись и пропустив двоих, он схватился с третьим, отразив удар его меча и крутанувшись кругом, изо всех сил рубанул его по спине. Топор пробил кольчугу, и хруст ломающихся костей

возвестил северянину, что враг повержен. Ингвар двигался уверенно, полностью отдавшись обуявшей его ярости, уклонялся, нападал, шёл вперёд и отходил назад, выводя противников из равновесия. Краем глаза он заметил, что бьётся не один: не менее шести северян тоже схватились со смуглолицыми. Часть всадников спешили, а из-за холма и из-за камней появилось ещё десятка два-три воинов. Усталости Ингвар не ощущал, но врагов становилось всё больше, а пространства для движения всё меньше. Вскоре юноша оказался окружён плотным кольцом вражеских бойцов; он помнил основное правило кругового боя «Не стоять на месте», но кольцо сжималось. Судьба хранила Ингвара от чужих клинков, за исключением нескольких порезов и ссадин, он оставался абсолютно цел, но какой был в этом толк, если надежда прорвать окружение померкла.

«Так вот он каков, мой последний бой», – эта мысль прорезала сознание юноши сквозь горячку сражения. Последний бой! Это значит, что не будет ни подвигов, ни славы, ни новых походов, ни рассказов у костров; серые верхушки гор вдали так и останутся неизведанными; он не научится читать и больше не узнает ровным счётом ничего о мире, да и вообще – ничего и ни о чём. Его боевой топор не перейдёт к сыновьям и внукам, а достанется одному из низкорослых темнобровых южан. Да и что топор, ни детей, ни внуков, ни его рода больше не будет никогда на земле. Никогда на земле. Пустота неизведанного, Вальхалла, обитель праотцев – что будет после...

«Последний бой!» – мысли пронеслись в голове, и он складывал их на лад песни, созвучно ударам своего топора и движениям тела. Теперь, в этом чувстве собственного бессилия, начала накатывать усталость. Юноша собрал последние силы и с боевым кличем рванулся вперёд, прямо навстречу копьям и мечам противника. Боль ударила в затылок тяжело и тупо, словно в колокол. Лязг оружия, крики воинов начали удаляться, а ночной мир стал меркнуть и исчезать. «Последний бой!» – снова пронеслось в сознании последним всполохом гаснущего света.

Глава II

Тер-Андраник стоял на крепостной стене Багарана, крики петухов возвещали о начале нового дня. Взгляд его приковала к себе пышная кавалькада, медленно отдалявшаяся от города вдоль скалистого берега Ахуряна. То были люди католикоса Иованнеса – святейший владыка покидал город последним из многочисленных съехавшихся сюда со всех концов страны гостей.

Пожав плечами и усмехнувшись себе под нос, тер-Андраник развернулся и зашагал в сторону лестницы. Дозорные, до этого расслабленно опиравшиеся на защитные зубцы, завидев его, спешно прервали свою беседу и вытянулись по струнке. Он же, проходя, махнул им рукой, после чего шагнул в дверной проем под тёмные своды башни и спустился вниз.

Это был сухой, но крепкий мужчина средних лет, волосы его поседел почти на треть, и у лба уже виднелись залысины, зато борода его была густой и опрятно подстриженной, хотя и ей не удалось уберечься от седины. Задумчивые карие глаза прятались под толстыми бровями, крючками загибающимися вниз возле висков. Одна бровь всегда была чуть-чуть приподнята, что придавало его лицу легкий оттенок удивления. Одет мужчина был в потрёпанную коричневую рясу, что вкупе с висящим у него на груди деревянным крестом, украшенным резными узорами, выдавало в нём христианского священника.

Тер-Андраник происходил из древнего нахаррарского рода Амадуни, его отец Хамам был вассалом владыки Васпуракана Гагика Арцруни, теперь самочинно провозгласившего себя царём в своём княжестве. Впрочем, Хамам Амадуни этого уже не застал: он давно покоился в семейном склепе, оставив свои земли и титул старшему сыну – Ваану. Младшего же Андраника ещё до вхождения в возраст готовили к делам духовным, отчасти из-за набожности родителей, но в большей степени из-за возможностей, открывающихся священникам и монахам. Андраник, одарённый юноша, уже в детские годы мог цитировать наизусть обширные отрезки из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и псалмов царя Давида, но душа его тяготела к воинскому ремеслу и государственным делам. Тем не менее, не желая противиться воле отца, он поехал учиться сперва в Эчмиадзинский монастырь, а затем в город Двин, где его, к тому времени уже возведённого в сан дьякона, заметил католикос Иованнес.

Католикос, будучи одним из самых образованных людей своего круга, да ещё и не лишённым внутреннего чутья, сразу понял, что в молодом человеке скрыты таланты, которые нельзя похоронить в обычном приходском служении, и взял его к себе как помощника и келейника. После он отправил молодого иерея ко двору царя Смбата II своим доверенным лицом, и там тер-Андраник впервые увидел, что такое власть вблизи. Давая Смбату взвешенные и разумные советы, тер-Андраник в скором времени завоевал и его доверие, после чего государь попросил католикоса оставить священнослужителя в своей свите. Войдя в ближний круг царя, молодой человек с успехом использовал обрётённое прежде знание воинской науки, умение хорошо ездить верхом и выносливость. Он стал начальником над исполнением особых царских поручений, а такое положение требует от лица, его занимающего, идеального сочетания развитости умственных и физических способностей. Ему отчитывались соглядатаи, возвращающиеся из арабских или ромейских владений, и отряды воинов, нёсшие дозор на беспокойных границах. Вместе с царём тер-Андраник строил замыслы военных кампаний и ездил мирить повздоривших нахарраров.

Когда повзрослел наследник престола Ашот, царь определил тер-Андраника ему в наставники. При государевом дворе в Еразговорсе сложно было найти человека, в котором опытность в политических и военных делах сочеталась бы с верностью и безукоризненным прошлым. Священник служил царевичу хорошо; после того, как Смбат встретил в арабском плену свою гибель и Ашот взошёл на престол, тер-Андраник по-прежнему оставался рядом с ним. Ведь задачи, стоящие перед молодым монархом, были ещё сложнее, чем те, что при-

ходило решать его отцу. Страну раздирали противоречия горделивых князей, а соседи – сажидские эмиры – подливали в огонь междоусобиц всё больше масла, попутно прибирая армянские земли к своим рукам.

Однако новый царь, несмотря на свой молодой возраст, проявил недюжинную воинскую отвагу и умение в государственных делах, сплотив вокруг себя влиятельные роды и заключив союз со многими окрестными христианскими правителями, включая даже ромейского императора. Это дало истерзанной стране силы подготовиться к борьбе и с иноземным игом.

Сам Тер-Андраник пользовался всеобщим уважением, хотя некоторые полагали, что подобный образ жизни не к лицу Божьему служителю. Ведь всё это время он оставался священником, а в перерывах между поездками и походами даже совершал таинства в церкви небольшого селения близ Вагаршапада, где он поселил семью. Также встречались и те, кто не мог простить ему васпураканского происхождения, близости его брата к Арцрунидам, коих почитали предателями и основными противниками Багратуни в деле объединения армянских земель. Тер-Андраник, впрочем, большого внимания ни тем, ни другим не уделял, иногда только замечая, что желал бы тихой жизни простого священника рядом со своей семьей и подальше от политических игр. Конечно же, это были только слова, потому что, несмотря на все усилия, дел при государевом дворе меньше не становилось.

Прошедшая неделя имела для короны особенную важность: в Багаран съехались люди, без которых мир в стране был просто невыносим. Среди них – великий ишхан Сюника Смбат, ишхан княжества Геларкуни Васак, владыка Гардмана Саак Севада и многие другие влиятельные люди, способные выставить на поле боя не одну тысячу воинов. Приехал даже дядя и тёзка царя Ашот сын Шапуха, прозванный Деспотом. Он приходился внуком первому царю из династии Багратуни, и эта генеалогическая деталь стала поводом для его всё крепнущего желания потеснить младшего родственника на царском престоле.

Дядя и племянник едва не рассорились безвозвратно, потому как первому было тяжело принять превосходство сына своего брата, но тут положение спас католикос Иованнес, своевременно решивший почтить съезд своим присутствием. Пристыдив родичей, он добился хотя бы видимости их примирения и даже взаимных объятий. Однако дальше дело не продвинулось: никаких конкретных договоренностей достигнуто не было и меж собой оба Ашота держались довольно сухо.

– Вражда между ними ещё долго не остынет, но, по крайней мере, сегодня она не будет смущать остальных нахараров, – сказал тогда тер-Андранику католикос.

– Зато иначе нам бы открылось, что в головах у остальных. Сын Шапуха выражает своё недовольство не таясь, а что скрывается за улыбками и добрыми речами других князей, нам неизвестно... – ответил священник, не разделявший благодушия своего духовного отца.

За исключением этой сокрытой ссоры, остальные встречи прошли хорошо: князья со всех концов страны принесли клятвы и положили свои мечи к ногам царя Ашота, признав его своим владыкой. Царь же в свою очередь щедро одарил каждого из ишханов подарками и с каждым попытался установить дружеские отношения, пользуясь помимо титула своим природным обаянием.

Тер-Андраник опасался, что страстность характера и вспыльчивость, отличавшие молодого государя, могут помешать переговорам. Но напротив, эти качества убеждали собеседников в искренности монарха и располагали их к нему. А тот, в свою очередь, сумел обуздать свой буйный нрав и ни разу не пустил в ход кулаки – уж не молитвами ли католикоса Иованнеса?

Погрузившись в осмысление событий минувших недель, тер-Андраник направился от ворот Багарана в сторону царского дворца. На самом деле дворцом это строение называли скорее из-за того, что он принадлежал правящему роду, на вид это был обычный крепкий каменный дом, просторный, с высокими сводами, но всё-таки без изысков. Когда тер-Андра-

ник впервые его увидел, то подивился скромности своего повелителя, ведь этот дом ни в какое сравнение не шёл с хоромами, которые строили для себя прежние государи в Двине или тот же Гагик Арцруни на острове Ахтамар. Тер-Андраник уже давно не бывал в родных краях и чувствовал, что теперь его дом здесь, во владениях рода Багратуни, однако сам Гагик не покидал его мыслей. Владыка западноармянских земель вот уже несколько десятилетий оставался головной болью для тех, кто мечтал объединить все христианские территории нагорья и окончательно разделаться с тягостной зависимостью от магометан.

«Если твоего господина одновременно попросят о ночлеге и пропитании сам Иисус Христос и десятитысячное арабское войско, то он предпочтёт того, кто заплатит ему больше», – такими словами тер-Андраник ответил своему брату, когда тот в последний раз уговаривал его вернуться на родину.

Гагик всегда умело использовал попытки арабского востикана вбить клин между влиятельными армянскими родами в свою пользу. Сейчас он был уже стар, но ни тер-Андраник, ни другие царские советники не верили, что возраст может смирить горделивого и жадного до власти владыку Арцрунидов.

#

* * *

Город просыпался, тер-Андраник шёл по главной улице; вокруг ремесленники уже открывали свои лавки, купцы завтракали на постоялых дворах, готовились к торговым встречам. Несмотря на беспокойные времена, жизнь в городе была ключом и торговцы прибывали сюда каждый день – в основном арабы, греки и персы. Военные дела властителей мало влияли на желание этих предприимчивых людей получить прибыль, поэтому, как только на дорогах становилось спокойнее, караваны и обозы вновь тянулись из разных концов Армянского царства и от его соседей. Конечно же, Багарану было далеко до Двина или Карса, но выгодные торговые сделки нередко заключались и здесь.

Дойдя до дворца, тер-Андраник поднялся в небольшую комнату, которую ему выделяли, когда он гостил в этой государевой обители. Там он прочитал утренние молитвы, после чего, отклонив предложение слуги о завтраке, проследовал прямо в близлежащую церковь святого Иованнеса к обедне. Его встретил настоятель храма тер-Аваг – уже немолодой священник с одутловатым лицом и длинными ухоженными волосами. Он только что закончил совершать проскомидию и, увидев тер-Андраника, первым делом спросил:

– Святейший владыка не почтит нас сегодня своим присутствием?

Тер-Андраник заметил, что в церкви всё готово для богослужения с епископом: постелены ковры и поставлены специальные деревянные троны. Да и служить отцы начали по недавно переведенному с греческого чинопоследованию литургии ромейского святого Василия – все знали, что католикос любит новые богослужебные опыты.

– Нет, владыка уехал ещё до обедни, но передал, что его святые молитвы всегда пребудут с вами отец Аваг, – тер-Андраник ответил расхожей фразой, потому что в своём последнем разговоре с католикосом они не вспомнили о тер-Аваге ни разу. Было множество куда более важных тем, а обещание святых молитв тот просил передать молодому царю. Но тер-Аваг – хороший человек, да ещё и очень тревожного характера, поэтому тер-Андранику хотелось его успокоить.

– Мы так надеялись, что он ещё раз удостоит нас чести сослужить ему за литургией... и трапезу прощальную для него подготовили... – грустно покачал головой тер-Аваг.

– Его святейшество выехал раньше, потому что ему предстоит длинный путь и ему хотелось одолеть хотя бы часть его до наступления дневной жары. Но не беспокойтесь, он был глупо тронут вашим приёмом и обещал, что ещё обязательно посетит Багаран.

Лицо тер-Авага по-прежнему выражало обеспокоенность, но голос теперь звучал бодрее:
– Что ж, нам остаётся только смиренно ждать.

Тер-Андраник кивнул, взял из рук мальчика-пономаря расшитую золотом фелонь, надел её и пошёл к престолу. Было время начинать литургию.

Народу в церкви собралось немного по причине буднего дня. Тер-Андраник пытался оставить все мирские тяготы за пределами богослужения, но мысли всё равно лезли в голову. Царь двумя днями ранее уехал менее чем с двумя сотнями воинов в страну Гугарк к братьям Гнтуни – Васаку и Ашоту. Братья Гнтуни присягали ещё царю Смбату и ни разу его не подвели. Сейчас они уже привыкли за долгие годы междоусобных войн к жизни, не обременённой вассальными обязательствами, но если государю удастся заручиться и их клятвами, то страна будет окончательно готова к противостоянию арабам, и ни Арцруниды, ни дядя царя уже не сумеют внести разлад среди христиан. Подошёл его черед давать возглас и, отбросив в сторону все посторонние мысли, он вознес молитву Богу за его помазанника на этой земле.

К евхаристическому канону тер-Андраник собрался волей и провёл остаток литургии в усердной молитве. По окончании богослужения духовенство отправилось к завтраку – к той самой трапезе, что готовилась для католикоса. Стол ломился от множества блюд, и аппетит святых отцов не оставлял им никаких надежд, правда, среди присутствующих было немало монахов, и те уж проявляли соответствующую их статусу умеренность. Андраник ел быстро, попутно придумывая расплывчатые ответы для донимавших его расспросами собратьев. Все они знали о его близости к царю и политическим делам; несмотря на то, что за глаза многие осуждали подобный образ жизни, интерес к подробностям прошедшего съезда князей всё же перевешивал. Устав отшучиваться и менять тему, тер-Андраник на очередной вопрос прямо ответил:

– К сожалению, ничего более не могу открыть, не нарушив государева повеления.

За столом воцарилось неловкое молчание, и его виновник уже начал искать повод выйти до завершения трапезы, но он неожиданно отыскался сам собой. – В зал вошел Айк, слуга и келейник Андраника, и сказал ему на ухо, но всё же достаточно громко, чтобы окружающие слышали:

– Вараздат вернулся.

Это было хорошей новостью. Вараздат, один из лучших разведчиков царской дружины, числился еще и старым другом тер-Андраника. Вместе их свела служба царю Смбату, а пережитые во множестве вылазки и опасные поручения привязали этих двух разных людей друг к другу.

Тер-Андраник отодвинул тарелку, поклонился собеседникам и вышел из-за стола. На улице оказалось полно народу – городская жизнь шла своим чередом.

– Где он сейчас? – осведомился тер-Андраник,

– Как всегда, у дяди Мукуча во дворе, обедать собирались.

Дядя Мукуч – хозяин небольшого постоялого двора на юге города, люди тер-Андраника всегда останавливались у него, приезжая в Багаран. От церкви до него было недалеко, поэтому священник и его спутник поехали верхом, благо Айк заранее подготовил лошадей. Комья уличной грязи разлетались под копытами, а многочисленные прохожие разбежались в стороны заранее, чтобы дать дорогу всадникам и не получить увечья самим. Дом, в котором дядя Мукуч селил гостей, представлял собой просторное трехэтажное здание, сложенное из тесанных камней. Он построил его совсем недавно, раньше тут стоял его прежний дом из дерева и глины. Гостиница никогда не пустовала, поэтому в таверну на первом этаже не редко навевывались и местные жители – порасспрашивать приезжих о новостях или просто выпить кружку ячменного пива в хорошей компании.

Мукуча на месте не было, и пришедших встретил его сын Нарек, полный краснощёкий малый с вечно жирными руками и пышной шевелюрой.

– Ну что, святой отец, соскучились по нашей жареной свининке? Уж мы-то знаем, что тебе не по нраву та еда, которой тебя пичкают монахи!

– Возможно, ты удивишься, но они неплохо понимают в готовке, особенно когда в городе католикос. В конце концов все ж мы люди!

– А, вот, значит, почему тебя было не видно всю последнюю неделю, – рассмеялся толстяк.

– Сегодня ты знаешь, зачем я здесь.

Нарек посерьёзней и неопределенно махнул рукой в сторону таверны:

– Я провожу.

Они зашли внутрь, их сразу обдало запахом вкусной еды и хмельных напитков. Многие люди за столами здоровались с тер-Андраником – он был единственным священником, который мог встретиться в этом заведении, поэтому его знали почти все. Вараздат с четырьмя спутниками сидел на другом конце зала, и, чтобы добраться до них, пришлось долго петлять между столов. Когда они наконец были на месте, четверо молодых воинов подошли к тер-Андранику под благословение, а Вараздат крепко обнял священника:

– Ну здравствуй, брат.

– Для тебя я святой отец, – с серьёзным видом мотнул головой тер-Андраник.

– И это не мешает тебе оставаться моим братом, хотя свой священный сан ты и носишь дольше, чем я имею удовольствие тебя знать.

Вараздат сел. Среднего роста и среднего сложения, во всей его внешности не было ничего приметного, друзья и сослуживцы частенько шутили, что именно из-за этого он и стал известнейшим разведчиком царской дружины. Волосы он стриг коротко, а борода росла так, как ей вздумается – её нечасто мыли, а подстригали и того реже. На нём была кольчуга до середины бедра, перетянутая ремнем, а на скамье рядом лежал серый, явно знавший лучшие времена плащ.

– Ты не явился ко мне с вестями и первым делом отправился в кабак. Объяснишься?

– Сегодня вторник, в этот день ты никогда не отлыниваешь от литургии, поэтому я решил подождать тут, – Вараздат не поверил в строгий тон друга. – За тобой мы сразу отправили Айка.

– Тем более мы умирали от голода, – вставил один из его молодых спутников.

Тер-Андраник, никак не реагируя на сказанное, сразу задал интересующий его вопрос:

– Новости есть? Если да, то выкладывай. И я не вижу Гора, Езника и Азата.

– Новостей много... Вернее, всего одна, но важная. Не буду томить: к северу от Багарана мы видели отряд арабов, человек восемьдесят.

– Разбойники востикана?

– Не похожи, – Вараздат отхлебнул из кружки. – Те, которых востикан тайком отправляет грабить наших крестьян, всегда имеют вид мерзкого отребья, а эти выглядели серьёзно, да и двигались слаженно.

– Это интересно... – тер-Андраник почесал подбородок.

– Ещё как! Их слишком много, чтобы быть обычным разбойничьим отрядом, но и слишком мало, чтобы считаться серьёзным войском. Они едут почти без остановок и любые сёла обходят стороной.

– Вероятно, у них есть местные провожатые.

Тер-Андраника новость озаботила, судя по сообщению Вараздата, арабы ехали в том же направлении, в котором утром направился католикос, а тремя днями ранее – царь всего с сотней воинов. Хорошо вооруженный отряд мог быть отправлен для покушения на одного из них или же для удара в глубине армянских земель, где нападения не ожидают. Впрочем, для последней цели больше подошли бы обычные разбойничьи ватаги, периодически докучающие местным крестьянам с негласного одобрения арабских властей.

– У них были знамёна или знаки какие?

– Нет, оружие и одежда арабские, но никаких знамен; при желании их можно принять хоть за головорезов самого халифа.

Андраник кивнул:

– Не исключено, что это они и были.

По лицу Вараздата пробежала тень удивления.

– Думаешь, всё настолько серьёзно? Вообще, сначала у меня мелькнула мысль, что это уловка, для отвода глаз, так сказать. Но потом мы увидели, что хотя они идут не слишком скрываясь, но всё-таки и чересчур внимание к себе привлекать не хотят. Спокойствия и наглости, словом, им не занимать... Загадка!

– Как долго следили за ними?

– Двое суток, мы ушли следом по меньшей мере на несколько тысяч шагов к востоку, а потом вернулись сюда.

– Какие места они выбирали для привалов?

Беседа постепенно приобретала вид допроса, но Вараздат спокойно относился к сухости вопросов друга, когда общение касалось дела, по-другому тер-Андраник не говорил ни с кем.

– В основном это были остановки на ночной отдых. Мы примечали эти места: вдалеке от селений и удобные для обороны, хотя нечто подобное им удавалось отыскать не каждый раз, поэтому зачастую они разбивали лагерь в местах, уязвимых для хорошего удара.

– Если складывать всё вместе, – скрестив руки на груди, протянул тер-Андраник, – то единственным разумным объяснением того, что ты рассказал, может быть только одно...

В этот момент на стол поставили большое блюдо с жареной свиной. Тер-Андраник остановился и выдержал значительную паузу. Потом взял с блюда кусок мяса и отправил в рот. Вараздат и его спутники напряжённо наблюдали за движением его челюстей, конце концов разведчик не выдержал и вскричал:

– Да имей ты совесть, святой отец, мы же ждём в конце концов!

Тер-Андраник проглотил мясо, вытер пальцы о скатерть и произнес:

– Просто они очень спешили.

Вараздат возмущённо выдохнул, а его молодые товарищи всё так же с напряжением следили за диалогом старших. Тер-Андраник тем временем продолжал:

– Ты можешь возмущаться, если хочешь, но взгляни на всю эту историю как бы сверху, их крайняя спешка действительно может объяснить многое: из-за неё они поехали через наши земли, хотя цель их вероятно не здесь и можно было обойти нас стороной; из-за неё они не предприняли никаких серьёзных попыток скрыть себя; из-за неё они почти не дают себе отдыха.

– И что теперь, помахать им рукой и пожелать доброго пути, раз они просто спешат?

Тер-Андраник усмехнулся:

– Разумеется нет, – наша обязанность узнать, какое дело заставило их спешить настолько, что они бесцеремонно топчут землю, которая им не принадлежит.

– С этого стоило начинать! Хотя нам, конечно, тоже придётся поспешить – мы долго их преследовали, чтобы узнать побольше и много времени потратили на обратную дорогу до Багарана. Гор, Езник и Азат остались следить за ними.

– Мы успеем прочитать их след?

– Если поспешим. Кони наших ребят переподкованы, теперь их следы оставляют две греческих «хи», – Вараздат начертил своими жирными пальцами на столе знак Х. – Ну и они обещали проявить смекалку и не скупиться на условные знаки.

– Добро! – кивнул тер-Андраник. – Однако теперь мы не имеем права терять времени. Выступить нужно сегодня и постараться проехать пару фарсахов до заката.

Вараздат с силой пережёвывал свинину, обдумывая слова друга.

– Сколько людей возьмём? – спросил он наконец.

– Пятьдесят, ты отберёшь из наших, местных трогать не будем – всё равно в деле они будут только мешать.

Вараздат решение поддержал. Закончив обед, общим согласием постановили, что тер-Андраник до вечера переговорит с оставшимися царскими советниками, а разведчики пока подготовят людей к выходу. Расплатившись с Мукучем – он тем временем успел вернуться – все шестеро вышли на улицу и, поскольку им было нужно в разные стороны, без особенных церемоний распрощались. Тер-Андраник ехал верхом обратно и размышлял об услышанном, в разговоре он держался уверенно, и его точку зрения поддержали, однако у него остались сомнения. Что если это действительно маневр, который отвлекает внимание государевых дозорных от подлинной опасности; или же реальная цель отряда – засада для католикоса или царя... В любом случае возможность узнать истинные цели загадочных всадников можно только догнав их, а чтобы избежать роковых последствий в случае ошибки, нужно заранее принять необходимые меры. Времени откладывать встречу с верными царю людьми не оставалось, поэтому найдя Айка, тер-Андраник приказал ему спешно собрать их в малом зале для совещаний, на втором этаже царского дворца. В Багаране к тому времени уже оставались немногие: большинство либо отправилось с Ашотом в Гугарк, либо уехали по своим делам, коих в такое беспокойное время образовалось множество. Тем не менее игнорировать оставшихся всё-таки никак нельзя, если история с арабскими пришельцами обернётся бедой (а такие истории бедой оборачивались частенько) – помощи, кроме них, ждать будет не от кого.

В условленном месте собралось четыре человека. Старший из них – государев азарапет Погос – он ведал всеми делами казны и торговли ещё с царствования Смбата. Способность короны содержать войско уже много лет зависела от его находчивости и умения находить на это средства. Также пришел владетель крепости Ахталы Ерванд Кюрикян – он одним из первых признал власть нового царя и выставил несколько тысяч воинов для всех его военных экспедиций. Третий – Аршак Содаци – весьма уважаемый военачальник царского войска. Самым, на первый взгляд, удивительным из призванных казался Самвел Бакан – торговец и меценат, один из богатейших двинских купцов. Никого более тер-Андраник приглашать нужным не счёл – далеко не всем, даже из тех кто присягнул царю, можно доверять.

Коротко поприветствовав собравшихся, тер-Андраник передал им рассказанное Вараздатом. Поднялся небольшой шум, Содаци предложил отправить гонцов князьям северо-восточных уделов, дабы те, послав отряды обойти дозором дороги своих земель, задержали бы неожиданных гостей, обезопасив этим всю страну. Тер-Андраник прервал одобрения и возражения по этому замыслу, слегка постучав по столу.

– Да сохранит всемогущий Господь тебя и твою семью, достопочтенный Аршак, однако за верность скольких северных нахараров ты можешь поручиться лично? – обратился к нему тер-Андраник.

– Многим из них я не доверил бы и бочку солёной рыбы у себя в обозе, но, узнав, что рядом с ними хорошо вооруженный арабский отряд, думаю, большинство всё-таки проявит необходимое мужество.

Тер-Андраник усмехнулся.

– В этом я не сомневаюсь, но дело в том, что нам неизвестны цели этого отряда и мы не можем утверждать наверняка причины его непомерной наглости. Они идут с запада, может быть, из Малазджирда или через него, кто знает. Может быть, кружным путём из самого Багдада. Может быть, они гостили у Гагика Арцруни... И ещё сотня возможных путей. За этим может скрываться нечто более серьёзное, чем просто отряд конницы востикана.

– Думаю, тер-Андраник прав, – вмешался в разговор Ерванд Кюрикян, – даже я, будучи по происхождению из земель к северу от Севана, не готов твёрдо поручиться там за каждого.

Под выжидающими взглядами собеседников Ерванд помолчал немного и затем продолжил:

– Тем не менее за себя и своих ближайших родичей я поручиться могу, и именно к ним мы и отправим гонцов; сам я также выеду в Ахталы двумя днями позднее – нужно закончить дела здесь. Так будет надежнее, хотя это и не обезопасит нас наверняка.

Тогда тер-Андраник рассказал о замысле, который они сообразили с Вараздатом. Все кивали, но по напряжённым выражениям лиц становилось ясно: предложение кажется им рискованным. После недолгих споров, ввиду сложности положения и отсутствия времени, с тер-Андраником согласились. Порассуждав, к тому прибавили, что люди Кюрикяна отправятся с дозором в земли у границ с иберами и ширваншахом, а Аршак Содаци отправит два десятка воинов вдогонку католикосу и посланцев к царю, чтобы тот в своей поездке не терял осмотрительности. Также условились усилить надзор за южными и юго-западными рубежами на случай, если происходящее окажется уловкой и земли царства подвергнутся нападению со стороны востикана. Раскрыть подробности дела решили лишь ограниченному кругу людей, прямо вовлечённых в осуществление задуманного. Солнце только перевалило за полдень; закончив с делом, собравшиеся стали расходиться, не тратя время на долгие прощания. Задержался лишь Самвел Бакан. Он был мало знаком с остальными участниками совета, кроме тер-Андраника, и во время обсуждения по большей части молчал, из-за этого на него посматривали с подозрением, но из уважения к тер-Андранику приняли его присутствие как должное.

Когда все покинули зал, торговец присел на скамью напротив священника и бросил на него долгий вопросительный взгляд. Самвел был человеком высокого роста, плотным, с сильно выпирающим животом, его щеки немного свисали вниз, а если же он пребывал в раздумьях, то напротив, раздувались, как кузнечные меха у оружейника в разгар рабочего дня. Преимущественно лысую голову с двух сторон обрамляли остатки некогда густых волос, а карие глаза, казавшиеся меньше из-за крупных черт лица, всегда смотрели живо и пристально. Будучи известным своим богатством и удачливостью в делах, Самвел славился ещё и истовым умением жить: завсегда шумных праздников и пиров, на свадьбах, несмотря на свой почтенный возраст, без отдыху танцевал вместе с молодыми и десятки раз отправлялся в далёкие торговые странствия вместе со своими караванами. Многие его любили, многие осуждали (как и тер-Андраника, чаще за глаза), однако едва ли не все искали его общества и почитали за честь принимать в своём доме.

Утомившись молчанием священника, Самвел заговорил первым:

– Ты же не просто так меня пригласил, уверен, эти уважаемые люди обошлись бы и без моего вдохновляющего присутствия.

– Верно, – кивнул тер-Андраник, – однако мне хотелось, чтобы ты услышал всё это своими ушами, и мне не пришлось бы тратить время на очередной пересказ.

– Итак, я всё слышал, что предпримешь дальше? Если хочешь моего мнения, то с вашим решением я согласен – любой, обладающий рассудком, решил бы так же.

– Если бы я охотился за парой твоих одобрительных слов, то пригласил бы тебя на свадьбу, а не на совет!

Самвел рассмеялся:

– О, там бы парой слов не обошлось, но вряд ли бы я стал тратить время на разговор со стареющим занудным священником! – затем он прибавил уже без улыбки, – У нас у обоих мало времени, скажи, что тебе нужно.

– Как обычно, друг мой, я жду от тебя сведений. Мы достаточно поваляли дурака, а теперь давай серьёзно. Кем бы ни были эти восемьдесят человек, они предвестники чего-то большего, поэтому сейчас самое время обратиться за помощью к твоим людям.

Именно поэтому Самвел и был здесь, любой купец – всегда источник сведений, они много путешествуют, легко заводят знакомства, и их любопытство никогда не вызывает чрезмерных подозрений. Однако даже тут Самвел стоял особняком: он не просто многое знал, у него была целая сеть доносчиков, которые в случае необходимости могли добыть ответы на любые

вопросы. Купец берёт эту сеть и потому не пользовался ей без крайней необходимости. Тем не менее, считая себя царским подданным, он нередко делился важными сведениями или же соглашался узнать необходимое через своих людей.

– Итак, полагаю тебе нужны вести от востикана и даже из самого Багдада, это можно устроить, думаю, скоро мы собьём этот запах тайны с наших неожиданных гостей.

Тер-Андраник выдержал паузу и мотнул головой:

– На этот раз я прошу тебя о большем одолжении. Мне нужны вести не только из Мараги и Багдада. Я хочу знать, о чём шепчутся при дворах Ширвана, Иберии и даже Константинополя. Мне нужно знать все тайные сплетни царского двора наших союзников абхазов и даже слухи, которые ходят по северным дорогам там, где живут дикие горные варвары...

– А как же царские согладатаи, которые тебе же, святой отец, и отчитываются? Они свой хлеб даром едят?

– Не даром, благодаря им накануне беды мы получим предупреждение, но сейчас этого недостаточно, мы должны знать не только ответ на вопрос когда, но и ответ на вопрос как.

Самвел упёр руки в жирные бока, приняв озабоченный вид:

– Понимаю тебя, и это тоже можно устроить, но и стоять это будет недёшево, придётся потратиться... – сказав это, он многозначительно замолчал.

– Ты богатый человек, – ответил тер-Андраник, хитро прищурившись.

– А тебе не кажется странным, что я из своего кармана должен оплачивать цареву разведку? – он проговорил это с деланным возмущением, и в голосе его улавливалась наигранность.

– На служение Богу и царю я положил всю свою жизнь, а тебе жаль мешок серебра? – вскричал тер-Андраник в том же тоне.

– На заработок этого серебра я тоже положил жизнь, так что в некотором смысле ты просишь равной жертвы.

После этого многозначительного заявления оба рассмеялись – они давно знали друг друга и работать вместе им уже не впервой. Тер-Андраник знал, что Самвел всегда с неохотой расстаётся с деньгами, а тот в свою очередь понимал, что в разговоре со священником его всегда необходимо спускать на землю, напоминая, что столь горячее и бескорыстное государственное служение – удел немногих. В конце концов тер-Андраник похлопал Самвела по плечу и произнёс обнадеживающе:

– Не переживай об этом, государь не останется в долгу.

Самвел поморщился.

– Не притворяйся будто купился на моё возмущение, ты знаешь, что я христианин и не останусь в стороне, а царская казна сейчас не в том состоянии, чтобы отплатить мне за труды. Так что нашему соглашению придётся держаться исключительно на крепости моих христианских добродетелей.

– Ну и на том основании, что тебе как купцу наше владычество в этих землях не в пример выгоднее, чем магометанское.

– Не хотел произносить этого вслух, – усмехнулся Самвел, – на всё нужно время, но через несколько месяцев вести ты получишь, я буду сообщать по мере поступления.

– Значит, решено, – тер-Андраник встал со скамьи, – спасибо тебе.

Самвел неопределённо махнул рукой.

– А тебе удачи, святой отец, вы затеяли не самое безопасное дело.

– Бывало и серьёзнее.

После купец и священник тепло простились, вышли из зала, и каждый направился по своим делам. Тер-Андраника ожидали сборы. Дневная жара спала, и до условленного срока выступления времени оставалось мало.

Разобравшись с этим делом, тер-Андраник мог вздохнуть спокойно, теперь, отдав все необходимые распоряжения, они подстелили себе соломку на случай неудачи. В дверях его встретил Айк и отчитался, что приготовил всё к выступлению. По правде сказать, достижение не очень большое, потому как священник всегда путешествовал налегке. Его личные вещи состояли из запасной рясы, смены белья и походного плаща. Также в дорогу он брал с собой плетённый кожаный кнут с металлическим подвесом на конце – единственное оружие, которое он себе позволял. Правда, те, кто видел как он с ним управляется, знали, что другого ему и не нужно.

Походный облик тер-Андраника никогда не располагал случайных встречных думать, что перед ним ближайший советник царя и человек, много лет проведенный в управлении высокими церковными делами. Более того, предположить, что у этого человека есть семья и собственный дом тоже казалось сложно. Сильнее всего он походил на странствующего монаха, не обременённого как мирскими тяготами, так и вообще наличием какой-либо собственности. В некоторой степени это соответствовало и его внутреннему настрою: семья тер-Андраника никогда не бедствовала, потому что люди, которым он служил, всегда щедро благодарили за верность, однако деньги и материальные блага волновали его куда меньше дел службы и куда меньше его пастырского служения. В селе близ Вагаршапата, где стоял его дом и жила семья, имелась и церковь, клириком которой он являлся, однако полувоенный образ жизни и постоянное отсутствие делало это служение лишь условностью. Тер-Андраник ненавидел условности в личных отношениях, и ещё большим грузом была для него условность в отношениях с Богом. Поэтому, чтобы хоть как-то оправдаться, значительную часть денег он отдавал на нужды прихода, остальное же доставалось семье, но если паства и духовенство такой образ участия одобряли или, вернее сказать, равнодушно принимали, то в семье он него ждали большего – быть мужем и отцом, а не просто источником пропитания. Тер-Андраник же, в силу своего характера, рода деятельности и сложившейся годами привычки, просто не мог и не умел оправдать таких ожиданий, мирная жизнь из-за этого начала ему казаться куда более сложной материей, нежели дела государственные, а обустройство дома и хозяйства превратилось в обременительный и скучный труд, которым он занимался нехотя. Поэтому его полумонашеский облик являлся своеобразным отражением тайных качеств его души, с которыми, впрочем, он изо всех сил старался бороться.

Помимо необходимых бытовых вещей и оружия тер-Андраник неизменно брал с собой потрёпанное Евангелие, каждый день стараясь читать хотя бы по странице, несмотря ни на какие лишения и тяготы походной жизни. Эта книга странствовала с ним с самого начала его пастырского пути; на ней не было отметок, кто её переписал, но тер-Андраник не раз поминал добром того человека и к книге относился с вящей бережностью... Так, убедившись, что вся эта нехитрая кладь собрана, он спустился вниз и вышел на улицу через низкую арку ворот дворца. Айк уже подал лошадей, все вещи легко разместились в паре седельных сумок, и священник со слугой отправились к главным городским конюшням, откуда должен был выступить отряд.

Когда они прибыли, на месте уже ожидали пятьдесят всадников, готовых к походу. Лица большинства покрывала бурная растительность, под плащами скрывались кольчуги или лёгкие стёганные доспехи. Кожа многих из них напоминала поле в пахотный период: шрамы, молчаливые свидетели былых битв, покрывали её так густо, как будто по ней с сохой прошёлся трудолюбивый крестьянин.

– Как всегда, больше похожи на свору волков, чем на царских воинов, – усмехнулся тер-Андраник и подмигнул Вараздату.

– Это ли не лучшая похвала для нашего дела? – ответил тот, гордо поглядывая на своих людей. – Да и уж воины из них получше, чем из тебя священник!

– Я бы усомнился в твоей полезности, если бы ты привел других.

– Особо отмечу, что они одинаково хорошо бьются и в конном, и в пешем строю.

Тер-Андраник ещё раз оглядел ряды, многих бойцов он неплохо знал лично, но попадались и такие, с кем ему ещё не доводилось ходить в дело – в основном молодежь. Коротко поприветствовав отряд, он изобразил руками пастырское благословление, воины преклонили головы, некоторые даже сняли шлемы; затем, повернув коней, они направились к городским воротам.

#

* * *

Сразу по выезде из города воины пустили лошадей в умеренный галоп, чтобы набрать скорость, пока не начало смеркаться. Этот день до полной темноты решили ехать вдоль берега Ахуряна, назавтра после короткого ночного отдыха предполагалось отыскать брод и перебраться на восточный берег реки. Солнце светило всадникам в спины, а затем его лучи срывались вниз – в тень скалистого обрыва, где на самом дне блестела полоска воды. Над ущельем парили орлы, глядя на них, тер-Андраник думал, до чего же прекрасен созданный Богом мир. В пути он всегда позволял себе отвлечься от насущных дел и предаться глубокому мирозерцанию. «Всё-таки с возрастом взгляд на природу меняется, – думал он, – молодым чувствуешь только красоту и манящую неизведанность, но чем старше становишься, тем сильнее ощущаешь во всём этом великолепии божественную тайну, тем сильнее эта красота тебя поражает, заставляет задуматься о собственной незначительности и величии окружающего мира». Видимо, в этом и есть дыхание приближающейся смерти – внутреннее чувство собственного умаления. В юношестве он нередко слышал от старших, что годы как будто отнимают у человека право на природу, и каждое прожитое лето словно шепчет на ухо: «Смотри, восхищайся, но не привыкай – всё это придётся оставить», тогда это казалось ему вздором выживших из ума стариков, теперь же он всё острее понимал их справедливость. Земное уходит, утекает быстрее бурлящего потока Ахуряна, и нельзя позволять столь непрочным вещам владеть твоим разумом. «Впрочем, – Андраник про себя улыбнулся, – я никогда такого и не позволял и, если уж быть откровенным, чаще впадал в противоположную крайность».

Солнце садилось всё ниже и готовилось вот-вот исчезнуть за горами, превратив их на всю ночь в неясные очертания-призраки. Отряд ловил последние крохи вечернего света, следопыты Вараздата отменно знали эти земли и могли провести пять десятков всадников хоть в полной темноте с зажмуренными глазами, но это бы существенно сказалось на их скорости. Тер-Андранику более правильным виделось дать людям и коням отдохнуть после наступления темноты, а с рассветом выступить вновь. Так и поступили, на следующий день до полудня переправились через реку и вновь продолжили путь. Двигались быстро, пуская лошадей то рысью, то галопом, ведь пока что не приходилось тратить время даже на поиски условных знаков, оставленных Гором, Азатом и Езником. К вечеру следующего дня разыгрался сильный ветер и небо нахмурилось грозowymi облаками, по этому случаю на ночлег решили остановиться в одной из попадавшихся на их пути деревушек, чтобы последствия непогоды не стали помехой в пути на следующий день.

Местные жители сперва встретили нежданных гостей с опаской и недоверием, но, признав в них царских воинов, да ещё и в сопровождении священника, быстро сменили тревогу на радушие и нашли для них не только кров на ночь, но и устроили маленький пир, от которого тер-Андраник с Вараздатом предпочли бы оградить своих людей. В итоге решение нашлось: чтобы не обижать хозяев и в то же время не объедать селян, воинов отправили спать ещё до полуночи, однако обильно накормленных и напоенных. Благодаря этому жесту дисциплина и боевые качества отряда не пострадали, равно как и благосостояние гостеприимных хозяев.

Пересилив острое желание лечь спать, тер-Андраник вышел из дома, сел к догорающему во дворе костру, чтобы прочитать несколько стихов Евангелия. Он не забывал делать это каж-

дый вечер, даже в дни, когда обращаться к чтению было затруднительно. Строки, которые ему попадались, он воспринимал как откровение на будущий день и всегда старался держать их в голове до того момента, пока не удастся открыть священную книгу вновь. Ветер раздувал угли, создавая необходимое количество света. До того, как священник начал читать, он услышал за спиной шаги и обернулся. Сзади, облокотившись на грубые доски крыльца, стоял Вараздат.

– Не спится? – спросил тер-Андраник.

– Да, как выпью много пива, постоянно приходится бегать во двор, не могу нормально уснуть.

– Буду иметь в виду.

Тер-Андраник перелистнул страницу в поиске места, на котором остановился.

– Я б на твоём месте шёл бы спать, завтра у тебя будет много возможностей помолиться.

– Ты почти на моём месте, так что можешь смело идти, – тер-Андраник с намёком дернул бровями.

– Ладно, добро, но всё же побереги свои молитвы до завтра, когда мы будем искать след наших... Дай Бог, он ещё окончательно не стерся.

Священник кивнул и подумал, что да, теперь позади самая лёгкая часть их пути и с рассветом одной из важнейших задач для них станет не сбиться со следа. Опустив глаза в книгу, он чуть не рассмеялся от совпадения – со страницы на него смотрели слова 7 стиха 7 главы Евангелия от Матфея: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Совпадение казалось поистине удивительным – как будто в ответ их тревогам и сомнениям. Тер-Андраник едва не окликнул Вараздата, чтобы поделиться с ним своим открытием, но не стал. Потом священник напомнил себе, что данные слова в значительно большей степени касаются поисков духовных, чем военных, но это не омрачило его настроения. В такие мгновения в нём как будто просыпалось острое чувство божественного присутствия, его диалог с Ним вдруг становился живым и накалывающее вечерами чувство одиночества отступало. Теперь и правда можно идти спать, до выступления оставалось несколько часов, и надо хотя бы немного дать отдохнуть телу и рассудку.

Ветер уже давно стих, напугавшая их вечером буря прошла стороной, ночь вошла в свою самую тёмную фазу. Тишина как будто не отпускала тер-Андраника в духоту дома, сделать над собой усилие ему помогли звуки шумного разговора двоих дозорных (один убеждал другого в своём умении вырывать зубы двумя пальцами), они сразу разрушили ощущение идиллии, и желание оставаться на воздухе прошло. «Странное дело – подумалось тер-Андранику, – ночь полнится звуками природы, но ни один из них не нарушал ощущения тишины и покоя, пока не послышалась человеческая речь...». Перебирая в голове эту мысль, священник добрался до приготовленной для него постели.

Наутро верный Айк разбудил его, когда отряд заканчивал приготовления к дороге. Наскоро позавтракав с Вараздатом, тер-Андраник отдал приказ выступить, несколько следопытов отправились раньше, чтобы разведать путь.

Вскоре после выезда добрались до места, где Вараздат расстался со своими людьми. Дорога, рыхлая, словно творог, и без камней, следы крупного отряда сохранила хорошо. Следопыты шли на добрые полтысячи шагов впереди, дабы отряд двигался без промедлений. Помимо чтения следа опирались ещё и на условные знаки, оставленные тремя разведчиками. В основном знаки складывались из камней или веток покрупнее, нередко их портила непогода и дикие звери, поэтому следопыты по мере сил быстро проверяли все возможные направления пути и в итоге находили нужный. Отряд оставил далеко позади великую гору Масис и прошёл южнее руин древнего Арташата. След показывал, что арабы сделали серьёзный круг, чтобы

обойти стороной Двин, потому как, приблизиться они к этому большому и богатому городу, им вряд ли бы удалось остаться незамеченными.

– Мы прочно держим их след, но вот возможность догнать их становится для нас все призрачней, – сказал на одной из остановок тер-Андранику Вараздат.

– По моим подсчётам они опережают нас примерно на два дня пути, – невесело отозвался священник.

– Да, и движутся быстро, лукавый их разбери! Нам никак не угнаться, – Вараздат только что вернулся с проверки одного из путей, не обнаружив на нём следов, и от скоростной езды слегка запыхался.

– Быстро, но петлями, не находишь?

– Да уж, я диву даюсь, как они не рехнулись выписывать такие круги, иногда кажется, что мы преследуем чересчур разросшуюся ватагу двинских пьянчуг.

– Это вряд ли, скорее всего, они не пьют вовсе, – усмехнулся священник.

– Почему знаешь?

– Они магометане, Вараздат.

– Ааа! – разведчик смутился. – Забыл об этой их странной черте, так к чему ты клонишь?

Тер-Андраник откашлялся и произнёс пониженным голосом (он не хотел посвящать в свои догадки преждевременно слишком многих):

– Они идут к южному берегу Севана, возможно, за него – в Ширван, а возможно, у них есть дела и поближе, но я убежден, что их помыслы устремлены именно в этом направлении. Иначе Двин бы они обошли с северо-запада, а то и вовсе сделали ещё больший крюк, чтобы не приближаться ни к Двину, ни к Вагаршапату. Однако они предпочли идти южнее... Теперь у них дорог не так и много, к северу – Гарни, и уж эту крепость им не пройти незамеченными, а к югу – сюникские земли, которые нынче хорошо стерегут стараниями ишхана Смбага. Поэтому им непременно придётся продираться сквозь лес Хосрова, да ещё и в самой широкой его части, что само по себе – непросто, а такому отряду – тем более.

– Я бывал на тропах царского леса. Если наши друзья едут верхом не на горных козлах, то им придётся там туго.

– То-то же, а мы можем двинуться хорошей дорогой до Гарни, потом усилием пройдем через ущелье и горные тропы – и так хоть немного уменьшим наше отставание.

Вараздат задумался.

– А что если они всё же решат через Сюник уйти в востикану Юсуфу, или же у них к сюникскому ишхану дело какое есть? Ведь он, хоть присягу царю и давал, а вот сердце-то своё не открывал никому.

– И то верно, потому и не хочу пока перед всеми эту мысль раскрывать, нам нужно знать наверняка.

– Времени в запасе у нас немного, скоро поворачивать к Гарни станет бессмысленно.

– Даст Бог, всё решится раньше.

Когда двинулись, тер-Андраник не мог выпустить из головы евангельский стих «Ищите и найдёте, стучите, и отворят вам». След нашли... И всё-таки упущенное время брало своё: они ничуть не приблизились к ответам на вопросы. Снова сказав себе, что толковать писание, исходя из сиюминутных нужд, глупо, тер-Андраник стегнул коня, обогнал отряд и поравнялся со следопытами, прокладывающими тропу. Перекинувшись с ними парой фраз, он выяснил: те тоже думают, что преследуемая ими дичь, скорее всего, серьёзно задержится в лесу Хосрова. Но прав и Вараздат – не будет ничего глупее, чем если они будут искать по ту сторону леса людей, которые в него даже не входили. Что ж, значит, нужно подождать ещё. «Терпением вашим спасёте души ваши» – промелькнуло в голове, и он снова отчитал себя за привычку примерять ко всему библейские мысли. Ему никогда не нравились лицемерно благообразные

святые отцы, умеющие рассуждать исключительно цитатами, и, замечая нечто подобное в себе, он старался немедленно это выкорчевать.

Всадники поднимались в гору, не слишком большую, но достаточную для того, чтобы лошади начали уставать, однако отдыхать было ещё рано и людям, и коням. Когда подъём был преодолён, отряду открылся путь не менее чем на фарсах вперед. Отсутствие сильной растительности позволяло увидеть, что тропа их уводит вниз меж двух холмов, выступающих вверх угловато, как костяшки у сжатых в кулак пальцев, ну а за этим их наверняка ожидает ещё одно восхождение. Они на считанные мгновения помедлили на вершине горы и уже приготовились пустить коней вниз, но вдруг несколько воинов сразу заметили, как небольшая фигурка выскользнула из расщелины между холмов-костяшек и устремилась к ним. Фигурка двигалась быстро, вскоре начали угадываться очертания всадника, и, чем ближе он подходил, тем более знакомым казался его облик. Когда до него оставалась пара сотен шагов, многие узнали в нём Езника – молодого следопыта Вараздатового отряда, одного из троих, оставленных следить за движением арабов.

Тер-Андраник приказал отряду остановиться, и они с Вараздатом отправились навстречу юноше, дабы первыми услышать долгожданные новости. Езник увидел их и погнал коня ещё пуще, в десятке шагов он осадил его, поприветствовал Вараздата и склонил голову под благословение священника. Это был красивый светлоглазый юноша с правильными чертами лица и бородкой, в другие дни явно коротко подстриженной, но сейчас сильно отросшей и потерявшей опрятную форму. Под потёртым и заляпанным грязью плащом скрывался лёгкий кожаный доспех, левую руку юноша по привычке задиристо держал на рукояти меча.

– Добрая встреча! Рад, что наши знаки сослужили свою службу! – приветствовал он.

– Мы на своей земле, здесь даже голые камни помогают найти след чужаков! – торжественным тоном ответил Вараздат. – Чего расскажешь?

– Мы шли за магометанами по пятам, они двигались так быстро, что скоро стало ясно – вам не догнать их, как бы вы не торопились. Азат, будучи старшим, послал меня сразу, как мы убедились, что всем отрядом они пойдут через лес царя Хосрова, это значит...

– Что мы настигнем их с восточной стороны леса, – закончил за него тер-Андраник.

– Истинно так, святой отец, с этой вестью Азат меня и послал.

– Благослови тебя Бог, мой мальчик, – довольный священник потрепал Езника по голове, чем немало его смутил, – ты принёс самые добрые вести за неделю!

– Времени терять нельзя, – скрипуче прервал их Вараздат.

Новость сообщили отряду и немедленно повернули на Гарни, до крепости вела удобная и хорошо известная каждому дорога, поэтому воины готовились скакать во весь опор. Лошадь Езника совершенно выбилась из сил за тот путь, что ей пришлось проделать, свежих лошадей в отряде не было, поэтому его отправили обратно с известием к Азату. В одиночку он мог поспеть и раньше отряда. Троице разведчикам было приказано продолжить своё дело – следовать за арабами через лес, а по преодолении этого препятствия отправить гонца-проводящего к крепости Гехи, месту встречи. По всем подсчётам чужаки выберутся из леса слегка к востоку от неё. Едва ли посланец мог успеть в срок, но раздумывать об этом было не ко времени.

Повернув коней, всадники помчались по новому пути, скакунов теперь не жалели – нужно приложить все силы и добраться до Гарни к закату. Для воплощения задуманного движение придётся продолжить и ночью. Они неслись по дороге подобно древним Сасунским храбрецам, о которых сложены сказания и песни. Никто не решался их остановить, редкие путники на дороге да работающие на полях и в виноградниках крестьяне только провожали взглядом бешеную кавалькаду. В это беспокойное время люди отвыкли удивляться, и если пять десятков суровых и угрюмых воинов летят куда-то по дороге, значит, в этом есть необходимость. А если они пролетают мимо и не вмешиваются в твои дела, то, значит, нет нужды узнавать, свои это или чужие, пусть себе летят, куда их ведёт дорога. У каждого жителя этих

мест хватало своих горестей и забот, и не то чтобы они были равнодушны к бедам и проблемам других, нет, нередко собирались они в княжеские рати и ополчения, чтобы отправиться на общую битву; и всё же каждый из них понимал: беречь нужно свой очаг, начнёшь растрачивать огонь на других сверх меры, и холод вскоре доберётся до твоих домашних. Это люди, сердца которых могли гореть ярко и горячо, но разгорались очень туго, промоченные гнётом повседневных тягот и бытовых забот. Глядя на них, тер-Андранику всегда приходило в голову, что одному человеку Бог отмеряет только половину возможной ответственности. Либо ты радеешь за весь мир, соплеменников, единоверцев, но забываешь о своих собственных домашних, либо ты строишь крепкий очаг, укрепляешь его год за годом своей заботой и любовью, но чем больше сил вкладываешь в него, тем меньше в тебе готовности стоять за благо других... Многие сильные люди тщатся совместить эти два поприща, но в конце концов на одном из них всё же терпят поражение.

Усталые лошади храпели, и уши их, уныло опущенные вниз, как бы говорили: сил осталось немного. Солнце уже спряталось за холмами, и свет дарили только самые последние его лучи. Отряд оставил за спиной крепость Гарни, пройдя севернее, и, не доходя до монастыря Айриванк, свернул вниз, к резво бегущей по камням речке Азат. Теперь им предстояло пройти ущельями и горными тропами, благо путь обещал быть недолгим и у них были хорошие проводжаты. Тер-Андранику случалось ходить здесь и самому, но вести отряд он всё же предоставил людям Вараздата. Темнота сгущалась сильнее, но они продолжали путь, лошадей временами приходилось вести в поводу, а те, хоть и боялись трудной дороги, но всё же радовались возможности отдохнуть.

– Эх, всего ничего до деревни моей здесь, – вздохнул один из молодых воинов.

– Что, скучаешь, поди? – отозвался другой, постарше, дремучего вида тавушец.

– А как не скучать, кабы не наша цель, то наведались бы к ним на ночлег, встречу закатали бы похлеще, чем давешней ночью!

– Как тебя зовут? – спросил его тер-Андраник, всегда прислушивающийся к случайным разговорам солдат.

– Петрос, отче, – почтительно ответил юноша.

– Послушай моего совета, Петрос, не подкармливай в себе мысли о том, что ты сейчас не там, где должен быть, они слишком прожорливы, и рано или поздно они поглотят тебя самого без остатка.

– Все в руках Божиих, отче, – воин ответил словами, которые могли покрыть тираду любой длительности и глубины, но зато парень не растерялся, и тер-Андранику это понравилось.

– Верно сказано, сынок, напоминай себе об этом почаще.

Они шли долго, мир погрузился в ночной сон, и большинство членов отряда валились из седел от усталости. На несколько самых тёмных часов их приютила небольшая поляна на склоне одного из землистых бурых холмов. Коней стреножили, развели костер, чтобы отпугнуть змей, перекусили и отправились спать до рассвета. Вараздат, устраиваясь, обсуждая вполголоса сам с собой слова молодого Петроса о семье, вспоминал свой последний отдых дома, который случился ещё аж на Пасху. Тер-Андраник разговор не поддержал – он не возвращался и того больше. Саркис, его старший сын, служил в царской дружине, поэтому с ним он по-прежнему сохранил близкие отношения, а вот с женой, младшим сыном и дочерьми он не виделся уже полгода. Тоска по дому предательски защемила сердце, в этот вечер он дал себе твёрдое обещание после благополучного завершения дела вырваться к семье, хотя бы на неделю. Успокоив так совесть, он смежил глаза и заснул чутким сном. Позади остался безумно длинный и сложный день, но тот, что ждал впереди, отнюдь не обещал быть проще.

Утром отряд продолжил путь, длинные и пологие подъёмы закончились, теперь впереди торчали коричневые каменные горки, не очень высокие, зато частые – пейзаж напоминал

шкуру гигантского дракона. Дорог тут не было, но кони бойко шли по твёрдой почве, им дороги и без надобности. Среди воинов царило особое настроение – предчувствие крови, затянувшаяся погоня грозила закончиться сегодня, и все несказанно тому радовались. Хотя путь и отнял у них немало сил, руки сами собой тянулись к мечам, и никто из них не предпочёл схватке ещё один день безопасной дороги.

Солнце стояло уже высоко, когда позади, с юго-западной стороны, осталась крепость Гехи, старинное родовое владение дома Багратуни. Тер-Андраник многократно бывал здесь и хорошо знал её наместника Васака – человека безоговорочно верного царю и отважного. Имей они больше времени, возможно, удалось бы договориться о совместных действиях, однако сейчас, когда на счету каждый миг, тер-Андраник просто провёл отряд в непосредственной близости от стен крепости и отправил одного из своих людей к наместнику с просьбой о помощи.

Никаких следов посланников Азата не обнаружилось, что их задержало – оставалось только гадать, но времени на ожидание уже не осталось. Пять десятков всадников мчались во весь опор к месту, где по их предположениям должен состояться исход из леса вражеского отряда. Наверняка они знать не могли, но разведческое чутьё говорило: если выберутся, то точно здесь. Так они летели наугад, пока вдруг над холмами небо не разрезал жирной бороздой столб бело-сизого дыма.

– Вот оно! Теперь сомненьям точно конец! – счастливо воскликнул Вараздат.

Тер-Андраник напряжённо кивнул, поводил бровями вверх-вниз и приказал идти на новый ориентир. Оставалась вероятность ошибки, но источник дыма находился совсем близко. Вскоре они увидели скачущего им навстречу гонца, теперь это был Гор, и его узнали сразу.

– Они свернули к югу, да так резко, что нам пришлось помедлить с вестью, – выпалил он, приблизившись.

– Что там произошло? – спросил тер-Андраник.

– Они резко повернули, вошли в ближайшую деревню и учинили там дикую расправу.

Тер-Андраник нахмурился и молча смотрел, как клубы дыма окрашивают голубое утреннее небо в цвет спелой сливы... История очень странная, вероятнее всего их пытаются обвести вокруг пальца – что ж, если и так, то теперь уже не оставалось ничего, кроме как клюнуть на наживку.

– В Гехи, думается, уже заметили дым и скоро вышлют отряд, – произнес Вараздат.

– Но покуда они выступят – может слишком поздно оказаться, мы вмешаемся раньше, – после этих слов тер-Андраник жестом скомандовал отряду двигаться дальше.

Они почти достигли цели: от горящей деревни их отделяла только гряда каменистых холмов. Забираться наверх не стали, потому что Гор показал небольшой проход к деревне, который не требовал восхождений. Когда поселение открылось их взору, тер-Андраник окончательно понял: всё происходящее – не более чем уловка для отвода глаз. Неказистая деревушка, в которой не нашлось бы и сотни жителей, горела она не целиком – несколько строений, причём амбары и хлева. Для грабежа и боя возгорание необычное, наживу чаще ищут в домах, и дома в таких случаях загораются в первую очередь. Здесь же налицо намеренный поджог того, что станет как следует дымить, причём сделанный на скорую руку.

Тут подоспели Азат и Езник, вид они имели потрепанный и усталый, но с возложенной на них задачей следопыты справились, поэтому держались спокойно и уверенно. Тер-Андраник вместе с Азатом поднялись чуть выше по склону, откуда им открылось неутешительное зрелище: на узких улочках лежали неубранные трупы – преимущественно местных; несколько десятков воинов мастерили завалы на въезде, видимо, готовились к обороне. Восточный край деревни скрывался за выступающим к середине плато холмом, но Азат сказал, что ту сторону тоже укрепляют. В середине деревни происходило движение: группу местных жите-

лей, очевидно тех, кто уцелел при нападении и не успел скрыться после, гнали к небольшой церкви из туфа – обычное дело в таких случаях. Когда все люди войдут внутрь, церковь, вероятно, подожгут, но, возможно, их просто оставят там на время боя, чтобы не оказывали поддержки врагу. В любом случае нет никаких оснований рассчитывать на милосердие грабителей и убийц; жизни христиан теперь повисли на истончившейся бечёвке, другой конец которой держали воины тер-Андраника.

Времени разгадывать загадку этого жестокого представления священник не имел, было необходимо нанести удар. Вполне возможно, они уже упустили то, что искали, и сейчас просто вцепились в приманку с наивностью крестьянской дочки, слушающей хвастливые речи нахарраского сына, ну что ж, это их осознанная жертва. Да, существовал и другой путь: обойти деревню и отправиться на разведку дальше, вполне вероятно, что ключ к разгадке всего скрывался где-то рядом. Но за это пришлось бы здесь и сейчас заплатить жизнями десятков ни в чём не повинных людей, пределы земных желаний которых наверняка ограничивались лишь стремлением к спокойной трудовой жизни – подальше от войны. Служа царю, тер-Андраник старался никогда не забывать о том, что он священник, а священник не может пройти мимо безвинно страдающих людей и оскверняемой церкви. «Впрочем, – сказал он сам себе, – сан тут ни при чём, тот, кто сможет взять и пройти мимо такого, не имеет права называть себя ни христианином, ни мужчиной».

Вернувшись к воинам, он увидел, что в отряде пополнение в лице двух дюжин деревенских мужиков – крепких земледельцев в возрасте от пятнадцати до пятидесяти, вооружённых охотничьими луками и всевозможными подручными средствами: топорами, вилами, дубинами и рогатинами.

– А, так у нас теперь появилась пехота! – сказал он весело.

Вновь прибывшие посмотрели на него с лёгким недоумением, возглавляющий войско священник не укладывался в их представления о должном устройстве мира, но они все как по приказу обнажили головы и склонились под благословление. Члены отряда также спешили и последовали их примеру, тер-Андраник прочёл молитву – девяностый псалом царя Давида. Теперь воины готовы к бою.

Первым вступить в сражение предстояло Вараздату, его ударным кулаком стали тридцать всадников, которым поставили задачу быстро преодолеть открытое расстояние до деревни, попутно поливая врага стрелами (с ним шли лучшие лучники). Никто не надеялся, что противник проявит желание ввязаться в бой на открытой местности, поэтому, достигнув недостроенного завала, они готовились смести его защитников, ворваться в деревню и оттянуть на себя как можно большие силы магометан. После этого в бой вступала недавно приобретённая «пехота». Тер-Андраник же вместе с Азатом и ещё двумя десятками бойцов отправлялся в обход поселения, чтобы напасть на неприятеля с востока. Разделив таким образом свои незначительные силы, они собирались обездвигить вражеский отряд, не дав ему ни оказать организованного сопротивления, ни воспользоваться преимуществами обороняемого места.

Атаку Вараздат исполнил с потрясающим мастерством, его тридцать воинов рассыпались по полю, как только вошли в пределы досягаемости вражеских стрел. Мчащих налётом всадников не просто достать стрелой, поэтому они миновали плато, потеряв лишь одну лошадь. На ближних подступах к деревне Вараздат подал знак, и всадники вновь собрались воедино. Недостроенный завал не стал им серьёзным препятствием, разгоряченные кони перемахивали через него с лёгкостью. Из животных выжимали последние силы, потому что знали: без этого броска весь проделанный ими путь потеряет смысл.

Вараздат нёсся впереди всех, перескочив через преграду, он увидел, что в шею его коня вонзилось вражеское копьё, вылетев из седла и чудом избежав смерти под копытами коней своих же воинов, он вскочил на ноги и ударом тяжёлого сапога в грудь опрокинул навзничь первого двинувшегося на него араба. После, приняв на щит несколько тяжёлых ударов, он

подрубил колени здоровенному мужичине, пытавшемуся в этот момент достать боевым топором одного из его всадников. Ринувшись дальше с мечом в руках, он поверг еще двоих, а третьего обратил в бегство. Первая цепь обороны противника оказалась целиком смята, но все понимали: это только начало. От сердцевины деревни в сторону нападавших двигался отряд из двадцати пяти конных воинов, соединившись с отступающими защитниками завала, они атаковали. На узкой улочке началась кровавая свалка, конные и пешие смешались между собой и в припадке звериного бешенства кололи, рубили друг друга, едва различая своих и чужих.

Половина людей Вараздата уже лишилась своих коней, собрав таковых вокруг себя, он криком приказал остальным отступить и спешиться. В этих условиях существовало много возможностей лишиться коня, но преимуществ от нахождения в седле оставалось мало. Сомкнув щиты, армяне, не давая противнику передышки, бросились вперёд пешим строем, многие из них вооружились подобранными у павших арабов копьями – ими они наносили колющие удары по лицам и шеям, не прикрытым доспехами. Вражеский строй выдержал, и дело могло бы обернуться худо, но тут подоспели ополченцы деревни, их простое оружие оказалось как нельзя кстати в лобовой схватке пеших отрядов, а свежесть их сил удвоила и силы бойцов Вараздата.

Набрав в легкие воздуха, он что есть мочи закричал:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, поднажмём, братья!

Удары участились, и напор нападавших ощутимо возрос, это сделало своё дело: строй арабов дрогнул и прорвался. Враг сделал попытку отступить, не потеряв порядка, но Вараздат допустить этого не мог. Строй арабов оказался рассечён надвое, теперь почти каждый воин сражался лицом к лицу со своим противником. В таком положении армяне смогли использовать своё численное преимущество, впрочем, так как достигалось оно с помощью необученных сражаться крестьян, цена тому была невелика. Улица покрылась телами убитых и раненых, и число их увеличивалось с каждым мигом, боковым зрением Вараздат видел, как с расколотым черепом упал Манук, молодой смешливый парень из Тайка, но в следующее мгновение его убийцу пронзил копьем Нерсес, опытный воин, шедший следом. Постепенно арабов становилось всё меньше и они отходили назад, к середине деревни. Армяне шли за ними следом, во рту каждый из них чувствовал железистый привкус крови, сердце каждого из них колотилось с бешеной скоростью, а силы их дрожали на пределе. Теперь до победы оставалась всего пара шагов, и каждый из них был готов идти до конца.

Тем временем тер-Андраник повёл свой отряд в обход деревни, вместе с ним ехал Азат, в сторону, где кипел бой, старались не оглядываться. Местами отряду приходилось вести коней в поводу, чтобы не выдать своего манёвра; вскоре они достигли восточного окончания деревни. Здесь низкорослые деревья подступали практически к самым домам, оставляя возможность ударить неожиданно. Пока что изначальный замысел взятия деревни работал: большая часть воинов противника оказалась оттянута к западному въезду, с востока дозор несли всего несколько десятков бойцов, но они были начеку. Завал и здесь остался недостроенным, поэтому, когда тер-Андраник с Азатом повели всадников на штурм, он не смог задержать их надолго. Расчистив проход, армяне схватились с бросившимися им навстречу захватчиками, которым по чёрной иронии судьбы на этот раз приходилось заниматься обороной поселения.

Тер-Андраник уклонился от летящего в него копья, приблизился к его обладателю вплотную и, схватив за плащ, резким движением вырвал того из седла вниз. После, оставив позади сражающихся, он прищпорил коня и поскакал к церкви. Руководство схваткой он заблаговременно возложил на Азата – тот, опытный не смотря на возраст воин, без сомнения справится с этим делом прекрасно. Когда священник оказался у церкви, арабы уже запирали ее тяжёлые, кованые железом двери. Атака армян немного спутала им карты, слышав шум боя, их несчастные пленники сделали попытку вырваться, но среди тех практически не было мужчин – только старики, женщины и дети, поэтому бунт быстро подавили. Сейчас, когда все уже вошли

внутри, у входа в церковь остались лишь трое солдат; первого из них тер-Андраник поверг наземь, направив на него коня, второй схватился было за меч, но вокруг его руки обвился кнут, от резких движений из стороны в сторону араб потерял равновесие, тер-Андраник же, успев спешиться, высек у противника опорную ногу, и тот ничком упал на туфовые ступени. Последнего священник встретил мощным ударом в челюсть, чего оказалось достаточно, чтобы дорога к дверям осталась свободной. Сбросив засов, он распахнул двери, на него мгновенно устремился взгляд нескольких десятков испуганных глаз. Дети, женщины, старики – в их глазах читался страх, перемешанный с надеждой. Страх – что новый гость принёс им очередную меру злобы; надежда – что шум боя, слышанный ими ранее, принёс уже нечаянное избавление. Повисла тишина, спасённые не сразу осознали произошедшее, вид священника в дверях сперва показался им едва ли не сказочным, но с другой стороны, что может быть естественнее, чем посланный им Богом в ответ на мольбы о спасении христианский священник. Затем из дверей повалил живой поток, некоторые пытались облобызывать и обнять тер-Андраника, выражая благодарность, но в основном все скорее рвались на свет – снова вдохнуть цветущий летний воздух родных краев, почувствовать жизнь и принести смерть и месть оставшимся из причинивших им столько боли за это страшное утро.

Тер-Андраник шагнул в густой полумрак опустевшей церкви, воздух её ещё хранил в себе запах недавно витавшего здесь страха. Солнечные лучи проходили от окон, как золотые ангельские клинки, и собирались воедино над престолом. Престол был в крови, заколотый на нём священник лежал рядом, загнанные в церковь люди прикрыли его наготу и положили на скамью, клочья седых волос мученика были раскиданы по алтарю. «Никогда не знаешь, какой венец готовит тебе Господь на старости лет», – подумал тер-Андраник и прочитал над убитым заупокойную молитву. «Впрочем, это нам здесь впору просить его молитв – он ведь уже созерцает лицо Отца нашего небесного». После тер-Андраник поднял на престольное Евангелие и собрал раскиданную по апсиде богослужебную утварь. Церковь была освящена в честь святого апостола Фаддея, что ж, её настоятель сейчас вместе с главным святым его церкви, тоже мучеником, убитым язычниками в этих же землях почти тысячу лет назад. Тер-Андраник перекрестился и зашагал к выходу. На паперти взгляд священника задержался на трупах трёх арабских воинов, тех самых, что запирали дверь, когда он приехал. Он не убивал их, с принятия священного сана он даже никогда не брал в битву настоящего оружия – иерей не может отнимать чужую жизнь. Однако они мертвы, и когда-нибудь держать ответ за случившееся перед Богом придется именно ему.

Битва закончилась, люди, заполнившие улочки деревни стекались к храму, чтобы вознести Богу благодарственную молитву за дарование победы христианскому воинству. Впрочем, некоторые преклоняли колена прямо на улице. Побеждённые большей частью были мертвы, в плен удалось захватить лишь пятнадцать человек. Тер-Андраник распорядился запереть их по пятеро в нескольких разорённых домах и пристально охранять, не только чтобы не сбежали, но и чтобы исключить возможность самочинного суда со стороны жителей.

Навстречу тер-Андранику в окружении своих воинов шёл Вараздат, вид он имел весьма угрожающий: залитый кровью, но не раненый, в руках он нёс изрубленный в щепки щит, шлема на голове не было, и волосы, вымоченные смешанным с кровью потом, целыми прядями налипали на лоб. Завершала весь этот зримый апофеоз воинской доблести довольная улыбка, освещавшая лицо разведчика.

– Легко и просто, святой отец! – крикнул он тер-Андранику. – Все сработали в точности как задумано!

Вараздат потерял пятерых убитыми и ещё пятнадцать ранеными, также погибла половина ополченцев, но будучи бывалым воином он знал, что за каждую победу есть своя плата и скорбь лучше приберечь для должного времени. Тер-Андраник напротив сохранял серьёзность – он считал для себя неуместным проявлять излишнюю весёлость после битвы. Сосчи-

тали общие потери: всего погибло восемь бойцов и два десятка получили раны разной серьёзности. Бой оказался не из лёгких. Тер-Андраник интересовали пленные, он подозвал Азата, которого назначили за них ответственным, и подробно расспросил его о сдавшихся. Выяснилось, что почти все они – из простых воинов, опытных, хорошо вооруженных, но всё же обычных исполнителей приказов, от них вряд ли можно узнать много о целях этого похода. «Кроме одного, – отметил Азат, – этот командовал обороной на восточном конце деревни, мы ударили стремительно, и в итоге некоторых всё же удалось захватить живыми». Здесь оживился и тер-Андраник:

– Вели привести его ко мне, попробуем разговорить.

– Я бы, святой отец, отвёз его в Гехи и там подвесил над воротами за то самое место, это очень быстро сделает его общительным.

– Вот, слова истинного христианина!

– А почему нет? Я христианин, поэтому люблю Христа и люблю ближнего, как заповедано, а вот этих нечестивых ублюдков просто ненавижу.

– Надо будет провести с тобой несколько душещепотительных бесед, – усмехнулся священник.

– Пустое! Если христиане разучатся их ненавидеть, то вся наша борьба не будет стоить и медного фельса.

Затем Азат вышел, священник же подумал, что нет, переживать юноше не из-за чего, христиане ещё долго не разучатся ненавидеть, причём ни здесь, ни в любом другом уголке мира.

Тер-Андраник расположился в одном из близлежащих домов, и именно туда ему привели пленного мусульманина, мужчину примерно одних с ним лет с резкими чертами лица и серо-стальными глазами бывшего воина. Приказав развязать пленнику руки, тер-Андраник отпустил стражу, после жестом указал на стул. Приглашение сесть было принято. Налив в глиняную чашку воды из кувшина, он обратился к допрашиваемому по-арабски:

– Где твои командиры?

– Мертвы, – безучастно ответил пленник.

– Тогда чьи следы уводят к востоку от деревни? Их только что обнаружили мои следопыты.

По правде говоря, то была ложь, тер-Андраник действительно дал указание обследовать восточный выезд, но доклада ещё не получал. Теперь же, заметив в лице собеседника лёгкое напряжение, он уже знал ответ на свой вопрос.

– Мы отправляли разведчиков, – воин понял, что допустил промах, и пытался поправить положение. – Они не вернулись.

– О, ну если у вас принято отправлять на разведку самых важных людей отряда, то ты, безусловно, не лжешь!

– Ты собака, и мне нет нужды убеждать тебя в своей честности, – оскорбительные слова он сказал бесстрастно, ровным голосом. «Этого и пытаться бесполезно», – подумал тер-Андраник.

– Да, нужды нет, как и тебе нет необходимости хранить верность тем, кто бросил тебя на верную смерть, а сам ускользнул.

– Если бы я хотел свести с кем-то счёты, то сделал бы это без помощи христианского священника! – тон пленника по-прежнему оставался спокойным, хотя в нём уже чувствовались нотки раздражения.

– Не стоит недооценивать помощь христианских священников, – усмехнулся тер-Андраник. – Но воля твоя, у тебя ещё будет время подумать.

После он подошёл к двери и дважды стукнул в неё кулаком, появились двое стражников, вновь затянули на руках пленника верёвку и увели его прочь. Тот, кажется, немало удивился,

что допрос закончился так скоро, но времени выразить свои чувства уже не имел. Как только все трое скрылись, в комнату вошёл Вараздат.

– Ну, что рассказал араб? Вы быстро закончили.

– Он не араб.

– Он так сказал?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Он перс, его выдало наречие.

– Хорошо. Что рассказал перс?

– Ничего, что могло бы запятнать его честь, но достаточно, чтобы мы сделали необходимые выводы.

– Ты опять говоришь загадками! – в ответственные минуты Вараздат не переносил склонности друга к созданию тайны.

– Никаких загадок, мы настигли отряд, за которым охотились, но упустили тех, из-за кого этот отряд проделал такой путь. Кажется, теперь у меня в голове сложился общий образ дела.

– Нуу, – протянул разведчик, – выбора у нас особенно не было, мы не могли оставить деревню.

– Да, они сработали ловко, видимо, на этот случай они и тащили за собой столько воинов, чтобы, когда их обнаружат, пустить пыль в глаза как следует. Они идут на переговоры, причём, судя по их пути, в Ширванские земли. То, что они пришли с запада, должно было ввести нас в заблуждение, но я уверен, что стоит за этим афшин Юсуф – халифу и багдадским интриганам дела до нас сейчас нет, у них свои игры. А вот для востикана мы слишком давние и слишком опасные враги, чтобы он не попытался при случае сломать нам хребет. Я сомневался, пока не услышал безобразный говор этого перса, воин из Багдада или Дамаска не может говорить по-арабски так скверно, а в Мараге и Ардебиле подобных ему полно, и все истовые мусульмане, хотя и недолюбливают арабов. Даже не верится, что всего несколько поколений назад их деды пытались принудить наших поклоняться огню...

– Но стой, – Вараздат нахмурился, – если это дела Юсуфа, то тут не обойтись и без Гагика Арцруни, иначе они пошли бы в Ширван через свои земли.

– Да, вполне вероятно, что они попытались удачу и у этого старого лиса, он всегда летит на измену, как стервятник к полю битвы, а, может быть, они всё же имели дела и в Дамаске... Сказать с уверенностью сложно, но в том, что это блюдо состряпано корявыми пальцами Юсуфа, я теперь не сомневаюсь ни мгновения.

На улице тем временем усилился шум и началось движение. Заросшее тёмными волосами лицо одного из воинов просунулось в дверь и произнесло:

– Святой отец, прибыл отряд из Гехи, – затем лицо исчезло.

– Вот так неожиданность! – воскликнул тер-Андраник. – Ну всё же они вовремя, теперь не придется думать, что делать с пленными.

– Своего перса тоже им отдашь?

– Пожалуй, да, я сомневаюсь, что он расскажет нам что-то ещё, у него на лице написано, что он скорее умрёт, чем пойдёт на сделку с христианами. Да и, кажется, нам больше не нужно его знание.

– Может, я попытаюсь поговорить с ним по-своему? – глаза Вараздата зловеще блеснули.

– Ну, тут ты опоздал, Азат уже предложил свои услуги, хотя я и не склонен их принимать.

– Ладно, тебе виднее. Надо поприветствовать прибывших...

– Пожалуй, чтоб никто там не натворил глупостей.

Они вдвоём вышли на улицу, всадников из Гехи вёл некто по имени Мовсес – он был плотен, лысоват, длиннобород и сразу узнал тер-Андраника. Окинув взглядом своих людей, деревню и людей священника, он воскликнул весело:

– Тер-Андраник! Только упоминание твоего имени гонцом сдержало моё недоумение, ведь твоё имя может оправдать любую несуразицу!

Тер-Андраник тоже узнал Мовсеса: в былые времена этот весёлый, но несколько глуповатый вояка бился в дружине царя Смбата, теперь же служил наместнику его сына в крепости Гехи.

– И ты здравствуй, Мовсес, мы уж и не ждали! Что ж, вы как раз ко времени...

– Да уж, по твоим воинам это видно. Но я не могу взять в толк, откуда эти арабы здесь взялись, такого уж несколько лет не случалось!

Из-за спины тер-Андраника подал голос Вараздат:

– Был бы мёд, а пчела и из Багдада прилетит, – то была старая поговорка, которую он сказал по привычке, только потом подумав, насколько она уместна.

– Да какой тут мёд! Голодные крестьянские хижины, да и только.

Тер-Андраник с Вараздатом вкратце описали Мовсесу дело, умолчав о своих подозрениях и выводах, дав только сухой ряд событий. Тому подобного рассказа оказалось вполне достаточно, и он в свою очередь поведал, что этим утром наместник Васак в крепости отсутствовал – уезжал в монастырь Айриванк помянуть своего отца, преставившегося в этот день год назад. Вместо него командовать остался сепух Гор, человек молодой и не имеющий достаточного опыта, посему, когда на горизонте появился столб дыма, а в воротах посол от тер-Андраника, вопрос с отправкой отряда решить быстро не смогли. В итоге Мовсес привёл сорок бойцов, но к битве опоздал. Теперь же он настаивал, чтобы люди тер-Андраника остановились на отдых в Гехи, тем более что уже к вечеру этого дня ожидали приезда наместника. Тер-Андраник ответил на предложение согласием. Отряд действительно нуждался в отдыхе, люди измотаны боем и долгим переходом, не говоря уже, что после утренних событий под его рукой появилось несколько десятков раненых и единственным местом, где их можно безбоязненно оставить, была эта крепость.

Перед отъездом отслужили молебен о погибших за веру воинах и жителях деревни. Власть была вновь передана местным старейшинам. Теперь, наверное, пройдет пара дней и для уцелевших жизнь побежит своим чередом. Но не для всех. Об этом размышлял тер-Андраник, покачиваясь в седле на том же пути, по которому они во весь опор неслись утром. Всего какие-то полдня для одних обернулись смертельным горем, а для других – неожиданным спасением. Одни захотят мести, а другие – очищения души... Но нет, теперь уклад жизни этих людей прежним сможет остаться лишь внешне, внутри он будет скрывать незаживающую рану.

Ехали молча, так всегда бывает после горячки боя – когда возбуждение проходит, накачивается усталость и воспоминания о павших товарищах. Понимая это, заставил себя помолчать даже говорливый Мовсес. В Гехи прибыли незадолго до заката, с их приездом в крепости поднялась суэта, созывали лекарей для раненых, отпирали темницы для пленных, накрывали столы и готовили постели победителям.

Тер-Андраник вытерпел знакомство с юным сепухом Гором, которого, видимо, оставили за главного, только чтобы тот набрался опыта. После священник поднялся в отведенную ему комнату (он всегда останавливался здесь в ней) и повалился на кровать. Последние дни его волновала только мысль об арабском отряде, и вот он уничтожен, но какой в этом смысл, если главную загадку дела они упустили. Смысл в том, что спасены многие жизни... Да только вот как бы это спасение не обернулось ещё большими смертями невинных. Он знал, на что идёт, когда принимал решение, но это вовсе не означало, что сомнений в нём не осталось.

Тут не может не быть сомнений, потому что не может быть и правильного решения – он рискнул, положившись на Божественное провидение, веря, что именно так должно поступить христианину, а как оно будет верно на самом деле – время покажет. Человек предполагает – Бог располагает. В такие мгновения тер-Андраника больше всего тяготило отсутствие собеседника, того, с кем можно было бы обсудить всё на равных и услышать взвешенный совет. Вараз-

дат – друг, воин, разведчик, одинаково надёжный во всех этих ипостасях, в качестве советника по моральным и личным вопросам оказывался абсолютно бесполезен. Пожалуй, это одна из самых больших потерь, что повлёк переход тер-Андраника из духовной среды в воинскую. Если раньше его окружали самые образованные и вдумчивые люди эпохи, то теперь рядом были настоящие бойцы с твёрдой рукой и простым сердцем, по-своему глубокие, но всё же чаще всего даже не владеющие грамотой... Что ж, как бы то ни было, выбор уже сделан, враг ускользнул, а воинам теперь необходим отдых. Остановив таким образом поток неприятных мыслей, тер-Андраник сел, подвинулся ближе к стоявшей на подоконнике свече и раскрыл Евангелие. Так, с книгой в руках он и заснул, наутро же священник проспал и пение петухов, и литургию, проснувшись, только когда солнце взошло настолько высоко, что уже приблизилось время обеда.

Как только он подал признаки бодрствования, к нему явился Аик с докладом: наместник уже в крепости и очень хочет его видеть. Тер-Андраник спустился, на улице стояла дневная жара, поэтому и гости, и обитатели Гехи предпочитали прятаться в прохладном сумраке замка. Священник с наслаждением втянул душный дневной воздух – это аромат расслабленности и отдыха, который он позволял себе крайне редко и который радовал его душу, но только когда не становился слишком долгим.

Васак встретил священника как старого друга (впрочем, он и был его старым другом): обнял и трижды расцеловал, не считая нужным или забыв подойти под благословение. Пригласив гостя к столу, он принялся расспрашивать его о новостях, причём не только последних дней. Тер-Андраник, будучи близок и к светской, и к духовной властям, являлся бесценным кладезем знаний, как полезных, так и увеселительных. Поскольку сам наместник интересных новостей не имел, то его участие в беседе ограничивалось замечаниями вроде: «Его святейшество видел в последний раз в Айриванке на Успение» или же «С ишханом Григором мы бок о бок сражались в Мокке». Услышав, что царь отправился в Гугарк к братьям Гнтуни, он весело рассмеялся и отметил, что в молодые годы был дружен со «своим картавым тезкой», разумея одного из гугаркских братьев. Васак явно скучал в крепости, и приезд тер-Андраника стал для него событием. Услышав, что на следующий день уже назначен отъезд, он расстроился, но отговаривать не стал и без каких-либо условий согласился заботиться о раненых, дать необходимое количество лошадей и еду в дорогу.

Остаток дня тер-Андраника состоял из бесед со старыми знакомыми, коих в многолетней багратидской обители оставалось множество, приготовлений к отъезду и чтения книг в обширной библиотеке Гехи. Последнее занятие – обязательная часть каждого его посещения крепости, удовольствие, в котором священник не мог себе отказать. В этот вечер внимание священника привлёк том «Одиссеи» Гомера, написанный по-гречески, он вероятнее всего попал сюда в качестве подарка одному из предшественников ныне царствующего монарха. Проставив книгу, тер-Андраник остановился на главе, в которой Одиссей входит в царство Аида. Встречи царя Итаки в потустороннем мире напомнили ему минувший день, в течение которого он так же встречал многих людей, подобно теням из прошлого, пытавшимся выведать от него хоть немного о том, что творится за стенами крепости... Тогда тер-Андраник понял, что отдохнул достаточно. Лучше быть последним подёнщиком на земле, чем царём над тенями – так сказал Одиссею погибший под Троей Ахилл. Тер-Андраник понял, что это предельно точно отражает и его состояние. Чувство незавершённого дела висело над ним, как дамоклов меч, и каждое слово, сказанное в праздных беседах, напоминало ему, что он наслаждается спокойствием незаслуженно. Отдых, казавшийся вчера необходимым, сегодня представлялся уже излишним, как будто, имея возможность действовать и исполнять своё предназначение, тер-Андраник предпочёл добровольное погружение в мир теней.

Встряхнув головой и усмирив беспокойные мысли, тер-Андраник поставил книгу на место и нашёл Азата с Варздатом. Он отдал им последние распоряжения насчёт завтраш-

него утра и отправился спать. В вечернем евангельском чтении по удивившему его совпадению попала притча о Лазаре и богаче, в которой последний, упустив возможность для исправления своей жизни на этом свете и оказавшись на том, тяжело страдал от невозможности изменить посмертную участь себя и своих близких.

– Потому что земная жизнь – это время, когда нужно действовать, – сказал сам себе тер-Андраник и задул свечу.

* * *

Утром отряд выступил в путь. Коней направили на восток, мимо дымчатых берегов озера Геларкуни, к зелёным холмам Арцаха и землям древней Албании.

Глава III

Мысли с шумом, отдавая пульсирующей болью, роились в голове. И первой из них была: «Неужели я жив и на этот раз». Сознание постепенно возвращалось к Ингвару, хотя он и не мог понять, где находится и как сюда попал. По правде говоря, бой, да и всё происходившее за сутки до него, представляли собой в голове юноши сумбурное месиво из обрывочных воспоминаний. Постепенно, как рука резчика по дереву создаёт из грубой доски тонкий узор, разум Ингвара восстановил образ и последовательность событий.

Приходить в себя из небытия во второй раз оказалось духовно легче, однако телесно тяжело, как и прежде. Безумно болела голова, и по сравнению с пробуждением после крушения добавился ещё и отвратительный привкус крови во рту. Ломота сковывала всё тело, чтобы хоть немного стряхнуть её, Ингвар попробовал пошевелить конечностями, после чего обнаружил, что его руки и ноги стянуты тугой верёвкой.

Веки слиплись от пота и запёкшейся крови – это сделало открытие глаз задачей не из простых. Со второго раза ему всё-таки удалось, правда, пользы принесло немного – вокруг царила непроглядная тьма. Когда глаза немного привыкли, Ингвар понял, что его тюрьма – это просто старый душный хлев. Через щели между досками, из которых хлев был сложен, пробивался слабый ночной свет, но его и различить-то казалось практически невозможно.

Снаружи тишину нарушали обрывки досужего разговора стражей. С уверенностью судить о наречии Ингвар не мог, но вероятнее всего они говорили на арабском. Северянин в достатке слышал этот язык на торговых площадях от Корсуни до Константинополя и научился распознавать звучание, однако сейчас в ушах чересчур гудело... Судя по голосам, дозор несли трое воинов. Ингвар сперва усиленно двигал руками и ногами, пытаясь ослабить узлы и избавиться от верёвок, однако, прикинув свои силы, понял, что вряд ли может надеяться на благополучный побег сегодня. В столь расслабленном состоянии выстоять в одиночку против троих отдохнувших и здоровых бойцов не представлялось возможным. А требовалось не только выстоять, но и сохранить силы, чтобы выбраться из вражеского лагеря. Поэтому он решил, что время побега ещё не настало, раз его оставили в живых, значит, он им для чего-то нужен и в самом ближайшем будущем его вероятнее всего не убьют. Стоянка явно была временной, значит, пленивший его отряд скоро отправится в путь и уже через сутки Ингвар получит точное представление о численности и общем состоянии врага.

Как только насущные размышления о побеге оставили юношу, им на смену пришли мрачные мысли об отце. «Оставили в живых», – повторил он про себя. Какова участь остального отряда, можно только гадать. В этом хлеву кроме него никого нет, скорее всего, других пленных арабам захватить не удалось, нельзя тешить себя лишней надеждой, но, быть может, кому-то всё же удалось уйти в горы и спастись... Тогда об их переходе узнают другие – о нём сложат саги, песни и пряди, тогда весь этот мучительный путь не пропадёт напрасно. Что ж, возможно старику Хельгу в очередной раз удалось обмануть судьбу и вывести людей из опасности, если же нет... все они в этом случае уже наверняка мертвы. И даже отец.

Затхлый темничный воздух душил Ингвара, обуреваемый мрачными мыслями юноша лежал, не зная даже, сколько времени прошло с тех пор, как он очнулся. Голоса стражей смолкли, и звучало только пение птиц и стрекот цикад там, за дверью, где между юношей, его свободой, да и просто остальной жизнью, стояли по меньшей мере несколько десятков клинков.

Мысли о побеге вновь возвращались, перемежались с обращениями к богам, и вот, свет в щелях стен показал молодому северянину, что начало светать. Шума за дверью прибавилось, лагерь оживал, чьи-то голоса отдавали приказы, лязгало железо и ржали лошади. Через некоторое время дверь распахнулась, тогда в лицо Ингвару ударила приятная свежесть утреннего воздуха, а в глаза – яркий свет, от которого он уже порядком отвык. В дверях стоял воин

в тюрбане и засаленном халате, из-под которого поблескивала кольчуга. Лица Ингвар различить не сумел: глаза ещё недостаточно привыкли к свету. Воин молча посмотрел на пленника, подошёл ближе и, убедившись, что тот пришел в себя, скрылся в проёме. Через короткое время он вернулся вновь, держа в руках миску похлёбки и ломоть хлеба. Аромат от похлёбки быстро достиг ноздрей юноши, и хотя это явно не самое изысканное кушанье, но вместе с запахом Ингвара захлестнуло невероятно свирепое чувство голода. Араб поставил еду рядом с северянином, потом достал из-за пояса кинжал и перерезал веревку, связывающую ему руки, после чего так же, как и в первый раз, не говоря ни слова вышел. Ингвар набросился на эти дары жадно, стараясь не пролить ни единой капли, пил похлёбку. Руки, онемевшие от долгого пребывания под верёвкой, слушались плохо, но чувство голода посылало им верные приказы, и в итоге непокорные конечности удалось обуздать. Когда он доел, то сразу ощутил, как силы его прибывают, а самочувствие улучшается: глаза легко открылись, шум в голове пошёл на убыль, и даже ломота в теле начала проходить. «Что ж, я всё же рано стал петь погребальные песни...» – подумал юноша и, как часто бывает после славного обеда, сразу допустил в голову обнадёживающие мысли о своём будущем и даже о судьбе дружины.

Если его накормили, стало быть, убивать не собираются, по крайней мере, не сегодня. А это значит, что он сбежит, надо только дождаться возможности. Если Хельг не пережил вчерашней битвы и не смог перехитрить опасность, значит, нужно сделать это самому, как никак – он его сын, и теперь настало время доказать родство делом. Да, отца может и нет в живых, но коли так – он сейчас пирует с боевыми товарищами в Вальхалле, к которой стремился всю жизнь, ни разу не опорочив честь воина и погибнув с мечём в руке. Интересно, если он и правда там, смотрит ли он на него сейчас и волнует ли вообще гостей чертога Одина судьба их сыновей здесь, в этом мире? Нет, отец точно не мог про него забыть, и сейчас мысли старого ярла, живого или мёртвого, с ним, с Ингваром... В душе он обратился к отцу с просьбой о помощи, чтобы тот укрепил его и дал дельный совет, его не смутило, что он не вознёс молитву ни к Одину, ни к другому богу, чтимому родичами, но именно к отцу. Боги ждали от него развлечения, для них путь Ингвара – зрелище, иногда занятное, а иногда нет – боги помогают сильным и тем, кто им нравится... Юноша не был уверен, что нравится богам. Он часто уделял им меньше внимания, чем принято, и часто интересовался другими богами, тут есть из-за чего разгневаться, отец же любит его вне этих условностей. Поэтому обращение к отцу показалось ему совершенно естественным в этом затруднительном положении, жив тот или мёртв, его образ всегда пребудет с сыном, и никто не вправе этого отнять.

На душе у Ингвара отлегло, теперь он решил ждать дальнейшего развития событий, ведь не оставят же его в этом хлеву навечно. Здесь он оказался прав: в скором времени дверь вновь отворилась. На пороге стоял сухощавый мужчина, одежда и оружие которого свидетельствовали об особом положении. Лицо его скуластое и довольно невыразительное, волосы (он обнажил голову войдя) тщательно уложены назад, борода подстрижена, смуглая кожа отливала медью. Особенностью, отличавшей это лицо от других, были шрамы, проходящие через все его черты белыми бороздами, а завершало облик отсутствие правого уха.

Незнакомец с ходу бросил Ингвару несколько вопросов на арабском, не услышав ответа, он начал задавать вопросы на других языках, но ни один из них не был известен его невольному собеседнику. Ингвар, решив помочь незнакомцу, сухо бросил ему на греческом:

– Ты пришёл похвастаться осведомленностью в чужих наречиях?

Незнакомец кивнул, кажется, он понял сказанное. Подождав немного, судя по всему подбирая слова, он произнёс:

– Тобой убиты многие.

Услышав это, Ингвар ощутил под сердцем тёплое чувство удовлетворения, но не из-за похвалы, а из-за того, что греческий этого араба оказался в разы хуже его собственного. В памяти всплыли замечания ромейских друзей о его дремучем варварстве.

- Недостаточно многие, чтобы ты не стоял передо мной, – ответил он.
- Ты дерзкий хорошо, но когда не стоишь на ногах – опасно.
- Поэтому я и не жду, что вы развяжете мне ноги.

Араб слегка улыбнулся, его лицо настолько блекло-безразличное, что улыбка скорее напоминала оскал, чем свидетельствовала о расположении.

– Я встречал таких, волосы как песок, свирепые – похожи на твоих братьев, но все мертвы теперь... Как и твои братья.

Кровь бросилась в лицо Ингвару – этот сухой араб пришёл к нему рассказывать, как убивал его отца и друзей, смотрит на него, связанного, со своей наглой ухмылкой, зная, что пленнику ответить нечем... В приступе ярости юноша схватил лежащую рядом глиняную миску из-под супа и что есть силы запустил в голову гостю. Араб молниеносно уклонился и в мгновение ока вновь такой же прямой и насмешливый стоял в двух шагах от Ингвара. Миска, не достигнув цели, ударилась о дверь хлева и разбилась, после чего в дверь обеспокоенно заглянул один из стражников, но был сразу же отправлен назад властным жестом господина.

– Злись. Это можно, – коротко заметил он, – мне всё едино.

Юноша не отвечал ему, он постепенно успокоился и теперь раздражался сам на себя за недавнюю вспышку гнева. Когда ему не удавалось сдержаться, в душе оставался лёгкий унижительный осадок. Видимо, из-за того, что в такие моменты внутреннее состояние слишком плотно соприкасается с внешним миром.

Араб тем временем продолжал:

– Откуда ты, мне неизвестно и неважно. Равно как и все твои товарищи. Знаю точно, таких оборванцы, никто послать не мог. Наша встреча – случайность. Знаю также: такие, как вы, причинили много бед шаху Ширвана, но до этого мне нет заботы. Скажу так: я готов забыть всё, причинил ты и твой топор. Но взамен ты сделаешь то же.

Ингвар не смог сдержать удивленный взгляд, вместо допроса и смерти ему сделали предложение о поступлении на службу. Такого он не ожидал.

– Служить убийцам моих родичей? – северянин хотел, чтобы это прозвучало насмешливо, но получилось просто зло и нерешительно. Соглашаться на такое приглашение у него не было и в мыслях, но в целесообразности открытого заявления об этом он очень быстро усомнился.

– Мы сделали, и вы сделали. Мы убивали – вы убивали. Лукавства нет. Это был честно. Вам был нельзя уйти тогда.

– Так дайте уйти мне теперь, – тихо проговорил Ингвар.

В ответ араб улыбнулся шире обычного (правда, по-прежнему бесстрастно).

– Этого не может. Тебе отправиться только с нами или же к своим родичам. С которыми ты был вчера.

Ингвар не хотел умирать, особенно усугубили это чувства, перенесённые им в горячке боя, который он уже счёл для себя последним. В то же время воспитание, суровая походная жизнь и постоянная близость смерти научили его не бояться конца пути, но стремиться подойти к нему достойно. Все люди во что-то верят, кто-то ждёт после смерти пиров в чертоге Одина, кто-то – покоя и умиротворения, кто-то просто надеется на высшую справедливость на том свете, потому что отчаялся ждать её на этом. Ингвар слышал очень много предположений на сей счёт, не все были ему понятны, но одно было ясно как день: люди не хотят умирать, зная, что больше ничего не будет. Одни ждут продолжения *Там*, другие пытаются оставить после себя как можно больше *Здесь*, но страх смерти живёт в каждом, и каждого он, словно плеть, гонит своей дорогой. Может быть, в этом и скрывался ключ к отгадке великой тайны человеческой смерти. Так Ингвар, не будучи трусом, готовый принять любую участь, осознал, что миг, когда он сможет подписать сам себе смертный приговор, ещё не настал. Повинуясь этому комку чувств, он произнёс сдавленным голосом:

– Мне нужно подумать.

Араб удовлетворенно кивнул:

– Думай, есть время. Но долго – нет. Я – Мансур. Скажи позвать, как решишь.

Когда он вышел, у юноши заныло нутро. Во-первых, он проклинал себя за давешнюю слабость: нельзя было показывать, что слова этого мрачного араба на него подействовали, хотя, может, со стороны это и не читалось так легко, как ему кажется... Во-вторых, хотя и нет ничего позорного в том, чтобы примкнуть к предлагающим ему службу, ведь Мансур прав: его родичи погибли в честном бою, всё же невысока честь тому, кто стал товарищем убийцам отца и друзей. Впрочем, он не раз слышал у походных костров историю дяди Эндур, того, что оставил ему топор. Дядя Эндур рассказывал, как, потеряв всю дружину и попав в рабство к печенежскому хану, он со временем вошёл к нему в доверие, стал одним из воинов ближнего круга, а через несколько лет перерезал ему глотку и бежал. Так он отомстил за бесчестное ночное нападение, в котором степняки вырезали его людей. Эта история прославила Эндур, и никто не дерзал упрекать его за службу своим врагам, так почему же молодому Ингвару непременно нужно отдать жизнь и нельзя прибегнуть к небольшой уловке. Северяне не столь искусны в интригах и заговорах, но и им знакомо слово хитрость. Другое дело, что будет очень сложно перебороть себя и улыбаться тем, кого хочется отправить на тот свет. Впрочем... можно им и не улыбаться, наверняка этого с него не потребуют. Он не был уверен до конца, но понимал: это его единственная тропа к спасению.

Ингвар хотел ещё немного подумать, но в душе его ответ уже обрёл форму. В итоге вместо дальнейших размышлений он прислушался к происходящему за дверью. Лагерь ожил, походные звуки войска мало отличаются друг от друга, даже если воины верят в разных богов и бьются за разных вождей. Все они в конечном счете похожи, и в первую очередь всегда воины. Этот лагерь исключением не стал, судя по звукам, всего тут оставалось несколько десятков всадников, причём разного происхождения: помимо арабского Ингвар улавливал и другие языки. Совсем рядом с местом его заточения слышался уже знакомый голос Мансура, однако речь была не арабской. Араб говорил на наречии своего собеседника, и, судя по всему, опять с ошибками, потому что в их общение постоянно вмешивался третий голос и повторял определённые слова то на одном языке, то на другом. Что же до второго, то он обладал неприятным каркающим голосом, да ещё и с сильно заметной картавостью. Язык их беседы Ингвар слышал впервые, хотя в нём и было нечто знакомое ему ещё по всё тем же царьградским воспоминаниям. Вскоре оба говорящих стали удаляться от хлева-узилища, и гул лагеря окончательно поглотил их голоса.

Топот копыт и конское ржание дали Ингвару понять: всадники покидают стоянку. Глупо надеяться, что они забыли его здесь, скорее всего, это просто означало, что пленивший его отряд разделся. А может быть, он и до этого вовсе не был единым. В сущности большого значения для юноши это не имело – представление об окружающих землях он имел весьма приблизительное, да и мысли занимало другое. Тем не менее от долгого сидения в темноте и одиночестве слух и общее восприятие окружающего обострились, а мир за стеной хлева остался единственным доступным источником сведений.

Время тянулось долго, и юноша уже не представлял, насколько давно случился его разговор с Мансуром. С тех пор как решение было принято, ему не терпелось вырваться из мучающего его душного капкана. Дверь, через которую к нему утром заходили немногочисленные гости, стала чем-то вроде волшебного оберега, воздействующего на всю его дальнейшую судьбу. Когда молодой араб, приносивший ему утром еду, просунулся в проём вновь, Ингвар обрадовался ему как родному. Но в ещё больший восторг, хоть он сумел не выказать того внешне, его привело избавление от давящих узлов верёвки на ногах, ведь он их уже и так едва чувствовал – араб извлёк кинжал и освободил их. Встать с первой попытки Ингвар не смог, а когда гость рывком поставил его на ноги, удержаться на них тоже не получилось. После

нескольких неудач, с опорой на своего помощника-тюремщика северянин наконец смог двигаться.

Так вдвоём они кое-как доковыляли до двери. Когда она открылась, утренний воздух, ещё свежий, не тронутый дневным зноем, ударил Ингвару в лицо вместе с лучами солнечного света. На глазах у юноши выступили слёзы. Конечно, это всего лишь ответ тела, успевшего привыкнуть к темноте и духоте, но в душе, увидев мир снова, Ингвар действительно был готов рыдать. Битва, постигнувшее после неё беспамятство, ночь в заточении отодвинули последние воспоминания о дневном свете не то что далеко в прошлое, а как будто и вовсе в другую жизнь. Потому ощутить себя живым снова оказалось очень приятно, настолько приятно, что на несколько мгновений Ингвар даже забыл обо всех тяготеющих над ним невзгодах.

Очередная встреча с Мансуром (звать его не пришлось – подошёл сам) прошла очень быстро. Ингвар дал понять, что предложение принято, и араб в своей бесстрастной манере выразил удовлетворение. В его ответе не читалось и намёка на удивление, напротив, во взгляде сквозило что-то вроде «я не ожидал ничего другого». Предводитель мусульман – в отряде к нему обращались с титулом «наиб» – неплохо разбирался в людях, Ингвар быстро понял это, как и то, что Мансур такую способность считал поводом для гордости. Хотя, может, юноша и ошибался.

Как только северянин избавился от участи пленника, ему привели лошадь и подали потёртый, но относительно чистый халат. В дополнение к этим щедрым дарам Ингвар попросил дозволения умыться и ещё что-нибудь перекусить. Когда его желания исполнились, он окончательно убедился в верности своего решения. Как-никак возможность героически умереть у него остаётся всегда, а вот остаться жить – это путь, который открывает в изобилии и другие возможности. Однако среди обнадёживающих событий осталось место и разочарованию – оружия ему не дали. Свой топор он увидел прикрепленным к седлу одного из воинов и в ответ на заданный вопрос узнал, что прежде чем его сочтут достойным носить оружие, придётся доказать свою надёжность. Эту отповедь он получил от одного из помощников Мансура, кажется, его звали Ариф, он единственный, помимо самого предводителя, кто мог связать хотя бы пару слов на греческом, остальные же говорили только на арабском или персидском.

Поскольку ни арабского, ни персидского Ингвар не знал, а постоянно звать в толмачи Мансура или Арифа возможным не представлялось, то объясняться с новыми спутниками приходилось в основном знаками. Недавний страж темницы теперь превратился в ближайшего товарища северянина. Из-за того, что он ранее других познакомился с пленником, он как будто чувствовал за него ответственность и по освобождении в следствии чего постоянно стремился оказать помощь или разъяснить что-либо, опять-таки знаками. Тем не менее у других воинов появление Ингвара одобрения не вызвало, в его сторону то и дело бросали злые взгляды, и до ушей юноши нередко доходило презрительное слово «кяфир». Впрочем, значения этого слова он всё равно не знал.

Снова сесть верхом впервые за долгий период также оказалось очень приятно. Любившиеся ему за последние дни пейзажи куда сподручнее наблюдать сытым из седла, чем волоча по камням и пыли распухшие ноги и умирая от голода. Они ехали на юго-запад, в сторону, обратную той, куда направлялся отряд Хельга. У Ингвара от этого немного щемило сердце. Чувства, которые он испытывал, сочетались столь противоречиво, что казалось, за всю свою недлинную жизнь он ещё ни разу не переживал ничего подобного. Радость от спасения, скорбь по потерянным родичам, трепет перед открытием нового и недавнее чувство близкой смерти – всё это бросало его разум в совершенно противоположные состояния. От этого путались мысли, и Ингвар решил, что нужно дать отдохнуть голове: ничего не предпринимать и не выдумывать хотя бы до вечера. Такое решение дало ему силы спокойно смотреть по сторонам, отряд, частью которого он стал, насчитывал порядка двух десятков воинов, хорошо

вооружённых и опытных, – об этом говорили их суровые лица, потёртая броня и жёсткие, немного волчьих глаза.

Двигались быстро, привалы устраивали редко, на них все получали свою долю припасов: чаще всего по паре кусков чёрствого хлеба и вымоченной в воде солонины. Ингвара не обделяли, но рядом с ним никто не садился и дружелюбных жестов не делал. Исключение составлял один лишь Иса – так звали его недавнего тюремщика. Он как раз находился рядом почти всегда, даже во время движения, почти без перерыва лопоча что-то на своём языке, нимало не смущаясь тем, что Ингвар не понимал ни слова. Они были примерно одних лет, хотя по смуглому южанину сложно угадать возраст, в отряде больше таких молодых не оказалось, и юноши, несмотря на языковые преграды, чувствовали друг к другу дружеское расположение.

Иногда Иса показывал пальцем на те или иные предметы и называл их по-арабски. Так северянин узнал, что «птица» на этом чужом ему языке будет «тайр», хлеб – «альхубза», а горы – «эльджибаль». Когда Иса показывал пальцем на Ингвара, то, как и остальные, говорил: «Кяфир», но в его речи это не звучало презрительно. Показывая же пальцем на самого себя, он гордо говорил: «Муслим». Впитывая в себя эти капли языка, Ингвар понимал, что многое из сказанного имеет для его новых спутников значение более глубокое, чем просто пустое именование вещей.

На одном из привалов через несколько дней пути у Ингвара из-под грязного ворота рубахи поверх подаренного недавно халата выбился молот Тора, который он носил с малых лет по настоянию отца. Заметивший это Иса грустно покачал головой:

– Ингарь – кяфир.

Ингвар не обратил внимания на это замечание, но Иса ещё не закончил. Жестом показал, будто снимает шнурок с шеи друга и потом также жестом изобразил, что швыряет его в огонь, добавив следом:

– Ингарь – муслим, – потом, немного подумав, добавил недавно выученное им славянское слово, – брат.

Молодого варяга эти слова как будто привели в чувство, теперь становилось понятно, каким образом он должен будет зарекомендовать себя, чтобы получить назад своё оружие. Казалось бы, это проще некуда, стоит только признать себя одним из них; ещё от ромеев он слышал, что тут и обрядов сложных не требуется, тем более что никто и не принуждает его быть искренним. Однако снять с шеи отцовский дар – вот это уже казалось ему настоящим предательством. Он ночевал у одного костра с убийцами отца и друзей, ел с ними из одного котла, и это всё казалось ему оправданным и допустимым, но из-за них предать отцовскую веру... Нет, не теперь. Есть вещи, которые не следует делать, даже если от них зависит жизнь – та жизнь, что наступает после содеянного, не стоит того. Ингвар с интересом наблюдал за магометанами так же, как когда-то наблюдал за христианами в их царьградских церквях, однако вера, в которой он вырос, была чем-то выходящим за пределы обычных житейских неурядиц. Хоть он и обращался к богам всё реже, он по-прежнему носил в сердце тёплые детские и юношеские воспоминания о праздниках, обрядах и духовных наставлениях отца, простых, но навсегда оставшихся в памяти.

– Ла («нет» *арабск.*), – Ингвар кяфир хорошо, – тихо сказал он Исе, на что тот понимающе кивнул и больше об этом не заговаривал.

Теперь мысли о побеге начали становиться всё навязчивее с каждым днём. Если раньше юноша полагал, что время у него есть и можно побыть с попугайчиками подольше, тем более это интересно, то сейчас он ощущал растущее над головой чувство опасности, чему способствовала и затаённая блекло-серая злоба его окружения. Ингвар не знал порядков этих людей и не знал их планов, несколько недолгих бесед с Мансуром ни капли не прояснили его будущего, а на прямые вопросы он получал либо такие же прямые отказы, либо уклончивые ответы, от которых чувство неопределённости только увеличивалось. Чаще араб сам задавал вопросы:

его интересовало детство Ингвара, походное прошлое и земли, в которых он бывал. К удивлению юноши, наиб и так знал немало, особенно о походах русов на Ширван, о союзах и разногласиях с хазарами и торговле на Итиле. В разговоре Мансур вёл себя добродушно, однако его бесстрастность не позволяла Ингвару поверить в искренность собеседника.

– Рабы как ты – хорошо стоят, – заметил в одном из таких разговоров Мансур. – На Итиль за такими ездят.

– Единый цвет кожи не значит, что они как я, – угрюмо буркнул Ингвар в ответ.

– Такие как они – разный цвет кожи при рождении, но одинаковая душа на рынке.

Ингвар поёжился от этого разговора. На что намекал наиб? Да и намекал ли? Может, просто к слову пришлось... Впрочем, бывает ли, что человек с глазами Мансура говорит что-то просто к слову?

Самой большой трудностью побега оставалось полное непонимание Ингваром, где же он находится сейчас, куда направляется отряд и куда в случае успешного исхода направиться ему самому. Из обрывков незнакомой речи вокруг он слышал названия Марага, Ардебиль, Гугарк, но для него они значили не больше, чем арабские названия небесных звёзд, с которыми его пытался ознакомить Иса. Лучшим выходом в таком положении казалось дожидаться, пока отряд поравняется с каким-нибудь селением, и попытать удачу там. Его спутники относились к местным с опаской, тем более что воинов в отряде осталось уже не так много – это не позволит им напасть на крупное поселение ради одного беглеца. Оставалось только надеяться, что подходящее место всё же попадетсЯ на их пути. В таком случае нужно будет действовать решительно и не помешало бы иметь хоть какое-то оружие. Но за ним постоянно наблюдали, даже во время ночёвок и привалов. Да ещё и Иса не отходил ни на шаг, порой Ингвару казалось, что его новый друг проводит с ним столько времени не из личного расположения, а по заданию Мансура. Доказать он ничего подобного не мог, но тревога подглядывала его изнутри, точно ведьма Гульвейг водила там по его ребрам клюкой.

Из-за этих неприятностей более всего внимание Ингвара привлекали несколько лошадей, потерявших своих всадников в последней схватке. Их вели под уздцы, и они производили вид крепких и выносливых животных, но самое главное – к их седлам было приторочено оружие: мечи, кинжалы, щиты. Если бы удалось выкрасть одну такую – все сложности оказались бы решены. Но свободных лошадей надёжно охраняли, даже во время отдыха подойти к ним, не вызвав подозрений, не представлялось возможным. Имелась и ещё одна сложность: юноша не мог уйти, оставив свой топор. Здесь невозможны никакие уступки и допущения, расстаться с топором – настоящий позор, за который отец, будь он живой или мёртвый, никогда его не простит. Да и что отец, он сам никогда не простит себе такой слабости.

Меж тем пейзажи, открывающиеся взгляду, навевали мысли бежать прямо сейчас, немедленно. Извилистая дорога временами уводила всадников на дно ущелий и тянулась там, обрамлённая жёлтыми скалами, потом же напротив – увлекала их наверх, к самым вершинам холмов, то зелёных, то блёклых и выцветших. Поросль кустарника сменялась приземистыми, широко раскинувшими ветви деревцами, а иногда их узкую и безлюдную тропу сдавливал с обеих сторон мрачный лес, подобный тому, которым недавно продирались остатки дружины Хельга. По утрам отряд ехал сквозь клочья густого тумана, делавшего ещё сонный и неразговорчивый мир вокруг удивительно таинственным. Затем влажную прохладу тумана вытеснял дневной жар, довольно утомительный и для коней, и для их всадников, однако вскоре после наступления темноты своим чередом вновь уступавший место свежести горной ночи. Этот дух пленил Ингвара, если во время пути с сородичами он чувствовал ответственность за отряд и разделял общую цель – пробиться к своим, то сейчас он ехал от своих в обратную сторону, и с новыми спутниками его не связывало ни общее будущее, ни чувство расположения. Поэтому окружающая его неизвестность манила с каждым днём всё сильнее.

На одной из остановок Ингвару удалось, не привлекая внимания, протиснуться к бесхозным лошадям. О том, чтобы украсть серьёзное оружие для ближнего боя: меч, копьё или топор – не могло быть и речи, иначе планы юноши раскрылись бы слишком быстро. Он удовольствовался тем, что украдкой отстегнул с ремня, перекинутого через круп лошади, небольшой изогнутый кинжал и спрятал его под полу своего халата у пояса. Теперь он был вооружен, конечно, этого недостаточно для полноценного боя, да ещё и с несколькими противниками, однако всё же лучше, чем ничего. Чтобы ощутить холодную сталь клинка, северянин порой запускал руку под полу. Это давало ему чувство спокойствия и относительной защищённости в той враждебной обстановке, в которую его забросила Судьба.

Следующий день начался, как и всегда: отряд после скудного походного завтрака тронулся в путь. Ехали медленнее обычного, по приказу Мансура берегли лошадей. Для чего – Ингвар не знал, но как оказалось, это сослужило отряду добрую службу. Немного позднее полудня, когда солнце стояло высоко и накаляло оружие и кольчуги воинов едва ли не докрасна (тут Ингвар чувствовал своё превосходство), прямо по направлению их пути послышался стук копыт. По дороге летел большой отряд, разница в скорости позволила арабам услышать их первыми, Мансур парой резких жестов приказал отряду поворачивать в лес. Всадники повиновались, однако четверо из них, как было условлено на подобный случай, отделились и встали в тыл, готовясь прикрыть отступающих. Среди них и крепкий приземистый воин, к седлу которого был пристегнут топор Ингвара.

«Вот оно!» – молнией пронеслось у юноши в голове, он резко повернул своего коня и погнал его вслед четверым. Сосредоточив взгляд на похитителе, Ингвар нащупал кинжал и уже даже выбрал место у шеи, куда он поразит противника. Однако вдруг стук копыт лошадей встречного отряда начал становиться тише. Незнакомцы повернули, не доехав до людей Мансура пары сотен шагов. Замыкающие развернулись, возвращая оружие в ножны, и Ингвар, поравнявшись с ними, понял, что возможность он упустил. Без сумбура схватки его быстро догонят или просто всадят в спину стрелу. Арабы смотрели на него с удивлением, однако вскоре рассмеялись и похлопали Ингвара по спине. Это было самое дружелюбное действие членов отряда со дня их встречи. Северянин решил, что те приняли его поступок за попытку оказать им помощь в бою и не стал их разубеждать.

Их возвращение к отряду приняли молча, хотя северянина смерили пытливыми взглядами. Вскоре всадники вернулись на дорогу, продолжив двигаться как и прежде. Мансур, ехавший впереди, придержал коня и дождался Ингвара.

– Зачем хотел назад? – сухо спросил он.

– Биться хотел, – ввиду скромности запаса греческих слов у собеседника юноша тоже ответил коротко.

– Руками биться?

– Так оружия ж не даёте. Решил – сам возьму. Боялся, что другой возможности не будет.

Мансур удовлетворённо кивнул:

– Будет. Это уж обещаю. Успеешь себя проявить.

Когда наив вновь направил своего коня вперёд, Ингвар облегчённо выдохнул. Кажется, его ложь вышла правдоподобной, и провалившийся замысел послужил укреплению доверия попутчиков. Впрочем, косых взглядов в его сторону меньше не стало, наоборот, даже Иса убавил свою разговорчивость и сохранял преимущественно мрачную мину на лице. Тогда Ингвар решил, что лучшим выбором будет окончательно перестать уделять этому внимание, тем паче что Глава отряда неудовольствия не выказывал. Осмелев, северянин даже вновь заговорил с Мансуром:

– Достойный Мансур, позволь задать тебе один вопрос, почему ты направил свой отряд против нас в ту ночь? Как вы нас нашли?

– Это уже не один вопрос, мальчик.

– Меня устроит ответ хотя бы на один из них.

– Что ж, мы с тобой встретились, потому что вы быть там, где не должны, и оставили следы, много очень для такой место.

Ингвар про себя невесело усмехнулся: «А мы-то воображали, что обвели всех вокруг пальца, ну зато, наверное, бедняга Рори был не так уж и виноват...» Вслух же произнес:

– Десяток плодов с дерева – это так много следов?

– Тебе знаешь прекрасно, о каких следы я сказал, – мусульманин очень пристально взглянул на юношу.

Ингвара осенило: «Та девушка!» Значит, её смерть и впрямь не обошлась без последствий. Яркие краски последних дней вытеснили её образ вместе со многими другими воспоминаниями, но сейчас он возник у Ингвара в голове как никогда ярко. Знакомые ему христиане назвали бы случившееся с отрядом возмездием за убийство невинного человека, однако северянам было привычнее назвать это шуткой богов. У богов особенное чувство юмора, итогом шутки стало то, что отец теперь с ними в Вальхалле. Хотя, возможно, это ещё и не итог. Интересно, а что стало с Рори? Об этом Ингвар спросил Мансура, на что наиб коротко ответил:

– Этот мёртв.

Мансур рассказал, что первого встреченного ими северянина сняли лучники, а его появление послужило знаком, что скоро будут и остальные. Значит, мёртв и Рори, удивительно это или нет, но вероятно, что никого из отряда нет в живых и Ингвар теперь – единственный северянин на много дней пути вокруг. Никогда прежде он не был так далеко от дома и никогда прежде он не оказывался в таком одиночестве. Подумать только, можно прошагать неделю в любую из сторон света и не встретить никого, кто смог бы понять твой родной язык. Как и любой молодой человек, Ингвар испытывал одиночество и прежде, но осознание, что могут означать слова «я совсем один» пришло к нему только сейчас. «Что ж, видно, боги решили, что эту часть пути мне назначено пройти одному, снова их сомнительные шутки». Подобная слабая попытка обнадёжить самого себя результата не принесла, посему юноша, вздохнув, посмотрел по сторонам и решил радоваться, впитывать в себя красоту окружающей его природы, коль скоро ему, единственному из северян, такая возможность выпала.

Для ночлега встали на вершине покрытого лесом холма, лужайка, отделённая от дороги небольшой полосой деревьев и абсолютно невидимая со всех сторон, вместила в себя не только воинов и их коней, но и несколько шатров. Отряд разбивал лагерь уже в сумерках, а когда с этим было покончено, спустилась густая тьма. Коней стреножили и пустили пастись, а рядом с ними устроились часовые. Все остальные начали готовиться ко сну, группы воинов по ходу дела о чём-то переговаривались, нехитрые припасы заносились в шатры, в них же готовили постели и Мансуру с Арифом. Ингвар кинул на землю позаимствованный у Исы плащ, подложил под голову седло и улёгся, закутавшись в халат. От возможного дождя его защищали раскидистые ветви грабового дерева. Юноша решил в эту ночь выспаться как следует – неполноправное положение северянина в отряде имело и свои преимущества, к примеру, его не ставили в дозор. Несмотря на лезущие в голову мысли, Ингвар не открывал глаз. Последующие дни потребуют от него наибольшей бодрости и силы. Исходя из своего крайне образного понимания речи попутчиков (по сути, оно ограничивалось именами, названиями и направлениями) он знал: скоро земли станут куда более опасными, отряду придётся обходить селения, крепости и прятаться от встреч с возможными врагами. Для него это означало появление новых возможностей побега, упускать которые уже нельзя. Походная усталость и стремление набраться сил боролись в сознании Ингвара с беспокойным чувством неуверенности в завтрашнем дне и воспоминаниями о прошлом. Так он долго лежал, перебирая в голове мысли об отце, Рори, убитой в лесу девушке, возможных будущих встречах и о том, останется ли он вообще в живых к началу зимы. Иногда юноша обращался к богам, хотя и чувствовал при этом неловкость, наряду с ними обращался к отцу, но успокоения ему это не приносило. Вспомни-

нал он и о матери, которую не видел уже несколько лет. Мать и сестры жили там, на берегах Волхова, где прошло его детство, сейчас это всё казалось каким-то далеким сном. Слушая звуки тёмной южной ночи, вглядываясь в непривычное небо, Ингвар думал, а существуют ли вообще в действительности те родные места, не выдумал ли он их и не приснились ли они ему в одном из беспокойных снов, что он видел в последнее время. Вокруг только эта чужая земля и эти незнакомые люди, он одинок и не знает дороги. Вся жизнь представилась ему пыльной книгой из библиотеки Николая, брата купца Ставра. Он смотрит в эту книгу, видит какие-то символы, закорючки и черточки, но совершенно не представляет, что с этим всем делать. И вроде бы вот, всё перед тобой, да только толку никакого, если не знаешь чего-то ещё, самого важного, что, конечно же, от тебя скрыто. Но если книгу можно закрыть и поставить обратно на полку, то в жизни нужно перелистывать страницу за страницей, прикладывая все силы, чтобы разобрать знаки, оставленные на них судьбой.

В таких противоречивых мыслях он и заснул. Во сне перед ним прошло несколько бессвязных и бессмысленных видений, вернее, это было скорее лёгкое забытие, дремота, чем сон. Неожиданно он открыл глаза и увидел над собой лицо Исы. Северянин вздрогнул: «Так и есть! Подлец следит за мной для господина!» Молниеносным движением он выхватил кинжал. Следующее движение закончилось бы на горле мусульманина, но тот не произнес ни звука отпрянул назад и, выкатив свои выразительные чёрные глаза, отчаянно и в то же время осторожно замахал руками. Этим он пытался призвать Ингвара выслушать его и только после переходить к решительным действиям. Увидев, что друг (или уже бывший друг?) ещё менее его самого заинтересован в поднятии шума, северянин опустил кинжал. Иса вновь подвинулся к Ингвару и начал путано на том самом, только им двоим понятном наречии, что-то рассказывать. Из его повествования Ингвар понял, что попутчики, участь которых он делит уже столько дней, с трудом терпят подобное положение. Их раздражала компания неверного, который ел из их котла и спал с ними у одного костра. Поначалу они мирились с этим, они и прежде принимали пополнение из чужаков, но недавняя «самоотверженность» северянина у многих вызвала подозрения. Возник стихийный заговор, участники которого постановили в ближайшее время поставить ребром вопрос о смене язычником веры. Если Ингвар будет упорствовать в своих духовных убеждениях – от него избавятся. Насколько в этом участвовал или одобрял Мансур – неясно, однако, учитывая безоговорочную преданность ему каждого члена отряда, велика вероятность, что вопреки его воле никто не пошёл бы на такое. Иса же, по его собственному грустному признанию, понимал: Ингвар – закоренелый кяфир и не додумается сделать верный выбор. Арабский юноша успел привязаться к новому другу, поэтому скрепя сердце решил его предупредить.

Ингвар спрятал кинжал и крепко обнял Ису, на глазах у него даже чуть выступили слезы, хотя в темноте их всё равно не увидеть. К своему удивлению он не почувствовал страха, ведь это подозрение и так всё время сидело в его сердце, теперь же всё наоборот стало понятным и оттого простым. Легче Ингвару стало ещё и от ощущения, что он не одинок. Друг пошёл ради него на риск, и это предупреждение дорогого стоит.

Однако предупреждением Иса не ограничился, качнув головой, он позвал Ингвара за собой, на краю лужайки стоял осёдланный и готовый к дороге конь. Это был конь Исы, Ингвар помнил: по быстроте и выносливости с ним сравнится разве что скакун Мансура. Не зная, как благодарить Ису, он просто ещё раз обнял его, Иса, высвободившись, произнёс: «Не всё», затем протянул другу топор. Ингвар застыл в удивлении. Затем плавно, будто боясь спугнуть удачу, положил руки на рукоять топора, крепко сжав пальцы, почувствовал разливающуюся по телу силу грозного оружия (прежде он ощущал подобное только получив его от дяди). Подняв глаза на своего благодетеля, Ингвар с надеждой спросил: «Едём, Иса?» В ответ тот лишь покачал головой. Исе было некуда бежать.

Тогда Ингвар, перехватив топор лезвием вниз, нанёс мусульманину резкий и точный удар рукоятью в челюсть, тот почти бесшумно упал на траву без сознания. Иса не додумался попросить об этом сам, но он ещё поблагодарит Ингвара. Убедившись, что удар не имел последствий более разрушительных, чем хотелось, варяг вскочил на коня и через перелесок направил его к дороге. Выбравшись на неё, конь окончательно проснулся и понёс своего наездника во весь опор. Уже светало, и путь виделся хорошо, Ингвар дышал полной грудью и вместе с прохладным утренним ветром ощущал кожей непередаваемый воздух свободы. Главные мысли его были о том, как скорее убраться от своих недавних попутчиков, но, кроме того, сознание юноши захлёстывали и восторженные вымыслы о предстоящих ему приключениях и открывающихся перед ним даях. Юноше казалось, что теперь все новые земли, которые ему суждено преодолеть, лежат у его ног. Теперь ничто не мешает ему впитывать, пробовать, смотреть и узнавать. В какой-то момент он даже ощутил внутреннее чувство стыда: как можно радоваться, совсем недавно потеряв множество близких людей, а возможно и родного отца, даже не отомстив за них. Но опасности и потрясения имеют свойство вытеснять из головы многие переживания, поэтому скорбь Ингвара оказалась притуплена круговертью событий, случившихся со дня той злополучной бури.

Утро, как бутон яркого восточного тюльпана, распустилось и цвело во всей своей дивной красе, конь по-прежнему нёсся во всю прыть и не проявлял никаких признаков усталости. Лес кончился, дорога пролегла по насыщенному зелёному полю к голубеющим шапкам гор. Не чувствовал усталости и Ингвар, чтобы насладиться мгновением, придержал коня, заставив его пойти шагом. В этот миг он ощущал всю красоту жизни, этого чувства не понять ребёнку или старику, в таких красках оно доступно лишь юноше, неизменно предполагающему весь мир как вереницу покровов, которые ему необходимо сорвать. То, что ещё ночью представлялось ему одиночеством, сегодня он видел как свободу, судя по всему, многие из подобных вещей зависят от освещения. Условия, ещё вчера казавшиеся ему непреодолимым испытанием, сегодня превратились в одну из самых удивительных возможностей в его жизни. «Всё-таки любое отчаяние преждевременно, если ты ещё жив», – сказал северянин сам себе и тут же отметил, что неплохо бы подкрепиться.

В седельной сумке обнаружилось несколько кусков чёрствого хлеба, пара горстей рыжих сушёных фруктов, названия которых он не знал, имелся и кусок солонины, но её точно пришлось оставить до привала. Не спешиваясь, Ингвар откусил (а если быть точнее – отколол) кусок хлеба и запил его водой из меха. Когда лепёшка размякла и даже обрела вкус, он пережевал её и проглотил. Немного колючие куски сухой пищи провалились в желудок, приятно царапая нутро. Чувство голода отступило, юноша достал из мешка десяток тех самых сухих плодов и стал поочерёдно, не торопясь отправлять их в рот. Поводья он закрепил у седла, и конь вышагивал самостоятельно, не обременяя при этом хозяина излишними проявлениями норова.

Ингвару вспомнилось, что в детстве он так же катался по бескрайним родным полям с отцом. Возвращаясь из дальних странствий, тот брал его, самого младшего из детей, с собой в седло и, проезжая вдоль обрывистых речных берегов по цветочным, с проседью серебристой полыни просторам, давал ему в руки вожжи. Ребёнок держал их как символ власти, думая, что конь обречён ему подчиняться уже из-за этого. Однако животное не имело такого и в мыслях (если, конечно, предположить, что у него были мысли). Почувствовав, что надзор ослаб, конь шёл так же, повинувшись собственным внутренним порывам, а отец тем временем вполголоса напевал старинную песню его пращуров, привезённую им с родных берегов Варяжского моря. Слуха у отца не было, а слова Ингвар едва разбирал, но песня врезалась ему в память. Намного позднее, уже на борту Хельгова драккара, он частенько напевал её и сам по просьбам друзей – ведь музыкальный дар он унаследовал от матери.

Неожиданно конь рванулся вперёд, прервав тем самым отрадный поток мыслей Ингвара и чуть не сбросив его с седла. Крепко обхватив рёбра коня ногами, юноша усидел и обернулся по сторонам – нужно понять, что заставило скакуна встревожиться. Ответ отыскался сразу: от зеленовато-синего пятна леса, оставшегося позади, отделились фигуры трёх всадников, они скакали во весь опор в сторону юноши. Ингвар в сердцах выругался и проклял свою беспечность, свобода ударила ему в голову, как можно так расслабляться, не уйдя на порядочное расстояние! Но причитать не время, северянин хлестнул коня, тот, почувствовав руку хозяина, успокоился и помчался рысью, после перейдя в галоп. Преследователи заметили юношу раньше, чем он их, – только чуткость коня, подарка Исы, дала Ингвару возможность уйти от них. Мысленно благословляя своего бывшего тюремщика, юноша гнал коня вперёд. Всадники не отставали: они успели изрядно сократить разрыв в расстоянии, пока он отдыхал. Считанные мгновения, и вот, поле кончилось. Теперь коню приходилось взлетать на холмы, и он делал это всё с той же необыкновенной скоростью, хотя в его повадках уже чувствовались первые признаки усталости. К счастью, догонявшие их арабы проделали тот же самый путь, поэтому и их кони не отличались свежестью.

Взметнувшись на очередной зелёный холм, Ингвар на спуске угодил в кустарник, конь с возникшим препятствием справлялся, благо поросль была невысокая и без колючек, однако это замедлило ход. Противники, заметив это затруднение, предусмотрительно пустили своих лошадей в обход и вскоре оказались на расстоянии выстрела из лука. Их стрелы засвистели у Ингвара над головой, одна из них чиркнула его по ноге. Боли он почти не почувствовал, но бросив украдкой взгляд на рану, понял: та обильно кровоточит. Было бы верхом неудачливости, пройдя столько опасностей, уйдя из плена и избежав серьёзных ранений, умереть от потери крови, но и капли времени, чтобы заняться раной, Ингвар не имел. Тем паче что вражеские стрелы продолжали свистеть рядом и любая задержка могла перечеркнуть всё.

Наконец выбравшись из кустарника, северянин вновь что есть мочи хлестнул коня, животное и так мчалось на пределе сил, но этого не хватало, чтобы погоня оторвалась. Удалось лишь выйти за пределы боя арабских стрел. Достигнув этого утешительного, но не вполне достаточного результата, Ингвар улучил момент и, отрезав кинжалом кусок халата, не сбавляя хода, перетянул рану. Им удалось выйти на тропу, которая пролегалa по ровной поверхности, теперь необходимость одолевать возвышенности отпала – их пришлось огибать, иногда описывая сложные петли.

Преследователи не отставали; видя, что конь теряет силы, Ингвар начал лихорадочно прикидывать, какова вероятность его победы в открытом столкновении. Всадников было четверо, Мансур видел Ингвара в бою и уж точно не отправил в погоню за ним самых слабых. Скорее всего, им дан приказ не ввязываться в схватку и убить северянина стрелой на расстоянии – ведь он не имел даже кольчуги. Тогда стоило сорвать их замысел и, притаившись в каком-нибудь укрытии, напасть на них первым – теперь, когда топор при нём, уверенности ему не занимать.

Как назло, холмы расступились и теперь обрамляли прямую дорогу лишь по краям, незаметно спрятаться было решительно негде. Что ж, впереди местность обещала больше: зеленел небольшой перелесок, а за ним на неизвестном расстоянии вновь возвышались подёрнутые снегом шапки гор. Время пути до них угадывалось с трудом. С одной стороны, подать рукой, но уже опытный Ингвар понимал: обольщаться нельзя, всё это может быть и простым обманом зрения.

Арабский скакун Исы превосходил все ожидания, казалось, ещё пара холмов проплывёт мимо и силы покинут его, но конь продолжал нестись, будто цверги подковали его волшебными молотками. Северянин, склонившись к холке коня, твердил одно: «Дайте добраться до деревьев, и я вам покажу». Эти смуглолицые ещё не встречались с загнанным в угол русом, и всегда дальновидный Мансур совершил огромную ошибку, отправив за ним лишь четверых.

Последний рывок, и стая ветвистых и тонких деревьев вот-вот примет гостя в свои объятия. Ингвар ликовал: стрелы арабов его не доставали, замысел пока работал, в лесу всё уже будет зависеть только от силы его руки. Но божества судьбы – коварны и переменчивы, когда молодой северянин оказался в шаге от желаемого, его конь споткнулся. Возможно, это случилось из-за усталости животного, возможно, ему под ногу подвернулся камень, а возможно, и то и другое вместе. С диким ржанием конь упал, выбрасывая всадника вперёд, в этом ржании Ингвар услышал одновременно весть о крушении собственных надежд и ужасную боль его бессловесного помощника, даже имени которого северянин не знал (Иса в разговоре называл его просто «хисан» – конь по-арабски). Пролетев изрядный отрезок и сделав несколько кувырков через голову, Ингвар растянулся на земле. «Кажется, кости целы», – промелькнуло у него в голове, затем, вскочив на ноги, он кинулся к бьющемуся на траве коню. Голова кружилась от падения и продолжительной скачки, но юноша, взяв в руки топор, шагнул навстречу летящим к нему всадникам. Это было чистое безумие. Быть может, одного прикончить и удастся, но с остальными тремя будучи пешим и на открытой местности не потягаешься.

Воздух наполнился стуком копыт, он звучал как будто со всех сторон и будто всадников было множество, да ещё дополнялся шумом в ушах. Ингвар сделал ещё один шаг вперёд, дотронулся одной рукой до молота Тора и кожаного мешка, висящих на шее, обратился мысленно сначала к отцу, потом к богам и встал, широко расставив ноги, поигрывая топором. От летящих на него коней очень хотелось зажмуриться, но это значило – дать врагам преимущество. Стук копыт нарастал всё сильнее, и тут юношу обдало пылью от по меньшей мере десяти коней, которые вынеслись у него из-за спины. Ингвар ошарашенно глядел на происходящее: десять всадников во фронтальном строю летели прямо на арабов, те, понимая, что бегство бесполезно, готовились принять удар. Столкновение произошло, и бой длился недолго, пятеро из нападавших были вооружены длинными копьями, что позволило им мгновенно сразить наповал двоих арабов, третий, схватившись сразу с несколькими противниками, пал замертво от мощного удара мечом в область шеи сзади. Последнего из преследователей Ингвара попытались взять живым, но тот бросился на врагов с таким ожесточением, что всадникам пришлось заколоть его.

Всё было кончено, а Ингвар так и стоял у бьющейся на земле лошади, сжимая в руках топор. Напряжение и неожиданность пережитого были так велики, что идеи биться с победителями у него не возникло, он отбросил топор и опустился на землю. Несколько всадников сошли с коней и начали осматривать убитых, другие неспешно направились к Ингвару. В этот момент со стороны леса показались ещё не менее десяти конных воинов. Всадники окружили северянина, и в их взглядах читалось удивление, ему задавали вопросы, но язык, хоть от него и веяло чем-то похожим, юноша не понимал. Ингвар смотрел по сторонам с полной безучастностью, лица прищельцев немного напоминали ему греков, но черты этих людей казались крупнее. Волосы их темны – такое у местных народов встречалось нередко, однако глаза, устремлённые на северянина, имели разные оттенки. Юноша отметил про себя, что раньше таких сочетаний не встречал. Светлое и тёмное. В целом незнакомцы настроены как будто благожелательно, видимо, из-за того, что он готовился в одиночку биться с четырьмя арабами, а произошедшее внезапное нападение убеждало, что к арабам они особой любви не питают.

Никаких сил на более глубокое исследование положения Ингвар не имел. Он хотел было, когда ему начали задавать вопросы, сразу пояснить, мол, «говорю по-гречески» – глядишь, найдётся среди них хотя бы один собеседник – всё проще станет. Однако, представив, как в случае успеха ему придётся отвечать на треклятые сотни вопросов, решил повременить и любые обращённые к нему слова пропускать мимо ушей.

Тут с ним поравнялся один из членов отряда, судя по повадкам, Главарь, но на воина он уж слишком не походил. При нём не было оружия, а чёрная долгополая одежда не имела никаких следов брони. Когда он спешился, Ингвар увидел висящий на груди этого странного

вожака резной деревянный крест. «А, так это христиане», – живо смекнул он, – «ладно, этих чудаков я, по крайней мере, знаю...» Какое, впрочем, заблуждение; или же, что более вероятно – попытка успокоить себя, ведь знакомство юноши с христианами оставалось слишком поверхностным. Да и что ждать именно от этого отряда христиан, он не представлял ни на йоту.

Главный (Ингвар с удивлением для себя отметил, что он похож на христианского священника), смерив северянина пристальный взглядом, подозвал двоих воинов: одного постарше, другого помоложе – и указал им на его раненую ногу. Те принесли мех с водой, срезали набухший кровью кусок ткани и, распоров изодранные штаны, промыли рану, наложив затем новую повязку. После ему помогли подняться, северянин жестом показал, что идти может и сам, но этого не потребовалось – ему дали коня. К покалеченному арабскому скакуну подошёл воин с обнажённым мечом, увидев это, северянин подковылял к своему спасителю, опустился на одно колено и поцеловал животное в белое пятнышко повыше глаз. Потом, поднявшись, Ингвар протянул руку и взял меч у подошедшего воина, тот почтительно отдал оружие, и юноша с болью в сердце сделал то, что должен.

Покончив с этим, Ингвар, сохраняя молчание, забрался в седло и поехал вместе со всеми в сторону перелеска. Голова по-прежнему ужасно кружилась, и на всё тело накатывала слабость. Потеря крови, падение с коня, долгий путь и чувство голода – всё это не прошло бесследно. Покачиваясь в седле, Ингвар думал: «Только бы не потерять сознание», за последние недели он столько раз бывал в забытии, что сейчас ему совершенно не хотелось последовать туда снова. Новые знакомцы то ли безоговорочно ему доверяли, хотя особых причин тому не было, то ли его плохое самочувствие было слишком очевидно со стороны – никто не попытался забрать у него топор. Второй вариант казался, конечно, более вероятным объяснением подобной мягкости.

Тропа, заведя их под сень деревьев, вскоре свернула направо, Ингвару было так плохо, что ему не удалось определить даже сторону света, в направлении которой они теперь двигались. Яркие зелёные цвета переливались вокруг и смешивались в единую пелену, окутывающую глаза юноши. Дневной жар, немного сдерживаемый лесными кронами, всё же заставлял его обливаться ручьями пота. Продираясь сквозь помутившееся сознание, Ингвар отметил: за последние недели сокровищница испытанных им неприятных ощущений обогатилась настолько, что за все прожитые до этого годы он не испытывал и половины подобного. Счёт времени стал ему абсолютно неподвластен, однако перелесок всё-таки кончился, ещё недавно Ингвару казалось, что хуже быть уже не может, но теперь, когда сверху жгло неумолимое южное солнце, стало совсем отвратительно. Северянин, сжав зубы, продолжал покачиваться в седле, он дал себе слово не поддаться слабости и не выказать боли перед чужаками, но держать его оказывалось всё сложнее. Иногда задувал спасительный лёгкий ветерок, эти моменты были настолько потрясающи, что и по прошествии многих лет Ингвар вспоминал о них, как о чём-то, имеющем внеземную, не поддающуюся человеческому описанию природу. Потом ветер стихал и убийственный зной накатывал снова. Так, в лихорадке между адом и раем они ехали по равнине и меж зелёных холмов, пока не показалась деревушка. Она была невелика, не имела укреплений, а самым большим строением являлась маленькая церковь рыжеватого цвета, подобные селения Ингвар встречал в Тавриде, только церкви там выглядели иначе. Жители гостям не удивились, видимо, встречались уже не в первый раз, однако редкие прохожие на улочках с интересом глядели на северянина.

В итоге они въехали во двор, за одну из плетёных изгородей, увитых каким-то растением. Хозяин, маленький седобородый старичок, выскочил из дома навстречу предводителю отряда, тот сказал ему пару слов и показал на Ингвара. Старичок утвердительно закивал, воины тем временем начали спешиваться. Ингвар тоже сошёл с коня, правда, не успели его ноги коснуться земли, как голова закружилась с утроенной силой, а вокруг всё завертелось. Рот наполнился слюной, и юношу вырвало, не обращая внимания на усмешки окружающих, Ингвар выпря-

мился и проследовал в дом по приглашению хозяина. Там ему дали какого-то жидкого, но наваристого супа, воды, вновь промыли рану и даже наложили под повязку какой-то раствор из яичного белка. После всех этих действий ему указали на кровать, и Ингвар, стацив с себя одежду, почти без чувств повалился на неё. «Спать во что бы то ни стало», – подумал он, смысла сохранять бдительность уже не осталось никакого. Если против него задумали злое, то он вряд ли сможет помешать. «Всё в руках богов, а мне нужно отдохнуть», – с этой мыслью он закрыл глаза и уснул, а когда проснулся, над его кроватью стоял уже не хозяин дома, а тот священник, предводитель отряда. Ингвар чувствовал себя значительно лучше, а потому, не откладывая, посмотрел в глаза очередному гостю своей судьбы и произнёс со всей доступной ему отчётливостью:

– Я говорю по-гречески.

Гость улыбнулся, видимо, заявление ему понравилось, а затем сказал на языке ромеев с прекрасным произношением:

– От тебя воняет.

Ингвар смутился, впрочем, от чего? В походах воняет от всех, а от некоторых воняет и в промежутках между походами. Однако, если на этом заостряют внимание, значит, есть и возможность исправить недоразумение. Сев на кровати, он с вопросительной и в то же время наглой миной на лице ответил:

– Именно.

– Справа от дома, за плетнём, течёт ручей, сходи смой с себя это.

Совет не просто дельный, но и приятный, следуя услышанному напутствию, Ингвар добрёл до ручья. Встав на ноги, он почувствовал, что его всё ещё немного покачивает, хотя уже совсем не так, как до сна. Чтобы добраться до воды, пришлось спуститься по каменистому склону, ручей живой, да только воды в нём маловато. Место оказалось укромным, потому юноша спокойно разделся догола и, стараясь не задеть повязку на ноге, старательно смыл с себя многодневную дорожную пыль и копоть. Вода ледяная – до мурашек, покончив с омовением, Ингвар зачерпнул её ладонями и жадно выпил – от этого зубы приятно свело, теперь он чувствовал себя по-настоящему свежим и возродившимся. Единственной неприятностью оставалась необходимость надевать на себя старую одежду, но тут уж делать нечего – не являться же обратно в гостеприимный дом в чём мать родила.

Когда он вернулся, его проводили в одну из самых просторных комнат дома. Там был накрыт стол, и за ним сидел всё тот же священник.

– Меня зовут Андраник, – представился он. – Поешь, а после поговорим.

– Хорошая мысль, – с улыбкой ответил Ингвар. – Ненавижу говорить на голодный желудок.

– Как и большинство, – кивнул священник, – по крайней мере, из тех, с кем приходится говорить мне.

Ингвар давно не ел так хорошо, простые кушанья: яйца, пшеничные лепешки, мёд, зелень – однако свежее и много. Уже привыкнув к постоянному недостатку еды, Ингвар насытился быстро и поднял взгляд на терпеливо ожидающего тер-Андраника.

– Теперь можем и поговорить.

– Что ж, тогда начинай, – тер-Андраник отломил кусочек лепёшки и себе. – Сперва расскажи, откуда ты знаешь ромейский. Ты не похож на грека, да и твоя речь выдаёт, что этот язык тебе не родной.

Ингвар ответил честно:

– Бывал там с отцом – торговые дела в основном. Но иногда к ромеям в стражу нанимались.

– И ты выучился говорить будучи простым стражником при купеческих сделках? Это не многим удается.

– Я старался.

Тер-Андраник посмотрел на собеседника с интересом и сказал:

– Это весьма похвально. Я люблю людей, которые не душат то, что в них заложено, – затем он выждал, видимо, чтобы дать Ингвару переварить похвалу, после чего спросил:

– Как думаешь, почему ты, чужак, даже не говорящий на нашем языке и наверняка не верующий в нашего Бога, жив, твои руки свободны, а живот полон?

– Вы убедились, что я не представляю опасности? – с деланным простодушием улыбнулся Ингвар.

– О, я бы так не сказал, четверо арабских воинов не станут загонять коней, преследуя безопасного человека. Да и вряд ли безопасный человек будет таскать с собой это, – священник указал взглядом на топор Ингвара, прислонённый к стене в углу.

– Тогда подобной странностью я наверняка обязан тому, что при первой встрече нам не пришлось сражаться на разных сторонах.

– Верно, пролитая кровь оставляет неприятное послевкусие, – кивнул тер-Андраник. – Итак, откуда ты, и как ты оказался здесь, да ещё и в таком незавидном обществе?

Ингвар задумался, подобные вопросы всегда поначалу ставят в тупик своей обширностью.

– Я Ингвар, сын Хельга, – начал он затем, – мы называем себя русами, от ромеев я слышал, как нас именовали скифами, склавенами, но чаще просто варварами...

– Да, полагаю, ты не врешь... – тер-Андраник рассеянно взглянул в угол, где тускло поблёскивало лезвие северного топора. – Я слышал о вас. Могу долго предаваться рассуждениям об истинности и ложности известного мне, но ограничусь лишь тем, что знаю: ваши земли лежат к северу от моря, называемого ромеями Понтом, и дальше вплоть до «внешней окраины Западного океана...» Вы умельцы ходить по морям и охотники наведаться в гости к тем, кто не побоялся построить свой дом близ морского берега. И сила, и слава хоть самого константинопольского базилевса вас не пугает...

«Священник, кажется, поумнее Ставроса...» – подумал Ингвар. Под взглядом этих пристальных карих глаз было сложно придумать и определить для себя, что же стоит рассказать, а о чём лучше умолчать. Ингвар благодарил богов, что в свою последнюю встречу с человеком, обладавшим похожими познаниями, держал язык за зубами и не болтал обо всём подряд. Неплохо бы и сейчас не теряться... С другой стороны, а чего ему скрывать? Он оказался абсолютно один в землях, о которых ничего не знал. Может быть, у него и нет другого выхода, кроме как довериться этому священнику. Свои далеко, без помощи тут не обойтись, может быть, искать её у тех, кто враг убийцам его отца, – не такая уж плохая мысль. Да и прежде ему удалось найти общий язык с христианами из Царьграда, возможно, удастся найти и с этими...

– Мы с остальной дружиной моего отца и со многими кораблями наших братьев – их вёл Энунд сын Эймуда – прошли в Хазарское море, заключив договор с хазарским каганом, а затем пошли в набеги по всему побережью, но взбушевавшееся море расстроило наши планы...

Тер-Андраник вновь кивнул.

– Ваше появление порядком перепугало ширванского шаха, твои братья пролили там много крови, впрочем, как и в прошлый раз, несколько зим назад, когда вы явились впервые.

«Опять ширванский шах», – подумал Ингвар.

– Про то мне неизвестно, – ответил он вслух, – потому как в том походе не было ни меня, ни моего отца, а в этом же мы успели увидеть только шторм.

– Но это не отменяет того, что приплыли вы сюда с кровавыми помыслами, – тер-Андраник словно с беспокойством задвигал бровями, а затем прибавил:

– Но не мне вас судить. Убийц не может судить убийца.

Когда Ингвар продолжил рассказ, то почувствовал, что замечания собеседника приходятся настолько к месту и настолько точны, что скрыть ничего не получалось, хотя юноша

каждый раз и зарекался внутри себя, мол, «об этом я умолчу точно». В результате же он поведал и об убитой девушке, и об исчезновении Рори, и даже о своих константинопольских воспоминаниях. Когда он дошёл до описания арабского плена, лицо тер-Андраника приобрело особенную озабоченность, он начал расспрашивать об их численности, замыслах и даже разговорах. Если о первом из этого Ингвар мог говорить с достаточной точностью, то вот обо всём остальном он не знал ничего, кроме обрывков разрозненных сведений.

– Их вел наиб Мансур, – не преминул отметить юноша.

Тер-Андраник дотронулся рукой до уха и предал взгляду стеклянное выражение.

– Именно! – усмехнулся Ингвар. – Вы похожи. Знаете много похожих вещей.

Священник поморщился.

– Некоторые вещи должен знать каждый, кто чего-то стоит.

Ближе к концу рассказа тер-Андраника несколько раз спрашивали его воины, но он торопливо отсылал их обратно. Звук их языка, ещё вчера не вызвавший у Ингвара ничего, кроме смутных мыслей о сходстве, сегодня прозвучал в его просветлевшем сознании как совершенно знакомый. И тут он вспомнил! Остановившись и выжидательно посмотрев на священника, северянин произнес:

– Мне на память пришло ещё кое-что. Возможно, это важно. В лагере мусульман звучал не только арабский язык.

– Готов спорить, ещё и персидский был, – безразлично пожал плечами священник. – Среди них сейчас многие принимают веру Мухаммеда.

– Да, я слышал, как звучит и персидский, но готов поклясться, что слышал, как там говорили на вашем языке.

Тер-Андраник, услышав это, резко подался вперёд и вскричал:

– Так чего же ты молчал о таком! Что они говорили?!

– Полагаю, если бы я знал ваш язык, мы сейчас говорили бы не по-гречески.

Ингвар подивился такой страстности собеседника, но тот уже успокоился, и, движением руки показав северянину, что всё в порядке, продолжил разговор.

– Может быть, что-то врезалось тебе в память, голос, слова какие-то? Много ли было тех, кто говорил по-нашему?

– Голос был гнусавый, в нём слышалась яркая эмм... не знаю, как это сказать... картавость, что ли. Других голосов не было, но я их и просто не услышать мог.

– Картавый, говоришь... Что ещё? Имена? Названия? Если повторялось что-то по несколько раз – наверняка имена и места, не иначе.

Священник знал, о чём спрашивать. Явно сведущ в искусстве допроса... «Не даром исповедь принимал», – усмехнулся про себя Ингвар.

– Названия слышал точно, если позднее я правильно уловил смысл, они говорили о вестях из Мараги. Потом арабы по пути о ней тоже говорили.

– Марага? Что же, неплохо, а другие? – тер-Андраник вскочил со скамьи и принялся ходить по комнате.

– Багаран? – спросил священник резко, затем замолчал, опершись руками на столешницу.

Ингвар помотал головой. Тер-Андраник вновь заходил по комнате.

– Двин? Вагаршапат? Васпуракан? – спрашивал он в такт своим шагам, но северянин всё нахмуренно мотал головой. – Гугарк?

– Гугарк! Было такое! – вскрикнул Ингвар, услышав знакомое слово, волнение священника передалось и ему. – Для меня ваш язык сложен, но Гугарк на слух приходило!

– А имена? – священник говорил всё быстрее. – Иованнес? Ашот? Гагик? Саак?

Он назвал ещё с десятков имен, пока Ингвар не замахал руками.

– Имена для такого, как я, почти неотличимы от названий, тем более если говорить их так же быстро. Однако точно припоминаю что-то про Ашота... Может быть, если ты перечислишь мне другие и вдвое медленнее, то вспомню и ещё что-нибудь.

– Саак? Было такое? Саак? – с расстановкой теперь говорил тер-Андраник. – Григор? Ерванд? Давид? Васак?

– Да! – хлопнул по столу Ингвар. – Это было и часто! Васак – было!

Тер-Андраник всё ходил по комнате взад-вперёд, проделав это не менее двух десятков раз, он наконец повернулся к юноше и сказал:

– Я скоро вернусь. Ты открыл нам чудесные вещи, в которых, однако, мало приятного. Необходимо принять меры.

Затем он вышел из комнаты, предоставив Ингвара самому себе. Северянин же остался в размышлениях переживать минувший разговор. С одной стороны, этот новый христианин казался немного гордым и высокомерным, с другой, с первых слов он вызывал доверие и желание поделиться. Очень противоречивые впечатления. Так или иначе, теперь этот человек знает всё. Конечно, эти знания рук Ингвару не связывают, но вот к примеру Мансуру он такого не рассказывал... Однако подобные мысли уже начинали раздражать, и северянин решил, что вернуться к ним стоит только после того, как им удастся закончить разговор.

* * *

Тер-Андраник вышел из дома взволнованный и попросил ожидавшего у порога Айка поскорее найти Вараздата. Ну конечно! Вот, кажется, и ключ ко всему, ну или почти ко всему, что мучило его с самого выезда из Багарана. Кажется, на этот раз его поиски действительно дали ему что-то стоящее. В голове крутились слова этого юноши и недавние воспоминания наместника Гехи Васака о «своём картавом тезке». Конечно же, корни всех этих странностей уходили в Гугарк. Если братья Гнтуни давали клятву царю Смбату, из этого вовсе не следует, что они будут служить его сыну. Всё это значит, что царь сейчас едет не на переговоры, а прямо в сердце предательского заговора.

Они долго петляли по горам Арцаха в поисках потерянного арабского следа, его остывшие обрывки вели их к Ширвану, но не предвещали никаких серьёзных плодов – до вчерашнего дня. Теперь казалось ясным, что намеренно запутанный след отвлекал внимание от князей Гугарка, указывая на Гагика Арцруни. Хотя доподлинно выяснить это ещё только предстояло. То, что на эти переговоры приехал сам безухий Мансур, ближайший поверенный востикана Юсуфа, говорит само за себя, однако, вероятно, в этом замешаны и шахи Ширвана и, возможно, кто-то ещё из армянских князей.

Поиск корней заговора сейчас был задачей второстепенной, в первую же очередь нужно было предупредить царя. Путь Ашота в Гугарк пролегал через обширные земли с остановками у верных вассалов, что оставляет тер-Андранику малую возможность успеть к нему на помощь. Так или иначе, даже если им удастся предупредить его, времени избежать столкновения уже не останется, потому что нужно привести государю хотя бы пару десятков воинов.

Тут из-за плетня показался Вараздат и, как всегда, в своей слегка бесцеремонной манере вместо приветствия спросил:

– Ну что, как парнишка?

– Смышлёный. Но есть вести и поважнее.

Вараздат выслушал новости с весёлым выражением лица, а когда тер-Андраник закончил, воскликнул:

– Благослови Господь этого парня! Хотя он, скорее всего, просто грязный язычник, это подняло мне настроение. У меня в печёнках сидят эти бесплодные странствия по здешним оврагам.

– Я рад, что тебе это так по душе, – тер-Андраник откашлялся, – но не забывай, что мы вновь можем остаться без царя.

– Шутишь? Нет, я в это не верю. Что бы судьба не готовила нашему царю, но его правление не закончится под клинками проклятых гугаркцев. Вот ей-богу, арабские головорезы никогда не получили бы и трети наших земель, если бы за спиной каждого их эмира не прятался бы целый выводок подлецов из наших князьков.

– Царю нужны воины.

– Я знаю, к чему ты клонишь, – Вараздат скрестил руки на груди. – Слишком далеко до царских земель, чтобы посылать туда за подмогой... Но я б обратился к владыке Гардмана, это по пути.

– Старику Севаде?

– Да, он же давно метит в тестя царя и будет рад оказать ему помощь.

– Этот старик не так прост, как кажется. Не забывай: у него две дочери и вторую он выдает за князя Сюникских земель, так что известие о возможной гибели царя помимо желания помочь может пробудить в нём и другие желания...

Вараздат кивнул, но явно остался при своём мнении:

– Попробовать стоит, я считаю. Чтобы не вызывать подозрений, я с парой человек наведаюсь в Гардман и попытаюсь вытянуть из него хотя бы пятьдесят клинков, не посвящая глубоко в происходящее. Вы же идите прямо, мы нагоним.

Подумав, тер-Андраник согласился, до Саака Севады ближе, чем до Ахталы, владений Ерванда Кюрикяна, и в условиях спешки это весьма весомый аргумент. Да и Вараздату он доверял как себе, он умеет не болтать лишнего, и отправить его к гардманскому князю с таким поручением было вполне разумным решением.

– А что сделаешь с парнишкой? – прервал затянувшееся молчание Вараздат.

– Ещё не решил. Он сослужил нам неплохую службу, чем вполне расплатился за своё спасение, возможно, его роль в этой истории уже сыграна.

Разведчик покачал головой:

– Знаешь, будь моя воля, я бы взял его с нами. Он боец – это по всему видно, не только из его рассказа. Да и кому, как не тебе, священнику, знать, что такие встречи редко бывают случайными.

– Все встречи в этой жизни неслучайны, – священник задумчиво провёл рукой по траве, вымахавшей здесь, у плетня, едва ли не в человеческий рост. – Но иногда мы поддаемся соблазну вкладывать в них тот смысл, который нам хочется.

– Что ж, увидим, – кивнул Вараздат.

На этом они простились, Вараздат решил, что выедет немедленно, тогда как остальной отряд отправится только с рассветом. Себе в провожатые он выбрал Гора и Азата.

Вернувшись в дом, священник застал Ингвара за тем же столом в глубокой задумчивости. Когда юноша заметил вошедшего, он встряхнулся и поднял на него вопросительный взгляд.

– Ты нам здорово помог, – начал тер-Андраник, – однако теперь мы должны действовать в спешке. Что касается тебя, то можешь выбирать: или ты получаешь коня, мешок с едой и дорогу на все четыре стороны с моим добрым напутствием, или же отправляешься с нами. В этом случае в придачу ко всему перечисленному ты получишь кольчугу и возможность погибнуть за царя, которого ты никогда прежде и не видел. Но если нам повезет, то будь уверен, ты сможешь увезти отсюда нечто гораздо большее, чем мешок солонины. Если нужно подумать – у тебя есть время до завтрашнего рассвета.

Ингвар опёрся спиной на стену и медленно произнес:

– Мне нет нужды думать.

С улицы донёсся стук копыт – это Вараздат покидал деревню. Ингвар прислушался, проводил всадников взглядом, точно видел их сквозь стену и продолжил:

– Мне нет нужды думать. Я слишком долго не носил кольчугу и успел по ней соскучиться.

Глава IV

«... Как бы то ни было, в положении, с которым мы имеем дело, нет ничего сложного. Наш государь Ашот по праву наследования – единственный законный монарх в Армении. Власть его отца признавалась большинством наших князей, и даже арабы с ромеями воздавали ему должные почести. Но законным царям верны не все, поэтому государев дядя (его тоже зовут Ашот) так и остался вечным возмутителем спокойствия, даже за маской преданности он плетёт против своего венценосного родича интриги. Через своего отца он унаследовал титул великого спарапета, то есть военачальника Армении, ну а через деда – претензии на царский титул. Сейчас он затаился, но мы знаем, что от него всегда можно ожидать подлости. Однако едем мы не к нему, не хочу тебя запутать ещё больше, но наш путь лежит в княжество Гугарк – ты слышал про него, оно стоит на самой границе с землями иберов. Его князья Васак и Ашот – вассалы нашего царя, и, так как ты нас любезно предупредил, мы знаем, что и они плетут против него заговор... Кому нынче доверять, ты спросишь? Разве что Всевышнему... Но ты в него и не веришь! Так что государева поездка к ним может обернуться весьма худо, если мы не подоспеем вовремя...» Отряд взбирался на каменистую гору верхом, выстроившись по двое друг за другом. Ингвар ехал рядом с тер-Андраником, и священник обстоятельно посвящал его в суть истории, в которую северянин ввязался парой дней раньше. Юноша пытался не потягаться в повествовании, которое пестрело подробностями и незнакомыми именами, однако всего он, конечно же, не запомнил. Выражая общее впечатление, Ингвар спросил:

– Послушай, а у вас в стране есть хотя бы один Ашот, который не стремится завладеть царской короной?

Тер-Андраник рассмеялся, юноша ему нравился.

– Да, полагаю, один найдется, например, вон тот улыбочивый парень, что едет позади тебя.

Ингвар обернулся, ехавший за ними следом молодой воин, услышав своё имя в разговоре на незнакомом ему языке, поглядел на них непонимающим взглядом. Да, у него и правда был слишком простодушный вид для тайных политических амбиций.

– А Гагик Арцруни? Вы говорите о нём едва ли не чаще, чем о своём царе, – северянин хотел разобраться в деле не на шутку.

– О, об этом старом лисе тоже забывать нельзя, он владеет большей частью армянских земель и не прочь прибрать к рукам оставшуюся. Тут стоит сказать, что когда-то нашему народу принадлежали земли от моря, которое ты называешь Хазарским, до Киликийского моря на западе и самого Понта на севере. Наши соплеменники до сих пор живут там в своих городах, но лишь малая часть этих земель управляется независимо. Что-то прибрали ромеи, что-то – арабы и другие народы, с которыми мы теперь соседи. Княжество Васпуракан отстояло свою свободу, я и сам оттуда родом – это прекрасные земли, там сердце нашей истории... Вокруг озера Ван столетиями стоят наши древние столицы, и когда-то, много веков назад, именно туда наш предок Айк, прародитель всех армян, привёл свой народ. В твои годы я часто видел это во сне: как три сотни мужей с семьями и дорожными вьюками выходят к голубым водам моего родного озера. Отчего-то мне всегда казалось, что это случилось зимой, когда горы и холмы кругом покрыты снегом и синева воды смешивается с небом, играя бликами на белой прослойке нашего мира между двумя стихиями... Я не был там много лет и иногда ужасно скучаю по пронизывающим ветрам, которые обдувают берега озера в зимние месяцы. Именно в зимние, летняя жара убивает величие природы...

Ингвар не умел с достаточным чувством реагировать на подобные речи, хотя тоска священника по родным местам была ему понятна.

– А почему не хочешь вернуться? – спросил он, чувствуя, что нельзя позволить повиснуть молчанию в такой момент.

– Не хочу? Да нет, я бы пошёл за счастье погостить там немного, но теперь мне, слуге дома Баградуни, путь туда заказан. Веспураканом правит дом Арцруни, их древность и сила вкупе с обширностью подвластных земель даёт им основания бороться за первенство среди армянских князей, а Гагик, Глава дома, честолюбив без меры и не погнушается ничем, если это приведёт его к ещё большему могуществу... Когда-то он предал Смбата, отца нашего государя, а после того принял от арабского халифа царскую корону, заявив таким образом, что он ровня Багратидской династии.

– Там, откуда я родом, такое происходит сплошь и рядом, – пожал плечами Ингвар, – ярлы и князья могут делить меж собой города, воинскую добычу, да хоть бы и жён, они достаются тому, кто оказывается сильней, но это всех устраивает – ведь значит, такова воля богов.

– Люди везде одинаковы, мой друг, просто скрывают свои стремления под разными личинами.

Подъём кончился, и путь стал шире, всадники подстегнули коней, и разговоры смолкли. Для Ингвара это означало возможность вновь остаться наедине с собой. Последние дни научили его, что всё, виденное человеком своими глазами, может быть столь же обманчиво, как и то, что рассказывают другие. С армянами ему нравилось больше, чем с арабами, но, вероятнее всего, только из-за подробностей их первой встречи. Здесь в его сторону металось меньше косых взглядов, и здесь он чувствовал себя свободным, хотя новые товарищи (их он действительно мог назвать товарищами, ведь на этот раз он не имел никаких скрытых замыслов) не стремились принимать его как своего. Предводитель отряда ему нравился, правда, временами он был слишком многословен; беседы его занимательны, но Ингвару казалось, что священник больше рад возможности поупражняться в греческом, чем предоставить юноше дружеское общение.

Дружелюбие священника после истории с Мансуром всё равно вызывало у Ингвара подозрения. Обосновать он этого не мог, ведь взаимоотношения северянина с этими христианами строились на добровольной основе и лукавить просто не было причин, но один раз обжёгшись, сложно сразу обращаться с огнём без опаски. Поэтому Ингвар держал ухо востро. «Как ни крути, привычка к бдительности не помешает», – думал он и не искал ни с кем лишнего общения.

За дни, прошедшие с тех пор, как он ответил согласием на предложение тер-Андраника, Ингвар нередко размышлял, а верно ли он поступил. Быть может, стоило взять предложенные дары и отправиться восвояси? Однако в миг решения он со всей ясностью осознал, что это та дверь, которую он не ведая ждал в течение стольких лет, и если смалодушничать, то она захлопнется навсегда. И вот теперь он скачет на север вместе с очередным отрядом воинов, языка которых он не знает, чьи традиции ему чужды и которые сами также не выказывают ему особенного радушия. Положение неоднозначное, но ряд очевидных достоинств в этом всем был: под потёртым арабским халатом северянин теперь носил крепкую железную кольчугу, на ноги ему достались довольно поношенные, но лёгкие и удобные сапоги, ну и главное – множество великих саг, слышанных им, начинались именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.